Право и общество

16+

ISSN 2713-0207 № 4 (5) 2021

Выходит 4 раза в год
Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Зарегистрирован 30 июля 2020 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС-78826

Учредитель: Кировское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
Адрес учредителя: 610000, Кировская область, г. Киров, ул. Дерендяева, д. 23
Издатель: Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Адрес редакции и издателя: 610000, Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, д. 99
Телефон редакции и издателя: (833-2) 67-54-24
Электронная почта редакции: science@msalkirov.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Получение материалов для публикации означает согласие авторов на передачу права на издание отредактированного варианта статьи в журнале.
Учредитель и издатель не несут ответственности за ущерб, который может наступить в результате использования или ненадлежащего использования информации, содержащейся в данном издании.
Полное или частичное воспроизведение в печатной или электронной форме материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.12.2021 г. Тираж 100 экз.
Дата выхода в свет 29.12.2021 г. Цена свободная.
Заказ 572. Формат 60x84x1/8. Усл. печ. л. 10,85.

Отпечатано в ООО «Издательство «Аверс»:
610020, Кировская область, г. Киров, ул. Труда, 70
Тел.: (833-2) 47-42-77, e-mail: avers@kirovnet.net

© ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2021

Главный редактор:
Шаклеин Николай Иванович – доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры СССР, заслуженный юрист России, почетный председатель Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Редакционная коллегия:
Винокуров Алексей Дмитриевич – руководитель Кировского филиала Московской коллегии адвокатов «Яковлев и партнеры», адвокат, председатель исполнительного комитета Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
Дряхлов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Ермакова Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Караваев Николай Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Комарова Валентина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего образования Российской Федерации
Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор, судья Второго арбитражного апелляционного суда
Макарова Елена Владимировна – исполнительный директор-руководитель аппарата Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
Плотникова Елена Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Седельникова Раиса Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Фешенко Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Содержание

Именной указатель 3

Трибуна молодого ученого

Автухова О. С., Кузнецова М. М. Правовые особенности переоформления прав на земельные участки 4

Бабушкин В. С. Проблемы отграничения разбоя от смежных составов преступлений 7

Борисова А. Д. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений 11

Бунтушак А. М. Проблемы правоприменительной практики, связанной с неисполнением судебных актов 16

Веретенникова К. О. Зарубежный опыт законодательства в уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения 19

Верещагина М. С. История развития законодательства об ответственности за хулиганство в России 23

Демакова С. Г. Понятие естественной монополии и её особенности в электроэнергетике 27

Докунихин Ю. В. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве и в коммерческом подкупе в незначительном размере 31

Крицкая А. И. Правовые аспекты лицензирования деятельности по размещению отходов I-IV класса опасности 35

Малышева К. В. Социальная реклама в России и Германии: генезис понятия и особенности правового регулирования 39

Мотошков Н. Е. Проблемы отграничения террористического акта от иных составов преступлений ... 43

Мусихина Н. Е. Онлайн-торговля лекарственными препаратами 48

Рожкова М. А. Проблемы определения правовых последствий одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта ... 51

Парышев А. И., Копытов В. Ф. Исторический анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за экстремистские преступления 57

Ратканова М. А. История развития института фиктивного брака в России 64

Рослякова Е. С. Проблемы отграничения кражи от мошенничества 68

Сандалова С. И. Субъективная сторона принуждения к даче показаний 74

Снигирева С. Е. Способы защиты репутации делового характера физических и юридических лиц 77

Созонтова Ю. Д. Уклонение от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного при условном осуждении: понятие, признаки 80

Тамлиани Д. М. Посессорный интердикт как средство защиты владения в римском праве 84

Фоминых А. В., Шмырина А. С. Преюдиция в государственных и третейских судах 89

Contents

Author Index 3

Rostrum of the young scientist

Avtukhova O. S., Kuznetsova M. M. Legal features of re-registration of rights to land plots 4

Babushkin V. S. Problems of distinguishing robbery from related crimes 7

Borisova A. D. The concept and signs of cultural property as objects of crime 11

Buntushak A. M. Problems of law enforcement practice, related to non-execution of judicial acts 16

Veretennikova K. O. Foreign experience of legislation in criminal liability for violation of traffic rules 19

Vereshchagina M. S. The history of the development of legislation on liability for hooliganism in Russia 23

Demakova S. G. The concept of natural monopoly and its features in the electric power industry 27

Dokunikhin Y. V. The problems of qualification of mediation in bribery and commercial bribery in a small amount 31

Kritskaya A. I. Legal aspects of licensing of waste disposal of I-IV hazard classes 35

Malysheva K. V. Social advertising in Russia and Germany: the genesis of the concept and features of legal regulation 39

Motoshkov N. E. Problems of distinguishing a terrorist act from other types of crimes 43

Musikhina N. E. Online trade in medicinal products 48

Rozhkova M. A. Problems of determining the legal consequences of a unilateral refusal to perform a state (municipal) contract 51

Paryshev A. I., Kopytov V. F. Historical analysis of the criminal legislation providing for responsibility for extremist crimes 57

Ratkanova M. A. History of the institution of fictitious marriage in Russia 64

Roslyakova E. S. Problems of delimiting theft from fraud 68

Sandalova S. I. The subjective side of coercion to testify 74

Snigireva S. E. Methods of Protecting the Business Reputation of Individuals and Legal Entities 77

Sozontova Y. D. Evasion of the Commitments Imposed by the Court on the Convicted Person under Suspended Sentence: Idea, Characteristics 80

Tamliani D. M. Possessional interdict as a means of protecting possession in Roman law 84

Fominykh A. V., Shmyrina A. S. Prejudice in state and arbitration courts 89

Именной указатель

Автухова Олеся Сергеевна 4
Бабушкин Владислав Сергеевич 7
Борисова Анастасия Дмитриевна 11
Бунтушак Алеся Мирославовна 16
Веретенникова Кристина Олеговна 19
Верещагина Марта Сергеевна 23
Демакова Светлана Геннадьевна 27
Докунихин Юрий Васильевич 31
Копытов Владислав Федорович 57
Крицкая Анастасия Игоревна 35
Кузнецова Марина Михайловна 4
Малышева Ксения Витальевна 39
Мотошков Никита Евгеньевич 43
Мусихина Надежда Евгеньевна 48
Парышев Алексей Игоревич 57
Ратканова Марина Андреевна 64
Рожкова Мария Александровна 51
Рослякова Елена Сергеевна 68
Сандалова Светлана Игоревна 74
Снигирева Софья Евгеньевна 77
Созонтова Юлия Дмитриевна 80
Тамлиани Диана Маизеровна 84
Фоминых Александр Владимирович 89
Шмырина Анастасия Сергеевна 89

Author Index

Avtukhova Olesya Sergeevna 4
Babushkin Vladislav Sergeevich 7
Borisova Anastasia Dmitrievna 11
Buntushak Alesya Miroslavovna 16
Demakova Svetlana Gennadievna 27
Dokunikhin Yuri Vasilyevich 31
Fominykh Alexander Vladimirovich 89
Kopytov Vladislav Fedorovich 57
Kritskaya Anastasia Igorevna 35
Kuznetsova Marina Mikhailovna 4
Malysheva Ksenia Vitalievna 39
Motoshkov Nikita Evgen'evich 43
Musikhina Nadezhda Evgenievna 48
Paryshev Alexey Igorevich 57
Ratkanova Marina Andreevna 64
Roslyakova Elena Sergeevna 68
Rozhkova Maria Aleksandrovna 51
Sandalova Svetlana Igorevna 74
Shmyrina Anastasia Sergeevna 89
Snigireva Sofia Evgenievna 77
Sozontova Yuliya Dmitrievna 80
Tamliani Diana Maizerovna 84
Vereshchagina Marta Sergeevna 23
Veretennikova Kristina Olegovna 19

Трибуна молодого ученого

Правовые особенности переоформления прав на земельные участки

Legal features of re-registration of rights to land plots

Автухова Олеся Сергеевна,

обучающийся 4 курса по программе бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кузнецова Марина Михайловна,

обучающийся 4 курса по программе бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Avtukhova Olesya Sergeevna,

4 years undergraduate student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Kuznetsova Marina Mikhailovna,

4 years undergraduate student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В статье рассмотрен актуальный вопрос правового регулирования переоформления прав на земельные участки гражданами и юридическими лицами, раскрыты особенности реализации данного права, а также выявлены пробелы правового регулирования данного института.

Ключевые слова: земельные участки, переоформление прав на земельные участки, постоянное (бессрочное) пользование.

Abstract. The article considers the current issue of legal regulation of the re-registration of rights to land plots by citizens and legal entities, reveals the features of the implementation of this right, and identifies the gaps in the legal regulation of this institution.

Key words: land plots, re-registration of rights to land plots, permanent (indefinite) use.

В современном российском обществе большая часть земельных участков принадлежит гражданам и юридическим лицам на праве собственности, что характерно для демократического и правового государства. Однако не малая часть земельных участков находится ещё на праве постоянного безвозмездного пользования, то есть правовом институте советской правовой системы.

Стоит отметить, что Земельный кодекс Российской Федерации (далее – ЗК РФ)[1] существенно ограничил круг субъектов права постоянного (бессрочного) пользования. В соответствии с п. 1 ст. 20 ЗК РФ в постоянное (бессрочное) пользование земельные участки могут предоставляться только государственным и муниципальным учреждениям, федеральным казенным предприятиям, а также органам государственной власти и местного самоуправления, то есть организациям, созданным государством либо муниципальными образованиями.

Первоначально (с 30.10.2001 по 31.08.2006) законодатель определил, что все граждане, которым государственные или муниципальные земельные участки были предоставлены до введения в действие ЗК РФ на праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения, могут бесплатно переоформить это право на право собственности (п. 5 ст. 20, п. 3 ст. 21 ЗК РФ). Для переоформления гражданин должен был подать заявление в компетентный исполнительный орган го-

[1] Российская Федерация. Законы. Земельный Кодекс Российской Федерации: ЗК: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 10.01.2021: [принят Государственной Думой 28 сентября 2001 года: одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года]. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст: электронный.

сударственной власти или местного самоуправления в соответствии с п. 3 ст. 28 ЗК РФ[2].

В 2001 году в национальное земельное законодательство были введены поправки Федеральным законом от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»[3]. В 1 и 2 пункте данного закона предусмотрена возможность переоформления права постоянного (бессрочного) пользования на право аренды или право собственности. При переоформлении прав на земельный участок возникающие отношения не являются гражданскими, так как они не основаны на равенстве, автономии воли, и сторонами этих отношений не являются участники гражданского оборота. Процедура переоформления права постоянного (бессрочного) пользования установлена в п. 3 ст. 28 ЗК РФ, в соответствии с которой уполномоченный орган обязан принять решение о предоставлении земельного участка в течение 2 недель со дня подачи заявления в письменной форме. Таким образом, при подаче заявления индивидуальным предпринимателем о переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования на право собственности начиналась административная процедура переоформления, которая была урегулирована земельным законодательством, и она не связана с осуществлением гражданином предпринимательской деятельности.

Стоит отметить различие правового регулирования данной процедуры для граждан и юридических лиц.

Юридические лица всех форм собственности, за исключением муниципальных предприятий и учреждений, были обязаны переоформить право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды или право собственности по своему желанию до 1 июля 2012 года, а в случае с земельными участками, на которых расположены линейные объекты (линии электропередачи, связи, трубопроводы, дороги и т.д.) – до января 2016 года.

Переоформление права постоянного (бессрочного) пользования на право аренды или право собственности возможно для граждан, которым земельные участки на праве постоянного (бессрочного) пользования были предоставлены:

1) для ведения личного подсобного, дачного хозяйства;

2) для огородничества или садоводства;

3) для индивидуального гаражного и жилищного строительства.

Кроме того, имеют право на переоформление и те граждане, которые вступили в права наследования на объекты недвижимости, расположенные на таком земельном участке. Действующим законодательством Российской Федерации не ограничен срок, в течение которого граждане должны переоформить право постоянного (бессрочного) пользования на иные виды вещных прав.

Однако, право постоянного (бессрочного) пользования находящимися в государственной или муниципальной собственности земельными участками, возникшее у граждан или юридических лиц до дня введения в действие ЗК РФ, сохраняется[4].

Для понимания вопроса следует уточнить понятие переоформления прав на земельные участки. Прежде всего, отметим юридическую неточность, с которой сформулировано положение закона[5].

Термин «переоформить» имеет не юридическое, а бюрократическое значение. Цивилистика не знает такой терминологии применительно к вещным правам. Наука гражданского права, а также действующее гражданское законодательство при описании того или иного вещного права использует такие понятия как содержание вещного права, его возникновение и прекращение, переход права.

В данном случае процедура так называемого «переоформления» права постоянного (бессрочного) пользования, на наш взгляд, включает в себя как минимум два этапа:

1) отказ правообладателя от принадлежащего ему права;

2) приобретение (возникновение) нового права на землю (аренды либо права собственности).

При этом как прекращение права постоянного (бессрочного) пользования, так и вновь возникшее право на землю подлежит регистрации в соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ[6].

---

[2] Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей. Практическое пособие. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 411 с. – ISBN 978-5-534-05419-4. – Текст : электронный // ЭБС ЮРАЙТ. – URL: https://urait.ru/book/pravo-nedvizhimosti-rossiyskoy-federacii-ponyatie-i-vidy-nedvizhimyh-veschey-441370.

[3] Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» : текст с изм. и доп. вступ. в силу с 28.08.2020 : [принят Государственной Думой 28 сентября 2001 года: одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года]. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст : электронный.

[4] Пчельников М. В. Земельный участок: виды прав и их защита. – Текст : Учебник для академического бакалавриата – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 255 с. – ISBN 978-5-534-05031-8. – Текст : электронный // ЭБС ЮРАЙТ. – URL: https://urait.ru/book/zemelnoe-pravo-431090.

[5] О переоформлении юридическими лицами прав постоянного (бессрочного) пользования земельными участками. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-pereoformlenii-yuridicheskimi-litsami-prav-postoyannogo-bessrochnogo-polzovaniya-zemelnymi-uchastkami (дата обращения: 12.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

[6] Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть Первая: ГК : текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2020 : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года : одобрен Советом Федерации 30 ноября 1994 года]. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст : электронный.

Ни Закон о введении в действие ЗК РФ, ни ЗК РФ не устанавливают саму процедуру переоформления прав на землю, не определяют её порядок, условия и сроки, а также государственные гарантии для землепользователей. Нет механизма по возмещению затрат и убытков землепользователей. Именно поэтому на практике возникал ряд проблем[7].

Таким образом, государственная политика направлена на сокращение числа вещных прав на землю. Для «обычных» юридических лиц – это право собственности либо обязательственное право аренды. С другой стороны, государство стремится достичь указанных целей с наименьшими имущественными затратами. Поэтому, не издавая актов о прекращении вещных прав на землю, предпринимает попытки понудить к этому землепользователей «добровольно», в том числе, с помощью административных и прочих мер внеэкономического характера.

Все это свидетельствует об одностороннем подходе к проблеме реформирования существующей системы прав на землю.

Библиография

1. Алексеев, В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей. Практическое пособие. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 411 с. – ISBN 978-5-534-05419-4. – Текст : электронный // ЭБС ЮРАЙТ. – URL: https://urait.ru/book/pravo-nedvizhimosti-rossiyskoy-federacii-ponyatie-i-vidy-nedvizhimyh-veschey-441370.

2. О переоформлении юридическими лицами прав постоянного (бессрочного) пользования земельными участками. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-pereoformlenii-yuridicheskimi-litsami-prav-postoyannogo-bessrochnogo-polzovaniya-zemelnymi-uchastkami (дата обращения: 12.03.2021). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

3. Позднякова, Е. А.; Под общ. ред. Боголюбова С. А. – Земельное право. Практикум. Учебное пособие для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 129 с. – ISBN 978-5-534-08192-3. – Текст : электронный // ЭБС ЮРАЙТ. – URL: https://urait.ru/book/zemelnoe-pravo-praktikum-433016.

4. Пчельников, М. В. Земельный участок: виды прав и их защита. – Текст : Учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 255 с. – ISBN 978-5-534-05031-8. – Текст : электронный // ЭБС ЮРАЙТ. – URL: https://urait.ru/book/zemelnoe-pravo-431090.

[7] Позднякова Е. А.; Под общ. ред. Боголюбова С. А. – Земельное право. Практикум. Учебное пособие для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 129 с. – ISBN 978-5-534-08192-3. – Текст : электронный // ЭБС ЮРАЙТ. – URL: https://urait.ru/book/zemelnoe-pravo-praktikum-433016.

Проблемы отграничения разбоя от смежных составов преступлений

Problems of distinguishing robbery from related crimes

Бабушкин Владислав Сергеевич,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Babushkin Vladislav Sergeevich,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации разбоя и способов их преодоления, основанные на материалах теоретических положений отграничения разбоя от смежных составов преступления, таких как грабеж, вымогательство, бандитизм и пиратство. Выделены признаки, позволяющие отграничить разбой от смежных составов преступления. Выявлены ошибки, которые чаще всего присутствуют при отграничении разбоя от других смежных составов.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, преступление, разбой, чужое имущество, насилие, здоровье человека.

Abstract. The article discusses the problems of the qualification of robbery and ways to overcome them, based on the materials of the theoretical provisions of the separation of robbery from related crimes, such as robbery, extortion, banditry and piracy. The signs that allow to distinguish robbery from related elements of the crime are highlighted. The errors that are most often present when separating the robbery from other adjacent compositions are revealed.

Key words:Criminal Code of the Russian Federation, crime, robbery, other people's property, violence, human health.

В соответствии со ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), разбой – «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». В процессе квалификации разбоя в судебной практике допускаются ошибки при его отграничении от грабежа, вымогательства, бандитизма и пиратства.

В УК РФ содержатся два вида насильственных хищений: насильственный грабеж, предусмотренный п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, и разбой (ст. 162 УК РФ). Насильственный грабеж – это открытое хищение чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Эти преступления отличаются по объекту. Если в разбое имеется два объекта, основной из которых собственность, а дополнительный – жизнь и здоровье человека, то в насильственном грабеже основным непосредственным объектом является право собственности, а дополнительным факультативным – телесная или психическая неприкосновенность.

Следующее отличие – характер применяемого насилия. При совершении разбоя применяется насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего, а при грабеже не опасное. Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29, под насилием, не опасным для жизни и здоровья следует понимать «побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)»[1]. То есть, при грабеже насилие не вызывает кратковременного расстройства здоровья, когда при разбое причиняется вред здоровью потерпевшего. Также говорится и о том, что если во время нападения с целью хищения чужого имущества не был причинен вред здоровью, но создавалась реальная угроза для жизни и здоровья потерпевшего, то такое деяние следует квалифицировать как разбой.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

Отсюда вытекает следующее отличие – характер высказываемой угрозы применения насилия. Угроза применения насилия является средством завладения чужим имуществом и его удержания. Она сопровождает изъятие чужого имущества или высказывается сразу после получения такового. Важным для квалификации является характер угрозы. При разбое высказывается угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, в грабеже – не опасного для жизни и здоровья. «Также необходимо учитывать субъективное восприятие протерпевшим характера применяемой виновным угрозы, время и место совершения преступления, число преступников, характер предметов, которыми они угрожали или которые были у них в руках»[2].

Четвертое отличие – момент окончания преступления. Разбой считается оконченным с момента нападения с целью хищения, вне зависимости от того завладел виновный чужим имуществом или нет, поэтому он имеет «усеченный» состав преступления. Состав грабежа – материальный, он окончен, когда виновный завладел чужим имуществом.

Пятым критерием отграничения является применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В случае хищения чужого имущества при введении веществ в организм потерпевшему против его воли или путем обмана, большую роль для квалификации будет иметь свойства и характер действия такого вещества. Если оно является сильнодействующим, ядовитым или одурманивающим и вводится для приведения потерпевшего в беспомощное состояние, то применение такого вещества следует квалифицировать как разбой, поскольку является опасным для здоровья или жизни. Если же введено вещество, не опасное для жизни или здоровья человека, то деяние следует квалифицировать как насильственный грабеж. Опасность применения веществ определяется при проведении химической экспертизы. Например, аналогичного мнения придерживается С. М. Кочои[3].

Смежным составом преступления по отношению к разбою является вымогательство. Первое отличие – предмет преступления. При разбое это чужое имущество, не находящееся в собственности или законном владении у виновного, а при вымогательстве – чужое имущество, право на чужое имущество, а также действия имущественного характера.

Вторым критерием разграничения является момент угрозы. При разбое угроза применения насилия предъявляется сразу при попытке сопротивления со стороны потерпевшего, при вымогательстве угроза приводится в исполнение в отдаленном будущем, если условия виновного не будут соблюдены. Н. А. Лопашенко выразила наиболее распространенное в доктрине мнение, согласно которому угроза при вымогательстве обращена в будущее, то есть виновный не собирается претворить ее в действие немедленно, угрожая, напротив, насилием в дальнейшем[4]. Иной точки зрения придерживался Б. В. Волженкин, который усматривал вымогательство и при угрозе немедленным применением насилия[5]. Мы считаем, что насилие или угроза применения насилия могут применяться в момент предъявления требования о передаче предмета преступления. Однако, при разбое имущество изымается сразу после применения физического или психического насилия, а при вымогательстве оно передается через определенный промежуток времени, в будущем.

Следующе отличие – вид насилия, применяемый при совершении преступлений, предусмотренных основными составами таких преступлений. Так в разбое насилие может быть как физическое, так и психическое, а в вымогательстве только психическое. Однако в п. «в» ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ содержатся квалифицированные составы преступлений, которые предусматривают применение физического насилия, при этом, применяться может насилие, не опасное для жизни и здоровья. Отсюда вытекает следующее отличие – характер угрозы. Если в разбое это угроза применения физического насилия, то в вымогательстве, согласно ст. 163 УК РФ, это как угроза применения насилия, так и угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Пятым отличием является способ совершения преступлений. При разбое это нападение, поскольку виновный изымает чужое имущество, а в вымогательстве это требование, так как виновный лишь требует передачи имущества или прав на него, либо осуществления определенных действий. В качестве отличительной особенности некоторые ученые выделяют способ перехода имущества. Они полагают, что в вымогательстве потерпевший сам передает имущество, а при разбое – виновный его изымает[6]. Однако данное положение не поддержано ни в советской науке[7], ни в нынешней науке уголовно-

[2] Герасимова Е. В. Квалификация преступлений против собственности: учебно-практическое пособие. – Саратов: Вузовское образование, 2018. – С. 97-123.

[3] Кочои С. М. Преступления против собственности: Коммент. гл. 21 УК РФ. – М.: Проспект, 2001. – С. 42.

[4] Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – С. 207.

[5] Волженкин Б. В. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Норма, 2001. С. 414.

[6] Дубровин Н. В. Понятие и общая характеристика преступлений против собственности // Вектор науки ТГУ Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1 (24). – С. 38-41.

[7] Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6-ти томах: Часть особенная. Т. 5 / Кригер Г. Л., Пионтковский А. А., Ромашкин П. С. – М.: Наука, 1971. – С. 354.

го права[8], которые признают возможным передачу имущества потерпевшим в разбое. Мы согласны с тем, что при разбое виновный отбирает чужую вещь у потерпевшего, но и сам потерпевший может отдать свою вещь злоумышленнику под страхом возможности применения насилия.

Также разбой отличается от вымогательства тем, что общепринято относить разбой к формам хищения, а вымогательство к таковым не относится.

В свою очередь, необходимо отграничивать разбой, совершенный организованной группой с применением оружия от бандитизма, уголовная ответственность за который предусмотрена ст. 209 УК РФ. Из-за наличия большого количества общих черт у вооруженного разбоя, совершенного организованной группой, и бандитизма в доктрине образовалось два подхода относительно соотношения этих преступлений. Первые указывают на то, что их невозможно дифференцировать. В. М. Быков[9] отмечает сложности разграничения этих преступлений вследствие несовершенства ст. 35 УК РФ, устанавливающую формы соучастия. Иного мнения придерживается А. П. Севрюков, он полагает что конкуренции норм между вооруженным разбоем, совершенным организованной группой, и бандитизмом нет[10]. В. В. Векленко придерживается мнения, что действия участников банды, совершившей разбой, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, поскольку состав бандитизма не охватывает посягательства против собственности[11].

Для сопоставления составов преступлений необходимо обратиться к п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1, в котором под бандой понимается организованная устойчивая вооруженная группа, состоящая из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации[12].

В процессе анализа можно выделить следующие отличия составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 162 и 209 УК РФ. Во-первых, преступления отличаются по объекту. Если у разбоя непосредственным объектом являются отношения собственности, а дополнительным – жизнь и здоровье человека, то у бандитизма они относятся к дополнительным объектам, а основным является общественная безопасность.

Во-вторых, отличие заключается в сущности и мотиве нападения. Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1, нападение – «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения». При этом не обязательно применение оружия при совершении преступления. В п. 12 вышеуказанного постановления сказано о том, что «статья 209 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей, осуществляемых вооруженной бандой нападений. Это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т.д.»[13].Таким образом, наличие разнообразия мотивов позволяет отнести бандитизм в главу против общественной безопасности, а не против собственности.

Нападение в разбое является обязательным признаком объективной стороны, тогда как при бандитизме является целью создания вооруженной группы, то есть признаком субъективной стороны.

Преступления различаются по характеристике вооруженности. Ч. 2 ст. 162 УК РФ предусмотрен разбой, совершенный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Данное положение охватывает непригодное оружие, имитацию оружия, а также иные предметы, используемые в качестве оружия. При этом, за незаконное приобретение, хранение и ношение оружия виновные понесут уголовную ответственность по соответствующей статье УК РФ, тем самым образуя реальную совокупность преступлений с разбоем. Обязательным признаком банды является ее вооруженность, то есть наличие оружия у членов банды. Однако оружие подразумевается в прямом смысле слова, а именно предназначенное для поражения живой или иной цели, т.е. пригодное для его применения[14].

В доктрине существует мнение, что граница между разбоем и бандитизмом исчезает, в случае если разбой совершается организованной группой, с использованием оружия. Например, В. М. Быков и С. М. Кочои считают, что в данной ситуации разграничение между вооруженной организованной группой и бандой не предоставляется возможным, таким образом действия виновных необходимо квалифицировать по совокупности преступлений (разбоя и

[8] Шпаковкий С. Н. Насилие как способ совершения вымогательства (по материалам Уральского региона). Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – Челябинск, 1999. – С. 99.
[9] Быков В. М. Как разграничить бандитизм и разбой // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 54-57.
[10] Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. – М.: Экзамен, 2004. – С. 163.
[11] Векленко В. В. Квалификация хищений. Монография. – Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2001. – С. 23.
[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Российская газета. № 20. 30.01.1997.
[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Российская газета. № 20. 30.01.1997.
[14] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об оружии» // Российская газета. № 241. 18.12.1996.

бандитизма). Мы считаем, что применение оружия организованной группой или ее членом при совершении разбоя не свидетельствует о превращении такой группы в банду. Вооруженный разбой, может быть, одной из реализованных целей банды.

По моменту окончания преступления – разбой считается оконченным с момента нападения с целью хищения чужого имущества, а при бандитизме преступление окончено в момент создания банды. Также разбой и бандитизм отличаются по субъекту преступлений. Так в разбое субъект общий, достигший возраста 14 лет, а в бандитизме – 16 лет.

Анализируя нормы статьи 209 УК РФ, мы пришли к выводу, что данной статьей предусмотрена ответственность лишь за создание, руководство и участие в банде, но не за совершенные преступления. Следовательно, при совершении разбойного нападения действия виновных необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 162 и 209 УК РФ.

Также следует отграничивать разбой от пиратства. Первое отличие – непосредственный объект посягательства. Объект пиратства – общественная безопасность в сфере морского судоходства, при разбое к объекту относятся отношения собственности. Вторым отличием является предмет преступления. В пиратстве, в соответствии со ст. 227 УК РФ, предмет шире он включает в себя речное или морское судно, а также иное имущество, находящееся на нем, тогда как в разбое только чужое имущество.

Третье отличие – способ совершения преступления: при разбое применяется насилие, опасное для жизни и здоровья человека, либо угроза его применения, а при пиратстве возможно применение насилия не только опасного, но и не опасного для жизни и здоровья человека.

Четвертое отличие заключается в месте совершения преступления. В ст. 227 УК РФ не указано место совершения деяния, что является пробелом в уголовном законодательстве. Если деяние совершено в открытом море, то есть за пределами юрисдикции какой-либо страны, то его следует квалифицировать по ст. 227 УК РФ, если же нападение на судно было совершено на территории, находящейся под юрисдикцией РФ, то тогда – по ст. 162 УК РФ.

При разбое субъект общий, достигший 14-летнего возраста, а при пиратстве возраст уголовной ответственности начинается с 16 лет.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что для правильной квалификации разбоя необходимо учитывать отграничивающие его признаки от смежных составов преступлений.

Библиография

1. Быков, В. М. Как разграничить бандитизм и разбой / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 54-57.

2. Векленко, В. В. Квалификация хищений. Монография / Векленко В. В. – Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2001. – С. 23.

3. Волженкин, Б. В. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Б. В. Волженкин. – М.: Норма, 2001. С. 414.

4. Герасимова, Е. В. Квалификация преступлений против собственности: учебно-практическое пособие / Е. В. Герасимова. – Саратов: Вузовское образование, 2018. – С. 97-123.

5. Дубровин, Н. В. Понятие и общая характеристика преступлений против собственности / Н. В. Дубровин // Вектор науки ТГУ Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1 (24). – С. 38-41.

6. Кочои, С. М. Преступления против собственности: Коммент. гл. 21 УК РФ / С. М. Кочои. – М.: Проспект, 2001. – С. 42.

7. Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность / Н. А. Лопашенко. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – С. 207.

8. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6-ти томах: Часть особенная. Т. 5 / Кригер Г. Л., Пионтковский А. А., Ромашкин П. С. – М.: Наука, 1971. – С. 354.

9. Севрюков, А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Севрюков А. П. – М.: Экзамен, 2004. – С. 163.

10. Шпаковкий, С. Н. Насилие как способ совершения вымогательства (по материалам Уральского региона). Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шпаковский С. Н. – Челябинск, 1999. – С. 99.

Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений

The concept and signs of cultural property as objects of crime

Борисова Анастасия Дмитриевна,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Borisova Anastasia Dmitrievna,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В рамках настоящей статьи на основе положений действующего законодательства, рассматривается и анализируется проблема защиты культурных ценностей, которая является и правовой проблемой, поскольку без надлежащей правовой защиты невозможны и их безопасное существование, и законный оборот.

Ключевые слова: культурные ценности, культурная жизнь общества, охрана культурных ценностей, правовая база культурных ценностей.

Abstract. Within the framework of this article, on the basis of the provisions of the current legislation, the problem of protecting cultural property is considered and analyzed, which is also a legal problem, since without proper legal protection, both their safe existence and legal circulation are impossible.

Key words: cultural values, cultural life of society, protection of cultural values, legal base of cultural values.

«Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям»[1], – гласит ч. 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации. В то же время, согласно ч. 3 указанной статьи каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры[2]. Данная норма охраняется уголовным законом, и культурные ценности являются предметом некоторых преступлений, расположенных в разных главах Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем, в законодательстве отсутствует конкретное определение «культурных ценностей», что влечёт неопределенность в вопросах применения права, чем и объясняется актуальность выбранной темы.

Международное право и российское законодательство дают несколько определений понятия «культурные ценности». Впервые определение «культурная» ценность было сформулировано в Гаагской конвенции 1954 года «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». В соответствии со ст. 1 указанной Конвенции культурными ценностями считаются, независимо от их происхождения и владельца:

а) ценности, движимые и недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие, как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукции ценностей, указанных выше;

б) здания, главным или действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а», такие, как музеи, крупные библиотеки,

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.] [электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс».
[2] Там же.

хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а»;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах «а» и «б», так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей»[3].

Так, Гаагская конвенция определяла культурные ценности, в основном, путем перечисления предметов, которые могут таковыми являться, разделяя их при этом на три группы: движимые, недвижимые, центры сосредоточения культурных ценностей.

Аналогичный подход к определению понятия «культурные ценности» характерно для Рекомендации ЮНЕСКО 1964 года. В соответствии со ст. 1 Рекомендаций культурными ценностями считается движимое и недвижимое имущество, имеющее большое значение для культурного достояния каждой страны, такие предметы, как произведения искусства и архитектуры, рукописи, книги и другие предметы, представляющие интерес с точки зрения искусства, истории или археологии, этиологические документы, типичные образцы флоры и фауны, научные коллекции и важные коллекции книг и архивных документов, в том числе музыкальные архивы[4].

Согласно Конвенции ЮНЕСКО 1970 года культурными ценностями считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки[5]. При этом в Конвенции выделяются группы, к которым могут быть отнесены конкретные культурные ценности.

Интересное определение культурных ценностей было дано в Законе Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09 октября 1992 года. В соответствии со ст. 3 указанного Закона культурные ценности – это нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты[6].

Таким образом, законодатель, с одной стороны, ограничил понятие культурных ценностей только движимыми вещами и вывел за пределы здания, сооружения, а также особые культурные ценности. В то же время, понятие является более широким, чем рассматриваются культурные ценности как предмет преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

В соответствии со ст. 6 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 года № 4804-I под культурными ценностями понимаются движимые предметы материального мира, находящиеся на территории Российской Федерации. Далее в Законе выделяются группы культурных ценностей, выделенные по признаку происхождения на территории Российской Федерации[7]. В ст. 7 выделяются категории предметов, попадающих под действие Закона. К ним, в частности, относятся, исторические ценности, археологические предметы, художественные ценности, старинные книги и другие.

Таким образом, российская правовая система содержит несколько официальных определений понятия «культурные ценности», отличных друг от друга и по форме, и по содержанию. При этом при формулировании определений законодатель идет по пути перечисления конкретных предметов. Выделение существенных признаков культурных ценностей при формулировании их определения в законодательстве – подход, не характерный для российского законодательства. Действующие определения не соответствуют требованиям дефиниции как краткому определению термина. Такое положение допускает расширительное толкование правоприменителем содержащихся в Уголовном кодексе РФ норм.

В настоящее время культурные ценности являются предметом следующих преступлений: невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ); контрабанда (ст. 226.1 УК РФ); уничтожение или повреждение (ст. 243 УК РФ); нарушение требований сохранения или использования (ст. 243.1 УК РФ); незаконные поиск или изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ); уклонение от обязатель-

[3] Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [принята в Гааге 14 мая 1954 года] [электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/1900810.

[4] Рекомендация о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности [принята в Париже 19 ноября 1964 года] [электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/901756975.

[5] Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности [принята в Париже 14 ноября 1970 года] [электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/1900836.

[6] Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 09 октября 1992 года № 3612-1 [электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс».

[7] Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 года № 4804-I [электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс».

ной передачи государству обнаруженных культурных ценностей (ст. 243.3 УК РФ)[8]. Указанные составы расположены в разных главах, так как преступления, предметом которых они выступают, посягают на различные группы отношений: собственность, общественную нравственность, общественную безопасность и порядок.

При этом следует отметить, что для описания предметов преступных посягательств, совершаемых в отношении или по поводу культурных ценностей, законодатель в тексте действующего Уголовного кодекса РФ использовал следующие формулировки:

– предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ);

– памятники истории и культуры, предметы и документы, имеющие историческую или культурную ценность (ст. 243 УК РФ).

Учеными относительно данного факта обращается внимание на непоследовательность законодателя, предусмотревшего специальные основания уголовной ответственности за уничтожение или повреждение практически любых предметов и документов, имеющих историческую или культурную ценность (ст. 243 УК РФ), выделив при этом в специальный состав хищение только тех предметов и документов, которые имеют особую таковую ценность (ст. 164 УК РФ)[9].

Так, осужденный по ст. 243 УК РФ Холмогорским районным судом Архангельской области специальным техническим средством поиска, определил участок земли, в котором предположительно залегали археологические предметы, время возникновения которых превышает сто лет, затем, используя лопату, выкопал две ямы, в которых находились два фрагмента красноглиняной керамики 19 века и два черпала от ложек металлических 18-19 веков, после их обнаружения изъял два черпала от ложек металлических 18-19 веков, время возникновения которых превышает 100 лет, тем самым повредил целостность культурного слоя 18-19 века, в котором залегали предметы, относящиеся к данному периоду времени, что повлекло повреждение культурного слоя и причинение вреда истории и культуре Российской Федерации[10].

Культурной ценностью в данном составе преступления являлся культурный слой 18-19 и предметы того же времени, которые залегали в нём.

В другом составе преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ предметом, являющимся культурной ценностью являлось помещение – охраняемый объект культурного наследия регионального значения «Дом управляющего заводом, 1940-е гг.»[11].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ согласно приговору Пресненского районного суда г. Москвы явились книги, которые представляют особую художественную, культурную и историческую ценность, принадлежат ФГБУ «Российская государственная библиотека» и на 20.03.2017 года оцениваются в 10000 рублей каждая[12].

Таким образом, в Уголовном кодексе РФ отсутствует определение культурных ценностей. Отсутствуют также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Ввиду этого, среди ученых ведутся дискуссии относительно определения культурных ценностей. Попытки сформулировать универсальное определение данного понятия неоднократно предпринимались российскими и зарубежными учеными.

Так, болгарский ученый Е. Александров предложил считать культурными ценностями любые произведения, являющиеся результатом творческого самовыражения человека в прошлом или настоящем (в художественной, научной, культурной, образовательной областях), которые имеют значение для объяснения существовавшей в прошлом и для развития современной и текущей культурной ценности[13].

В. Г. Горбачев, В. Г. Растопчин, В. Н. Тищенко определили культурные ценности как особый вид ценностей, способный в той или иной мере удовлетворять духовные и эстетические потребности человека и одновременно содержащие в себе художественную, либо иную культурную ценность[14].

Другой российский исследователь Р. Б. Булатов полагает, что культурными ценностями являются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, кото-

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [принят Государственной Думой РФ 24.05.1996] [электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс».

[9] Беспаленко В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-kulturnyh-tsennostey-kak-predmetov-prestupleniy.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

[10] Приговор Холмогорского районного суда Архангельской области от 30.08.2016 по делу № 1-48/2016 [электронный ресурс]. – URL: https://rospravosudie.com/court-xolmogorskij-rajonnyj-sud-arxangelskaya-oblast-s/act-534859729/ (дата обращения: 25.09.2021).

[11] Приговор Карагайского районного суда Пермского края от 31.05.2016 по делу № 1-47/2016 [электронный ресурс]. – URL: https://rospravosudie.com/court-karagajskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-525257345/ (дата обращения: 25.09.2021).

[12] Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 11 декабря 2017 года [электронный ресурс]. – URL: https://advokat15ak.ru/приговор-по-статье-164-ук-рф-хищение-пред/ (дата обращения: 25.09.2021).

[13] Беспаленко В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-kulturnyh-tsennostey-kak-predmetov-prestupleniy.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

[14] Там же.

рые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, то есть служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимых качеств человека[15].

Указанные определения были сформулированы ещё в конце прошлого столетия, однако до сих пор не разработаны более совершенные дефиниции, достойные быть внесенными в Уголовный кодекс РФ. На основании изложенного, представляется возможным и необходимым выделить признаки, присущие культурным ценностям в уголовном праве.

Уникальность. Суть данного свойства заключается в том, что культурные ценности представляют собой не просто результаты человеческой деятельности или предметы, тесно связанные с ней. Они воплощают в себе исключительные интеллектуальные и физические способности творца как личности, его индивидуальное мастерство и олицетворяют единственные и неповторимые в своем роде образцы творчества человека в какой-либо из сфер его жизнедеятельности или, если это предметы природного происхождения, то единственные в своем роде исторические или иные научные экземпляры[16]. При этом отдельные виды предметов обретают уникальность по причине того, что становятся большой редкостью.

Всеобщность. Выступая материальными и духовными продуктами человеческого труда или объектом человеческого познания, культурные ценности отражают процесс становления и развития физических интеллектуальных способностей, формирование интересов и потребностей не отдельно взятого индивидуума, а представителя человеческого рода. Их ценность признается всем мировым сообществом, не ограничиваясь рамками одного государства, поскольку каждый народ вносит свой вклад в процветание мировой цивилизации, и культура каждого народа есть часть мировой культуры[17].

Особая значимость для общества. Она проявляется в различных аспектах: культурные ценности являются отображением всего лучшего, что смогло достичь человечество в процессе своего становления и развития, и всего важного, что сопровождало его эволюции, роль культурных ценностей признается основополагающей в развитии и самореализации личности, а приобщение к культурным ценностям способствует гуманизации общественных отношений. Кроме того, культурные ценности выступают одним из факторов укрепления целостности и суверенитета государства.

В качестве еще одной из существенных особенностей ценностей культуры называют возраст их происхождения. В науке высказывается, что самую объективную оценку исторических, художественных и научных достоинств предметов культуры дает общественная практика, поэтому, как правило, культурными ценностями признается то, что создано предшествующими поколениями.

Ю. Ю. Ткачев, в свою очередь, отмечает, что признак старины является не обязательным для определения предмета рассматриваемого преступления. Культурные ценности, уникальные по своей сути, могут быть созданы и в настоящее время. Не являясь антиквариатом, они, тем не менее, обладают статусом культурных ценностей[18]. С мнением Ю. Ю. Ткачева, на наш взгляд, необходимо согласиться.

Некоторые авторы предлагают рассматривать в качестве обязательного признака культурных ценностей способность в той или иной мере удовлетворять духовные и эстетические потребности человека[19]. Отдельные ученые, предлагая формулировки исследуемого понятия, указывают на такой признак культурных ценностей, как их «историческая, художественная, научная, музейная или иная ценность»[20]. С. П. Щерба, С. А. Приданов, в свою очередь, обращают внимание на способ изготовления (машинный (поточный) или ручной) культурных ценностей[21] в качестве одного из их признаков.

По мнению А. А. Бакрадзе нет необходимости выделять указанные признаки наряду с «особой значимостью для общества» и «уникальностью», поскольку понятие «ценность», по существу, состоит из них, т.е. рассматриваемые предметы потому и являются ценностями, что имеют особое значение для общества и обладают уникальностью[22]. С указанным мнением, на наш взгляд, следует согласиться. Выделение способа изготовления в качестве признака также не требуется, так как по существу, предметы,

---

[15] Там же.

[16] Бакрадзе А. А. Признаки культурных ценностей как предмета преступлений [электронный ресурс]. – URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=917 (дата обращения: 25.09.2021).

[17] Там же.

[18] Ткачев Ю. Ю. К вопросу о понятии и признаках предмета преступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ [электронный ресурс]. – URL: http://www.center-bereg.ru/g899.html (дата обращения: 25.09.2021).

[19] Янович М. В. Спорные вопросу нормативного определения понятия «культурные ценности» [электронный ресурс]. – URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_1-2_51.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

[20] Бакрадзе А. А. Признаки культурных ценностей как предмета преступлений [электронный ресурс]. – URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=917 (дата обращения: 25.09.2021).

[21] Щерба С. П., Приданов С. А. Преступления, посягающие на культурные ценности, и их квалификация по УК РФ [электронный ресурс]. – URL: https://www.lawmix.ru/comm/7868 (дата обращения: 25.09.2021).

[22] Бакрадзе А. А. Признаки культурных ценностей как предмета преступлений [электронный ресурс]. – URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=917 (дата обращения: 25.09.2021).

произведенные любым способом, в равной степени могут обрести статус культурной ценности.

Таким образом, основными признаками культурных ценностей можно считать универсальность, всеобщность, особую значимость для общества. Такие признаки как старина, способность удовлетворять духовные или эстетические потребности человека и другие следует рассматривать в качестве факультативных. С учетом изложенного представляется необходимым дополнить ст. 190 УК РФ примечанием следующего содержания: «Культурные ценности как предметы преступления представляют собой предметы и/или коллекции религиозного или светского характера, а также их составные части или фрагменты, независимо от времени их создания, рассматриваемые каждой из Сторон как представляющие значение для культуры, археологии, истории, литературы, искусства или науки».

Библиография

1. Бакрадзе, А. А. Признаки культурных ценностей как предмета преступлений [электронный ресурс]. – URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=917 (дата обращения: 25.09.2021).

2. Беспаленко, В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-kulturnyh-tsennosteykak-predmetov-prestupleniy.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

3. Ткачев, Ю. Ю. К вопросу о понятии и признаках предмета преступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ [электронный ресурс]. – URL: http://www.center-bereg.ru/g899.html (дата обращения: 25.09.2021).

4. Щерба, С. П., Приданов С. А. Преступления, посягающие на культурные ценности, и их квалификация по УК РФ [электронный ресурс]. – URL: https://www.lawmix.ru/comm/7868 (дата обращения: 25.09.2021).

5. Янович, М. В. Спорные вопросу нормативного определения понятия «культурные ценности» [электронный ресурс]. – URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_1-2_51.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

Проблемы правоприменительной практики, связанной с неисполнением судебных актов

Problems of law enforcement practice, related to non-execution of judicial acts

Бунтушак Алеся Мирославовна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Buntushak Alesya Miroslavovna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В данной статье рассмотрено решение суда и особенности его исполнения. Также выявлены проблемы правоприменительной практики, связанной с неисполнением судебных актов, и ответственности, которая за это наступает.

Ключевые слова: правоприменительная практика, неисполнение судебных актов, судебный акт, проблемы практики.

Abstract. This article discusses the court decision and the features of its execution. The problems of law enforcement practice related to the non-execution of judicial acts and the responsibility that comes for this are also identified.

Key words: law enforcement practice, non-execution of judicial acts, judicial act, problems of practice.

Решение суда является одним из видов судебных постановлений (в гражданском процессе к таким постановлениям также относятся заочное решение, определение суда, судебный приказ, постановления судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций).

Обязательность вступивших в законную силу судебных постановлений установлена ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[1]. Они обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц.

Часть 2 указанной статьи предусматривает, что неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом.

Порядок исполнения решения суда регламентируется нормами ГПК РФ[2] и Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[3]. В случае если решение суда не исполнено ответчиком добровольно, судом выдается исполнительный документ (исполнительный лист), который подается в службу судебных приставов.

Если исполнительный документ впервые поступил в службу судебных приставов, то судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства устанавливает срок для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований (п. 11 ст. 30 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). По общему правилу (п. 12 ст. 30 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») такой срок составляет пять дней с момента получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства либо с мо-

[1] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[3] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

мента доставки извещения о размещении информации о возбуждении исполнительного производства в банке данных, отправленного посредством передачи короткого текстового сообщения по сети подвижной радиотелефонной связи, либо иного извещения или постановления о возбуждении исполнительного производства, вынесенного в форме электронного документа и направленного адресату, в том числе в его единый личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг, в соответствии с ч. 2.1 ст. 14 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

В случае неисполнения решения суда в установленный срок с должника взимается исполнительский сбор в порядке ст. 112 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Исполнительский сбор по имущественным требованиям устанавливается в размере семи процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества. При этом он не может быть менее:

– одной тысячи рублей для должника-гражданина или индивидуального предпринимателя;

– десяти тысяч рублей для должника-организации.

В случае неисполнения исполнительного документа неимущественного характера исполнительский сбор устанавливается в размере:

– пяти тысяч рублей для должника-гражданина или индивидуального предпринимателя;

– пятидесяти тысяч рублей для должника-организации.

Также в случае нарушения законодательства об исполнительном производстве (в том числе при неисполнении решения суда) ст. 113 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» отсылает к нормам законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства.

По смыслу статьи 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно рассматриваться как составляющая «судебного разбирательства». Несвоевременное исполнение решения суда является одной из актуальных проблем реализации права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод[4].

Одной из основных проблем своевременного исполнения судебных актов судов общей юрисдикции является проблема обеспечения эффективности их исполнения, которая характеризуется большой загруженностью службы судебных приставов из-за существенного объёма исполнительных производств. Ведь помимо судебных актов Федеральная служба судебных приставов осуществляет принудительное исполнение актов других органов о взыскании штрафов, пеней, неустоек[5].

Причины низкого уровня исполнения судебных актов следует искать не только в системе государственных и судебных органов, но и в самом обществе. Зачастую, должники не желают исполнять вступившие в законную силу судебные решения. Считается допустимым ввести в заблуждение, нежели исполнить требования исполнительных документов. Существуют и объективные причины: отсутствие имущества, принадлежащего должнику; отсутствие денежных средств на расчётных счетах. Но их доля в числе причин неисполнения решений не так велика.

Ещё одной не менее важной проблемой является неопределенность решений судов. Нередки случаи, когда вынесенное судебное решение не может быть исполнено стороной либо обеими сторонами сразу, так как само решение, при приведении его в исполнение повлечёт за собой нарушение прав и свобод граждан.

Очередной проблемой является правопреемство в исполнительном производстве. В соответствии со ст. 52 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» «судебный пристав-исполнитель производит замену стороны исполнительного производства на основании судебного акта о замене стороны исполнительного производства правопреемником по исполнительному документу, выданному на основании судебного акта или являющегося судебным актом»[6].

Решение данного вопроса существенно затягивает сроки исполнения судебного решения. Для решения данной проблемы необходимо наделить судебных приставов полномочиями самостоятельно выносить определение о замене стороны исполнительного производства.

Другой проблемой является утрата судебными приставами-исполнителями исполнительных документов. Это происходит ввиду халатного отношения к исполнительным производствам, находящимся на исполнении, а также при передаче исполнительных производств от одного судебного пристава-исполнителя к другому при увольнении. Получение дубликата исполнительного документа затягивает процесс исполнения судебного решения, создавая возможность должнику отчуждать своё имущество. Во избежание подобных случаев следует обязать судебных приставов-исполнителей по требованию взыскате-

[4] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[5] Судник С. Б., Якунин Д. В. Проблемы своевременного исполнения судебных актов, их решения // Молодой ученый. – 2018. – № 11 (197). – С. 241-242.

[6] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

лей проверять наличие исполнительного документа и сразу оповещать об этом взыскателя.

КоАП РФ[7] предусматривает несколько составов, связанных с неисполнением решения суда. Административная ответственность установлена за неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора (ст. 17.15 КоАП РФ).

Кроме того, специальный состав административного правонарушения (п. 2 ст. 5.35 КоАП РФ) предусмотрен для должников, которые не исполняют решение суда об определении места жительства детей (в том числе до вступления в законную силу судебного решения, если судом это установлено), при неисполнении решения о порядке осуществления родительских прав (также и до вступления в законную силу).

Наиболее строгим наказанием за неисполнение судебного постановления является привлечение к уголовной ответственности. Статья 315 УК РФ[8] предусматривает уголовную ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта.

Частью 1 данной статьи за совершение указанного деяния предусмотрены следующие санкции в отношении лиц, которые были подвергнуты наказанию на основании ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ:

– штраф в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев;

– обязательные работы на срок до двухсот сорока часов;

– принудительные работы на срок до одного года;

– арест на срок до трех месяцев;

– лишение свободы на срок до одного года.

Объективная сторона данного преступления характеризуется злостным неисполнением или воспрепятствованием исполнению судебного постановления. Данная категория является оценочной, и суд в каждом конкретном случае должен оценивать, есть ли признак злостного неисполнения решения суда. Но очевидно, что для подтверждения такого признака необходимо: 1) привлечение лица к административной ответственности по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ; 2) неоднократное уклонение от исполнения решения суда. Невозможно говорить о злостном неисполнении и в случае, если виновное лицо пыталось исполнить решение, но исполнение не было доведено до конца. В случае если признак злостного уклонения отсутствует, возможно привлечение к дисциплинарной ответственности.

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 29.01.2019 № 61-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шпартуна Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 315 Уголовного кодекса Российской Федерации»[9] разъяснил, что деяние (действие или бездействие) в виде неисполнения судебного акта, совершенное после осуждения лица за неисполнение того же судебного акта, а потому в новых условиях времени, места, способа и обстоятельств, не свидетельствует о том же событии преступления и не означает совершение того же преступления, за которое это лицо уже понесло уголовную ответственность. Часть 2 ст. 315 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неисполнение решения суда для специальных субъектов: представитель власти, государственный служащий, муниципальный служащий, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

УК РФ предусматривает еще один состав преступления, связанный с неисполнением судебных постановлений. Этот состав также связан со специальным субъектом – лицом, которое обязано уплачивать алименты (причем законодатель специально указывает, что такая обязанность может быть установлена как решением суда, так и соглашением). В случае если должник не уплачивает без уважительных причин в нарушение решения суда об уплате алиментов средства на содержание детей (несовершеннолетних или совершеннолетних нетрудоспособных) или нетрудоспособных родителей, он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ. Для наступления уголовной ответственности это деяние должно быть совершено неоднократно.

За совершение данного преступления предусмотрены следующие виды наказания: исправительные работы на срок до одного года; принудительные работы на тот же срок; арест на срок до трех месяцев; лишение свободы на срок до одного года.

Библиография

1. Судник, С. Б., Якунин, Д. В. Проблемы своевременного исполнения судебных актов, их решения // Молодой ученый. – 2018. – № 11 (197). – С. 241-242.

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[9] Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 61-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шпартуна Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 315 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: https://onlineovp1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=4bbnShScXGSueDUI&cacheid=9F837E582283DD1445E9B872255BD345&mode=splus&base=ARB&n=574141&rnd=9FA918248340132F37B3E9BE34D0A479#nVogUhSo5Av4srjl. Документ опубликован не был.

Зарубежный опыт законодательства в уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения

Foreign experience of legislation in criminal liability for violation of traffic rules

Веретенникова Кристина Олеговна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Veretennikova Kristina Olegovna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. Водители всех средств механического транспорта обязаны соблюдать установленные правила технической эксплуатации и безопасности движения, из того, что нарушение этих правил во время движения водителем любого вида механического транспорта создает одинаковую опасную дорожную ситуацию. Аварийность на автомобильном транспорте – одна из острейших социально-экономических проблем, стоящих практически перед любой развитой страной. В статье рассматривается уголовная ответственность зарубежных стран за преступное деяние, связанное с нарушением правил дорожного движения, а также опыт его применения в России.

Ключевые слова: правила дорожного движения, уголовная ответственность, транспортный кодекс, зарубежное законодательство

Abstract. Drivers of all means of mechanical transport are obliged to comply with the established rules of technical operation and traffic safety, from the fact that violation of these rules while driving by a driver of any type of mechanical transport creates the same dangerous road situation. Accidents in road transport are one of the most acute socio-economic problems facing almost any developed country. The article examines the criminal liability of foreign countries for a criminal act related to violation of traffic rules, as well as the experience of its application in Russia.

Key words: traffic rules, criminal liability, transport code, foreign legislation.

Каждый день в новостных источниках мы наблюдаем огромное количество дорожно-транспортных происшествий, аварий и других происшествий с участием различных транспортных средств. По этой причине в каждой стране одной из главных задач является обеспечение безопасности дорожного движения как неотъемлемой части обеспечения общественной безопасности. Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства в области безопасности дорожного движения. Состояние законодательства в любой сфере общественных отношений определяется вниманием, уделяемым государством соответствующей сфере деятельности.

Скажем так, проблема дорожного движения относится к глобальным проблемам человечества, и поэтому ей уделяется большое внимание на международном уровне.

Правила дорожного движения берут свое начало из Рима, где в 47 году до н.э. при Цезаре установили запрет на движение в определенное время и ввели понятие «одностороннее движение», чтобы разгрузить узкие городские улицы от транспортных средств. Впервые жители Рима увидели дорожные знаки, указывающие населенные пункты, повороты и расстояние. Можно было регулировать поведение граждан в сфере дорожного движения путем введения запретов, что также актуально и сегодня.

Следует отметить, что нормы ответственности за нарушение правил дорожного движения закреплены в законодательстве всех развитых стран. Часто это законы «О дорожном движении», «О безопасности дорожного движения», «Правила дорожного движения» и т.д., а также ряд других нормативных правовых актов.

Для обеспечения единообразного соблюдения правил дорожного движения страны заключают двусто-

ронние и многосторонние соглашения по различным вопросам в этой области. Все эти международные договоры разрабатываются, принимаются и подписываются под эгидой Организации Объединенных Наций и созданной в ней Европейской экономической комиссии.

На современном этапе такие международные документы в области регулирования дорожного движения существуют и действуют, а также признаны большинством стран мира:

– Конвенция о дорожном движении 1968 года (вступила в юридическую силу в России 21 мая 1977 года);

– Конвенция о дорожных знаках и сигналах 1968 года (6 июня 1978 года);

– Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1971 года (3 августа 1979 года);

– Протокол о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1973 года (25 апреля 1985 года);

– Резолюции ООН по вопросам повышения безопасности дорожного движения.

Несомненно, утверждение Е. А. Войтенкова о том, что «только единый документ, содержащий единые правила, мог бы примирить интересы всех стран»[1], но в связи с тем, что не все страны ратифицировали эти правила (хотя и применяют их положения), правила дорожного движения в разных странах имеют свои различия, а также различные меры административной и уголовной ответственности за их нарушение.

Россия уголовно-правовые концепции позаимствовала из Германии. Уголовный кодекс Германии (УКГ), принятый 15 мая 1871 года, содержит в себе раздел 28 «Общеопасные преступные деяния», в которых расположены ст. ст. 315, 316 УКГ[2]. Мы подчеркиваем тот факт, что законодательство Германии определяет конкретные правила дорожного движения, за которые предусмотрена уголовная ответственность, в отличие от использования российским законодателем пустой диспозиции. Законодательство Германии не проводит различия между нормами уголовного права, регулирующими нарушения в области эксплуатации транспортных средств, что указывает на разницу между законами двух стран. Российский законодатель предусматривает наступление уголовной ответственности в случае, когда действия виновного лица повлекли наступление последствий, указанных в ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако немецкий законодатель связывает наступление уголовной ответственности только с совершением общественно опасного деяния[3]. Исходя из вышеупомянутых положений по конструкции материальной стороны, в германском законодательстве рассматриваемые составы преступлений усеченные.

Республика Молдавия по-своему приходит к установлению уголовной ответственности. Уголовный кодекс Республики Молдова (УКРМ) от 18 апреля 2002 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.04.2021) содержит в себе главу 12 «Транспортные преступления», включающую в себя ст. ст. 264, 264-1, 266 УК РМ. В качестве самостоятельных преступных деяний законодатели отдельно выделяют: управление транспортным средством в состоянии как сильного алкогольного, так и иного опьянения и оставление места дорожно-транспортного происшествия. Отметим, что степень вреда по сравнению с Уголовным кодексом РФ в виде средней тяжести.

Основной акцент в зарубежном законодательстве делается на финансовой ответственности нарушителей правил дорожного движения. Это не только крупные штрафы, но и конфискация автотранспортных средств, лишение водительских прав, привязка количества и тяжести нарушений к оплате обязательного ежегодного автострахования[4]. Например, в Германии, если водитель в течение года собирает штрафные баллы за нарушения правил дорожного движения, сумма его страховки, которая составляет до 1000 евро, увеличивается еще на 500 евро, на второй год – на 1000 евро, на третий – на 2000 евро. С зарплатой 3 000-5 000 страховая сумма в евро – это очень значительные расходы, которые может позволить себе не каждый немец. Поэтому некоторые из нарушителей вынуждены целый год не пользоваться автомобилем, чтобы не платить тройную цену за страховку[5].

Рассмотрение опыта других стран показывает, что борьба с систематическими нарушениями правил дорожного движения идет в двух направлениях.

Во-первых, установление значительных штрафных санкций.

Во втором направлении действует механизм так называемой балльной системы учета нарушений, которая используется наряду с «традиционной» системой штрафов. Суть его заключается в том, что, совершая определенные нарушения, водитель либо набирает очки, либо они с него вычитаются. Если вы наберете определенное количество баллов или сни-

[1] Войтенков Е. А. Организационно-правовые основы деятельности МВД СССР по обеспечению безопасности дорожного движения во второй половине 60-х – середине 80-х гг. XX в.: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2006. – 57 с.

[2] Уголовный кодекс ФРГ. – URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-фрг.html.

[3] Поцелуев П. А. Зарубежный опыт организации работы правоохранительных органов в сфере предупреждения и регистрации ущерба от дорожно-транспортных происшествий / П. А. Поелуев // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-raboty-pravoohranitelnyh-organov-v-sfere-preduprezhdeniya-i-registratsii-uscherba-ot-dorozhno.

[4] Там же.

[5] Мачульская И. Г. Общие тенденции развития дорожного движения и обеспечения его безопасности в XXI веке / И. Г. Мачульская. – URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/vestniksf303-15/vestniksf303-15030.htm.

зитесь до нуля, водитель получит штраф в виде лишения права управления транспортным средством[6].

В Бразилии правовое регулирование административной ответственности осуществляется на основе Транспортного кодекса[7]. За правонарушения, предусмотренные данным Кодексом, могут быть назначены следующие виды наказаний: письменное предупреждение; отлично; приостановление права управления транспортным средством; аннулирование национальных водительских прав; аннулирование международных водительских прав; обязательное посещение курсов повышения квалификации.

Правонарушения по степени тяжести делятся на четыре категории, в зависимости от размера наложенного штрафа: очень серьезные нарушения; нарушения серьезного характера; нарушение среднего характера; незначительные нарушения.

Он также предусматривает возможность установления повышающих коэффициентов штрафов в отдельных статьях Транспортного кодекса. Каждое нарушение оценивается в баллах на основе следующего соотношения:

а) очень серьезные нарушения – семь пунктов;

б) нарушения серьезного характера – пять баллов;

в) нарушение среднего характера – четыре балла;

г) незначительные нарушения – три балла.

В Великобритании применяется система штрафных баллов (penalty points) за нарушения в сфере дорожного движения в Великобритании осуществляется на основании Road Traffic Offenders Act, 1988[8]. Штрафные баллы устанавливаются за отдельные нарушения в соответствии с Приложением № 2 к Закону. Водитель или мотоциклист, набравший 12 и более штрафных баллов в течение трехлетнего периода, в обязательном порядке лишается водительских прав.

Великобритания фактически является лидером в Европе по размеру штрафов и строгости наказаний за нарушение правил дорожного движения, Эстония, Венгрия, Франция и Германия немного уступают ей. Постоянно вводятся новые виды нарушений, за которые предусмотрены штрафы. Например, правительство Великобритании уже давно обсуждает закон, который значительно ужесточает наказание для автомобилистов, ставших виновниками ДТП из-за усталости. Речь идет о том, что уставший водитель должен быть наказан так же строго, как и пьяный. Толчок законодательному процессу дала общественная организация, борющаяся за безопасность дорожного движения. По ее словам, каждую неделю в стране около 10 человек погибают в авариях, виновники которых засыпают за рулем[9].

В Португалии балльная система учета нарушений была введена совсем недавно – с 1 июня 2016 года. Особенностью этой системы является то, что водителям сразу начисляется 12 баллов.

При достижении определенного показателя баллов водителю вменяется в обязанность пройти курсы обучения или его право на управление автомобилем аннулируется. Возможно начисление баллов за отсутствие нарушений (максимум до 15 баллов).

В отчете о дорожно-транспортных происшествиях и проверках за 2020 год, опубликованном НАСА, говорится, что с момента вступления в силу системы талонов о нарушениях у 1 284 водителей были отозваны водительские права.

В отчете также показано, что 242 241 водитель потерял баллы по своим водительским правам. В системе подсчета очков водителю присваивается 12 баллов, которые увеличиваются или уменьшаются в зависимости от нарушений, и водитель остается без водительских прав после потери всех баллов.

После лишения водительских прав водителям запрещается управлять автомобилем в течение двух лет, и им придется снова получать права. Согласно отчету в 2016 году, когда был введен штраф за нарушение, было аннулировано 16 водительских удостоверений, а в 2017 году – 64[10].

Форма правления в Соединенных Штатах определяет наличие широкого спектра форм правового регулирования административной ответственности в сфере дорожного движения в различных штатах.

Балльная система учета нарушений правил дорожного движения, за длительный период существования в зарубежных странах, показала свою эффективность. В связи с этим для оценки возможности внедрения той или иной версии балльной системы учета нарушений в России необходимо решить следующие вопросы:

– распределение нарушений по степени тяжести с присвоением им соответствующего количества «штрафных» баллов;

– научно-теоретическое обоснование сущности меры в виде лишения права управления транспортным средством как меры административного наказания и как меры административного пресечения;

---

[6] Головко В. В. Лишение права управления транспортным средством в системе административных наказаний: современные тенденции и перспективы / В. В. Головко, О. И. Бекетов, В. И. Майоров // Административное право и процесс. – 2017. – № 7. – С. 25-29.

[7] Road Traffic Offenders Act. – URL: http://moj.gov.jm/sites/default/files/laws/Road %20Traffic%20Act_1.pdf

[8] Códigodetrânsitobrasileiro (Транспортный кодекс Бразилии). – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/L9503Compilado.htm.

[9] Правовое регулирование дорожного движения, его безопасности в зарубежных странах. – URL: https://www.auto016.ru/materials/interesting/pravovoe-regulirovanie-dorozhnogo-dvizheniya-ego-bezopasnosti-v-zarubezhnykh-s

[10] Там же.

– определение возможности принуждения водителя транспортного средства пройти курсы подготовки для восстановления права на управление транспортным средством.

В статье В. В. Кусакина[11] приводится сравнительный анализ уголовного законодательства, что приводит к неоднозначной оценке зарубежными странами последствий нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Некоторые страны устанавливают уголовную ответственность за причинение среднего или тяжкого вреда здоровью, в то время как другие относят крупный имущественный ущерб к общественно опасным последствиям. В. В. Кусакин отмечает, что зарубежные страны по-разному привлекают к уголовной ответственности лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения при совершении преступного деяния. В законодательстве зарубежных стран существует три подхода к этому вопросу. В ряде стран состояние опьянения рассматривается как квалифицирующий признак. Другие страны рассматривают наличие состояния опьянения у лица, совершившего нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, как отягчающее обстоятельство или нейтральный фактор, не влияющий на санкцию. Некоторые страны выделили уголовно-правовую норму в самостоятельный состав. С точки зрения В. В. Кусакина, декриминализация в уголовном законодательстве нашей страны преступного деяния, выраженного в оставлении места дорожно-транспортного происшествия, неоправданна, поскольку большинство преступлений остаются нераскрытыми[12]. Автор опирается на уголовное законодательство Казахстана, Армении, Беларуси, где существует данное преступное деяние, и считает необходимым включить в Уголовный кодекс СНГ статью об уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти человеку. Автор утверждает, что декриминализация уголовной ответственности в России за оставление места дорожно-транспортного происшествия произошла поспешно.

Рассмотрение зарубежного опыта законодательства об уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения свидетельствует о наличии своеобразных подходов к привлечению лиц к уголовной ответственности за совершение такого деяния, как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Включение названного состава преступления в уголовное законодательство большинства зарубежных стран подтверждает наличие общественной опасности данного преступного деяния.

Библиография

1. Войтенков, Е. А. Организационно-правовые основы деятельности МВД СССР по обеспечению безопасности дорожного движения во второй половине 60-х – середине 80-х гг. XX в.: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2006. – 180 с. – Текст : непосредственный.

2. Головко, В. В. Лишение права управления транспортным средством в системе административных наказаний: современные тенденции и перспективы / В. В. Головко, О. И. Бекетов, В. И. Майоров // Административное право и процесс. – 2017.– № 7. – С. 25-29. – Текст : непосредственный.

3. Кусакин, В. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения: опыт СНГ / В. В. Кусакин // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2018. – Т. 1. – № 3. – Текст : непосредственный.

4. Майоров, В. И. Административная ответственность за систематическое нарушение правил дорожного движения: зарубежный опыт / В. И. Майоров, С. В. Горовенко // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-sistematicheskoe-narushenie-pravil-dorozhnogo-dvizheniya-zarubezhnyy-opyt. – Текст : электронный.

5. Мачульская, И. Г. Общие тенденции развития дорожного движения и обеспечения его безопасности в XXI веке / И. Г. Мачульская. – URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/ VestnikSF/2006/ vestniksf303-15/vestniksf303-15030.htm. – Текст : электронный.

6. Португалия: более 1 280 водителей лишились прав после введения балльной системы. – URL: http://gazetaslovo.com/новости/португалия/item/portugaliya-bolee-1280-voditelej-lishilis-prav-posle-vvedeniya-ballnoj-sistemy.html. – Текст : электронный.

7. Поцелуев, П. А. Зарубежный опыт организации работы правоохранительных органов в сфере предупреждения и регистрации ущерба от дорожно-транспортных происшествий / П. А. Поелуев // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-raboty-pravoohranitelnyh-organov-v-sfere-preduprezhdeniya-i-registratsii-uscherba-ot-dorozhno. – Текст : электронный.

8. Правовое регулирование дорожного движения, его безопасности в зарубежных странах. – URL:https://www.auto016.ru/materials/interesting/pravovoe-regulirovanie-dorozhnogo-dvizheniya-ego-bezopasnosti-v-zarubezhnykh-s. – Текст : электронный.

9. Road Traffic Offenders Act. – URL: http://moj.gov.jm/sites/default/files/laws/Road%20Traffic%20Act_1.pdf. – Текст : электронный.

[11] Кусакин В. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения: опыт СНГ / В. В. Кусакин // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2018. – Т. 1. – № 3. – С. 137.
[12] Там же.

История развития законодательства об ответственности за хулиганство в России

The history of the development of legislation on liability for hooliganism in Russia

Верещагина Марта Сергеевна,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Vereshchagina Marta Sergeevna,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В настоящей статье проведен ретроспективный анализ уголовного законодательства в сфере хулиганства, а также политики государства в борьбе с нарушителями общественного порядка в различные периоды времени, развитие содержания понятия хулиганства.

Ключевые слова: хулиганство, история, преступление, наказание, борьба, правонарушители.

Abstract. This article provides a retrospective analysis of the criminal legislation in the field of hooliganism, as well as the state policy in the fight against violators of public order in different periods of time, the development of the content of the concept of hooliganism.

Key words: hooliganism, history, crime, punishment, struggle, delinquents.

История понятия и, в целом, уголовно-правового регулирования хулиганства начинается с 1892 г., когда термин был закреплен в вынесенном градоначальником Петербурга фон Валем требовании, на основании которого полицейским надлежало обуздать демонстрирующих ненадлежащее поведение в столице «хулиганов». Понятие означало «уличных бездельников, забавляющихся издевательствами над горожанами». Термин, на первый взгляд, довольно емкий и самодостаточный, но он далеко не сразу закрепился в разговорном и научном обороте. Спустя двадцать лет он был включен в энциклопедический словарь Брокгауза Ефрона (1909) и начал фигурировать в криминальных сводках средств массовой информации. Если обратиться к этимологии данного слова, то, вероятнее всего, оно имеет британское происхождение: по имени Патрика Хулигена, с соответствующим хулиганским поведением либо по названию банды, промышлявшей в Лондоне[1].

Понятие «хулиганство» обернулось для общественности новым, но действия, которые предполагались под данным термином, были весьма известны и ранее. В годы дореволюционной России такие действия обозначали терминами «озорство», «проказы» и «бесчинство», и не всегда понимались как неодобряемое обществом поведение. Нередко подобное поведение проистекало из увеселительных забав русского народа. Так, например, одним из любимых забав на Руси называлось «озорство», что подтверждается трудами летописцев и нормативными актами XVI-XVIII вв., а также хрониками зарубежных гостей. Вполне миролюбивое гуляние зачастую заканчивалось пьяной дракой. Поскольку праздники на Руси любили и отмечали с большим размахом, то и масштаб хулиганств тоже был значительным: сопровождался убийствами, утоплениями и увечьями. Удивление у приезжих вызывало то, что все эти бесчинства в конце концов снова заканчивались миром и совместным распитием хмельных напитков[2].

Подобные мероприятия были больше присущи зимнему сезону, когда неизрасходованная энергия сублимировалась в кулачные бои. К такому способу снятия стресса и напряжения подавляющего большинства населения (крестьяне составляли до 90% в

[1] Денисов Е. Озорники России / Е. Денисов // Коммерсант. – Деньги. – 2006. – № 35. – С. 73-75.
[2] Кульпина Ю. Э. Антикультура. Истоки хулиганства в России / Ю. Э. Кульпина // Мир психологии. – 2007. – № 2. – С. 248-251.

структуре общества) органы власти относились лояльно. Посадские и сельские сходы, в случае необходимости, разрешали споры. Наказание для «хулиганов» носило формальный характер и подразумевало под собою лишь рекомендации. Так, единственным источником, содержащим незначительные меры наказания за «озорство», был «Домострой» (XVI в.), призванный упреждать хулиганства: «Когда пригласят тебя на пир, не упивайся до страшного опьянения и не сиди допоздна, потому что во многом питии и в долгом сидении рождается брань и свара, и драка, а то и кровопролитие».

Хулиганство бояр и помещиков, напротив, были далеки от современного понимания «шалости». Прохожие подвергались жестоким пыткам с их стороны, получая горчицу на лицо или удары палками по телу. Исторические источники подтверждают нам, что царь грозный Иоанн сбрасывал на прохожих животных. Тем самым, можно сделать вывод о том, что в период правления Рюриковичей озорство не считалось преступным, и власти относились к нему весьма лояльно. Расцвет хулиганства произошел в смутное время. Алексей Михайлович ввел правовой запрет на подобные действия в изданной грамоте 1648 г.: монарх обозначил проблему «позорищ», «богомерзких и скверных» поступков, драк и беснований.

Далее в первом кодифицированном источнике, Соборном уложении 1649 г., преступными стали признаваться «разбойные и татины дела». Мерами наказания для хулиганов XVII в. были определены различные членовредительские – от отрезания ушей до смертной казни[3]. Затем Высочайшим указом 1686 г. преступными были признаны кулачные бои, которые в зависимости от повторяемости наказывались от битья батогами и штрафа до битья кнутом и вечной ссылки при третьем нарушении запрета.

Политика государства в этом отношении изменилась с момента воцарения Петра Великого. Молодой человек любил буйствовать и веселиться, а потому проказы не получали порицания, даже если их исход был весьма плачевным. Такое же поведение наблюдалось и у преемников, но случай 1756 г., когда бесчинства были устроены на глазах у австрийских послов, заставил Елизавету Петровну принять суровые меры – арестовать и бить розгами. А уже после этого императрица строго наказала полицейским чинам следить за тем, чтобы в присутствии иностранцев (в праздничные дни и по случаю торжеств) уличных драк и боев не было[4]. Запрет был актуален лишь для столичных жителей России, в регионах кулачные бои имели место до прихода к власти Павла I в 1796 г., известный своей любовью к строжайшему порядку. При нем вводится «комендантский час» и нарушители (невзирая на сословие) подвергаются телесным наказаниям.

Полный запрет на кулачные бои, введенный Сводом законов 1832 г. Николая I просуществовал недолго. После отмены крепостного права в 1861 г. изменились быт, жизнь, мировоззрение людей, а понимание ими свободы было не всегда адекватным. Свобода от крепостной зависимости понималась многими слоями населения как бесчинства, ругань, ссоры, драки и дебоширства. Разумеется, такое поведение в своем суммарном виде предполагало массовые беспорядки. Насилие использовалось как инструмент для разрешения конфликтов, а власть, боявшаяся потерять свое положение под натиском развития революционного движения, не обращала свой взор на проблемы граждан и, как следствие, вопрос не получал своего решения.

Революция 1905 г. «развязала руки» хулиганам, которые, влекомые чувствами свободы и безнаказанности, совершали невиданные доселе бесчинства[5], наступил настоящий разгул дебоша и хулиганства. В стороне не остались средства массовой информации. «Журнал министерства юстиции», являясь официальным правительственным органом, в 1913 г. с тревогой описывал на своих страницах ужасы массовых безмотивных хулиганств, охвативших всю империю. Первая мировая война позволила ситуации усугубиться. Вместо неорганизованных стихийных групп хулиганов появляются бандитские формирования, созданные по новым правилам[6].

Отличительными чертами данных группировок являлись высокая степень иерархичности, символика, общий бюджет, преследование общих преступных целей. Такого рода хулиганские формирования причиняли вред имуществу, жизни и здоровью людей, общественному порядку и основам нравственности, транспортному сообщению и связи, государственной власти, окружающей среде, мучили животных.

Международный союз криминалистов в весьма непростой период для государства созывает собрание для совершенствования законодательства. Рассмотрели вопрос о дополнении действующего уголовного уложения специальными терминами, включая «хулиганство», «озорство» и «пакостничество». В дальнейшем пришли к мнению, что внесением изменений в уголовное уложение проблему не решить. Поэтому было принято решение о разработке собственного нормативного правового акта. Однако

[3] Советское уголовное право. Часть Особенная. – Москва: Изд-во МГУ, 1975. – С. 369-372.

[4] Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения / А. В. Петрянин // Юридическая техника. – 2015. – № 6. – С. 591-596.

[5] Кульпина Ю. Э. Антикультура. Истоки хулиганства в России / Ю. Э. Кульпина // Мир психологии. – 2007. – № 2. – С. 248-251.

[6] Курс уголовного права. Т. 4 Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – Москва: Зерцало-М, 2002. – 542 с.

события внешней политики, а затем и внутриполитический кризис отодвинули на второй план данное предложение, которое так и осталось лишь инициативой. Революционный 1917 г. лишь добавил хулиганам дерзости. Они стали полноправными хозяевами, владыками, героями улиц[7].

Новая советская власть боролась с хулиганством весьма непостоянно: карала лишь тех, кто посягал на ее стабильность. Так, в одном из первых нормативных документах – Декрете СНК РСФСР «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. хулиганство поставлено в один ряд с такими преступлениями, как погромы, взяточничество, подлог и шпионаж. Хулиганские действия отождествлялись с бандитизмом. Разделение этих двух составов преступления произошло в 1922 г. благодаря изданному ВЦИК циркуляру, где хулиганством признавались бесчинства, совершенные для дезорганизации власти или оскорбления политических и нравственных убеждений советских граждан. Признанные виновными хулиганы передавались революционному трибуналу. В 1923 г. состав хулиганства был дополнен главным признаком, который характеризует его сегодня, в виде «проявления неуважения к обществу». Введение новой экономической политики, подразумевающей, прежде всего, определенную свободу в экономической сфере, неизбежно породило новый всплеск хулиганства, которое за четыре года (1923-1926) увеличилось в десятикратном размере[8]. Так, например, Череповецкий губернский суд за пьяную драку вынес приговор в отношении мужчины с наказанием в виде расстрела, а двух других – к 10 годам лишения свободы. В 1930-е перед страной стояло много неразрешимых задач, уделить внимание которым должным образом не представлялось возможным. Данный период ознаменовал репрессии, в том числе и в отношении хулиганов. Даже нецензурная брань в общественном месте каралась тюремным заключением. Чаще всего приговоры выносились с наказанием в виде 5 лет лишения свободы. Дела слушали, не основываясь на данных предварительного расследования.

В связи с применением подобных устрашающих мер хулиганов в городах было мало. По причине второй мировой войны правительство уделяло меньше времени борьбе с нарушением общественного порядка, к концу 1940-х хулиганство получило новый виток развития. Также на это повлияла масштабная амнистия после смерти Сталина. Новая власть принимает Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., где дает уже приближенное к современному понятие хулиганства в виде умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу. Состав преступления дополнился квалифицирующими признаками. Так, в ст. 206 УК ответственность была установлена за простое хулиганство без отягчающих обстоятельств и повторное мелкое хулиганство (ч. 1); злостное хулиганство (ч. 2); особо злостное хулиганство (ч. 3)[9].

Власть в 1966 г. предприняла попытку ужесточить наказание. На основании Указа Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», квалифицированный состав предполагал большие сроки лишения свободы. Но это не сказалось на действиях со стороны преступников, правоохранительные органы были не в состоянии изменить ситуацию. Весьма нестабильные 1990-е позволили хулиганству масштабироваться: их совершалось около 90 тысяч в год. Опасность состояла в том, что совершение подобного рода общественно-опасных деяний служит плацдармом и основой для совершения более тяжких преступлений. В современной России ситуация коренным образом изменилась ввиду того, что страна пошла по пути гуманизации уголовного законодательства, что получило отражение в декриминализации некоторых преступлений.

В начале действия УК РФ пересмотру подверглись хулиганские статьи, некоторые перешли в разряд административной ответственности. Под статьи в УК РФ подпадали только те лица, которые совершали преступления при отягчающих обстоятельствах. В итоге дефиниция хулиганства подверглась изменению. Оно получило следующее определение – грубое нарушение общественного порядка, что демонстрирует явное неуважение к обществу, совершенное с применением насилия, или угрозой применения насилия к гражданам, или по идеологическим, политическим, расовым, национальным или религиозным мотивам, или на определенных объектах транспорта. Квалифицированный состав хулиганства учитывает применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также совершения хулиганства при различных формах соучастия, или связанное с сопротивлением представителю власти. Особо квалифицированный состав хулиганства, санкция которого предусматривает наказание в виде лишения свободы от 5 до 8 лет, учитывает совершение хулиганских действий с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Итак, произведенный в данной статье ретроспективный анализ показывает, что развитие уголовно-правовых норм в сфере хулиганства было весьма неопределенным. Периоды «ужесточения» уходили в послабления и наоборот.

---

[7] Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения / А. В. Петрянин // Юридическая техника. – 2015. – № 6. – С. 591-596.

[8] Козаченко И. Я. Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений / И. Я. Козаченко. – Екатеринбург, 1984. – 254 с.

[9] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 350-352.

Можно сделать выводы на основании проведенного исторического анализа. Если 100 лет назад репрессивная и жесткая политика позволяла свести к минимуму совершение хулиганства, то новая политика, курс которой направлен на гуманизацию, показывает, что данные меры весьма неэффективны. В нынешнюю редакцию ст. 213 УК РФ не подпадают действия, например, с использованием достижений информационных технологий, что требует внесений изменений, касающихся способов нарушения общественного порядка, для более реальной защиты граждан, их здоровья и неприкосновенности от действий нарушителей закона.

Библиография

1. Денисов, Е. Озорники России / Е. Денисов // Коммерсант. – Деньги. – 2006. – № 35. – С. 73-75.

2. Козаченко, И. Я. Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений / И. Я. Козаченко. – Екатеринбург, 1984. – 254 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 350-352.

4. Кульпина, Ю. Э. Антикультура. Истоки хулиганства в России / Ю. Э. Кульпина // Мир психологии. – 2007. – № 2. – С. 248-251.

5. Курс уголовного права. Т. 4 Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – Москва: Зерцало-М, 2002. – 542 с.

6. Петрянин, А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения / А. В. Петрянин // Юридическая техника. – 2015. – № 6. – С. 591-596.

7. Советское уголовное право. Часть Особенная. – Москва: Изд-во МГУ, 1975. – С. 369-372.

Понятие естественной монополии и её особенности в электроэнергетике

The concept of natural monopoly and its features in the electric power industry

Демакова Светлана Геннадьевна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Demakova Svetlana Gennadievna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В данной статье дается краткий исторический контекст появления понятия «естественная монополия», отражены особенности государственного регулирования деятельности субъектов естественных монополий на Российском электроэнергетическом рынке услуг и перспективные направления его развития.

Ключевые слова: естественная монополия, электроэнергетика, государственное регулирование, тарифы, электрическая энергия, Федеральная Антимонопольная Служба России.

Abstract. This article provides a brief historical context for the emergence of the concept of «natural monopoly», reflects the features of state regulation of the activities of natural monopoly entities in the Russian electric power market of services and promising directions of its development.

Key words: natural monopoly, electric power industry, state regulation, tariffs, electric energy, Federal Antimonopoly Service of Russia.

На современном этапе одной из задач в рамках правового регулирования деятельности субъектов естественных монополий является уточнение понятия «естественная монополия». Подходы к определению естественной монополии имеют длительную историю. До начала 70-х годов XX века признавалась наиболее оптимальной теория, связанная с экономией от масштаба производства. Например, по мнению Ф. М. Шерер естественная монополия – это производство, при котором экономия от масштаба производства столь существенна, что одна единственная фирма может обслуживать рынок с меньшими издержками на единицу продукции, чем две или три фирмы»[1]. Ж. Дюпюи обосновывал естественность возникновения монополии на рынке через наличие определенных барьеров входа на такой рынок, к числу которых он относил необходимость огромного капитала; возникновение перераспределения спроса между старой и новой фирмой, за которым последует уменьшение прибыли и невозможность покрытия издержек у обеих фирм[2]. С позиции вышеуказанных авторов, определение «естественная монополия» наполняется высокими входными барьерами, связанными с объемом инвестиций, необходимым для создания инфраструктурной сети.

Современный подход к определению естественных монополий сформировался в 1980-х годах. Как отмечает А. В. Трачук, быстрый рост инфраструктурных отраслей промышленности, которые предполагают прокладку сетей и, как следствие, существование значительных необратимых издержек, наполняют термин «естественная монополия» новым содержанием, акцентированным в первую очередь на технологических особенностях инфраструктуры, производящей насущные, т.е. актуальные и необходимые в тот период времени, продукты (услуги), не имеющие замены[3].

Встречается и критика теории естественной монополии. Т. ДиЛоренцо считает такую теорию фик-

[1] Scherer F. M. Industrial market structure and economic performance. – Chicago, 1980. P. 24.
[2] Dupuit J. Dictionnaire de l'économie politique. – Paris, 1852. P. 340.
[3] Трачук А. В. Реформирование естественных монополий: цели, результаты и направления развития. – М., 2011. С. 28.

цией, в связи с чем пишет, что никогда не существовало никакой естественной монополии[4]. П. Н. Гриднев и С. А. Фролов считают, что естественная монополия находит свое правовое выражение в качестве признанного государством специального права на осуществление деятельности определенного вида в пределах одного товарного рынка, обусловленного эффектом масштаба при производстве товара, который является незаменимым и спрос, на который не зависит от изменения цены на него. Хозяйствующий субъект, наделенный естественной монополией, выступает в качестве носителя специального права (естественного монополиста, субъекта естественной монополии)[5].

Таким образом, природа понятия естественной монополии имеет различные трактовки. Легальное определение естественной монополии в Российском законодательстве содержится в ст. 3 гл. 1 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» – это состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров[6].

Закон о естественных монополиях был принят 17 августа 1995 г., при этом до сих пор не прекращается совершенствование данного нормативного акта, как и развитие законодательства о естественных монополиях в целом. Правовые отношения в данной области с каждым годом развиваются все более стремительно, что подтверждается существенным количеством принятых нормативных актов, появлением новых сфер деятельности субъектов естественных монополий, и, как следствие, новых направлений государственного регулирования. Все это свидетельствует о существовании специальной системы регулирования естественных монополий, которая находится в процессе развития и нуждается в четком структурировании. Регулирование цен и тарифов в тех видах деятельности, в которых государство решило оставить за собой регулирование, – один из основных подходов государства в данном направлении. Кроме того, важными формами государственного воздействия на рынки являются защита и поощрение конкуренции, установление правил работы рынков, регулирование количества обращающегося на рынке товара, установление налогов и субсидий.

Электроэнергетический рынок представляет собой комплекс операций по купле-продаже таких видов продукции и услуг, как электрической энергии, электрической мощности, услуг по транспортировке и распределению электроэнергии, технологических услуг, связанных с обеспечением надежного функционирования основной электросети и поддержанием качественных параметров энергоснабжения на нормативном уровне, услуг по сбыту энергии, услуг по повышению энергоэффективности, предоставляемых потребителям. Государственное регулирование тарифов на электрическую энергию позволяет правительству любой страны влиять на экономические и социальные процессы. Тарифная политика в электроэнергетике используется правительством в качестве обеспечения социально-экономического развития страны, эффективного механизма развития различных отраслей промышленности и экономики регионов. Рыночные отношения существуют только в тех рамках, которые ему отводит само государство. Важная задача каждого государства – найти ту меру государственного воздействия, которую необходимо применить для эффективного функционирования рынка электроэнергии. Государство устанавливает правила развития и функционирования рынка, порядок заключения и исполнения контрактов, защищает права потребителей и общества в целом.

В Российской Федерации, как и в других развитых странах, электроэнергетика является базовой отраслью экономики. Надежное и эффективное функционирование электроэнергетики РФ, бесперебойное снабжение потребителей энергоресурсом является основой развития экономики нашей страны и неотъемлемым фактором обеспечения цивилизованных условий жизни граждан.

В настоящее время в электроэнергетике РФ существуют следующие основные виды деятельности: производство, передача, распределение электроэнергии; регулирование режима потребления электроэнергии (диспетчеризация – системный оператор); сбыт (продажа) электроэнергии. Сферы производства и продажи или иными словами генерация и сбыт электроэнергии, в полной мере не регулируются государством, на этих рынках цены формируются на основе конкурентного спроса и предложения. В то же время, предприятия, оказывающие услуги по

[4] DiLorenzo T. The Myth of Natural Monopoly // The Review of Austrian Economics. 1996. Vol. 9. № 2. P. 58.

[5] Гриднев П. Н., Фролов С. А. Теоретические подходы к изучению понятия «естественная монополия», экономические и правовые условия ее существования // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 3. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2017/03/80056.

[6] Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // СЗ РФ. 21.08.1995. № 34. Ст. 3426.

передаче электрической энергии, а также системные операторы в российской электроэнергетике наделены статусом субъекта естественных монополий и занесены в Реестр субъектов естественных монополий в топливно-энергетическом комплексе, в отношении которых осуществляется государственное регулирование и контроль.

Наличие монополизированных сфер в электроэнергетике, специально созданных государством и обеспеченных специальным правовым регулированием, может объясняться следующими причинами. Параллельная организация конкурирующей компанией однопрофильного производства на рынке оказания услуг по транзиту и распределению электрической энергии естественным монополистом нецелесообразна. К примеру, магистральная линия электропередач, проведенная параллельно уже существующей, нецелесообразна и неминуемо оказывается невостребованной в связи с достаточной пропускной способностью ранее построенной и уже функционирующей линии. Наличие естественных электроэнергетических монополий обусловливается присутствием больших масштабов производства. Один хозяйствующий субъект может снабжать весь рынок, имея более низкие издержки, чем были бы издержки у ряда конкурирующих с ним хозяйствующих субъектов. Такие условия характерны, в частности, и для предприятия электрических сетей, например, электросетевой холдинг ПАО «Россети», имеющий дочерние и зависимые общества в большинстве регионов Российской Федерации.

Для предприятий естественных монополий характерна довольно опасная особенность – возможность господствовать в соответствующих рыночных отношениях, устанавливать свою безграничную диктатуру рыночной власти. Ограничение или недопущение такого произвола субъектов естественных монополий может достигаться только путями: установлением в сферах естественных монополий государственной собственности и государственным регулированием. В Российской электроэнергетике применяются оба пути ограничения естественных монополий.

Деятельность субъектов естественных монополий основывается на правах и свободах, установленных Конституцией РФ. Поскольку субъекты естественных монополий выполняют социальные функции, правовое регулирование их деятельности направлено на обеспечение социальных обязательств государства. Поэтому при формировании основных направлений правового регулирования деятельности субъектов естественных монополий основополагающим принципом является определение разумной меры ограничения их экономической свободы в целях выполнения социальных обязательств. В Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов, контролю и надзору за соблюдением законодательства в сфере деятельности субъектов естественных монополий, является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России). При этом правовое регулирование в сфере государственного регулирования цен (тарифов) до сентября 2015 года осуществлялось Федеральной службой по тарифам Российской Федерации (ФСТ России). В соответствии с Указом Президента РФ от 21.07.2015 № 373 «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования» и Постановлением Правительства РФ от 04.09.2015 № 941 «О внесении изменений, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с упразднением Федеральной службы по тарифам и об утверждении Правил принятия Федеральной антимонопольной службой решений об определении (установлении) цен (тарифов) и (или) их предельных уровней в сфере деятельности субъектов естественных монополий и иных регулируемых организаций» полномочия ФСТ России по принятию нормативных правовых актов по деятельности субъектов естественных монополий в сфере государственного регулирования цен и тарифов на товары и услуги, а также контроль за соблюдением законодательства в области регулируемых цен и тарифов, в частности в электроэнергетической отрасли, перешли к ФАС. Именно ФАС России на сегодняшний день должна разрабатывать новые законы и подзаконные акты, методические указания по ценообразованию в регулируемых сферах, а также правила применения тарифов на услуги и товары субъектов естественных монополий. Одним из перспективных направлений развития ФАС России считает дальнейшее продолжение либерализации рынков, разработку закона об основах тарифного регулирования в увязке с изменением определения естественных монополий, пересмотр понятия естественных монополий и сохранение такого статуса лишь сетевым компаниям, и, возможно, даже полное упразднение закона о естественных монополиях[7].

Практика функционирования субъектов естественных монополий свидетельствует о том, что в отношении естественных монополий недостаточно использовать лишь общее антимонопольное законодательство и контроль за его исполнением. Поэтому в законодательстве РФ предусмотрена система специальных нормативных актов по определенным сферам товарного рынка: в ее состав входят законы и иные нормативные акты, принимаемые не только федеральными органами государственной власти, но и субъектами РФ по вопросам, которые находятся в их исключительном ведении или в совместном

[7] Игорь Артемьев: статус естественных монополий должен сохраниться только у сетевых компаний. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. – URL: https://fas.gov.ru/publications/161 (дата обращения: 06.09.2021).

ведении с Российской Федерацией. Такое право субъектов РФ зафиксировано в ст. 76 Конституции РФ, конституциях и уставах субъектов Федерации. Отдельные полномочия по регулированию деятельности субъектов естественных монополий осуществляют органы местного самоуправления.

Таким образом, государство обоснованно оставило за собой рычаги влияния на электроэнергетическую отрасль, а субъекты естественных монополий электроэнергетики получили исключительное право на осуществление предусмотренной для них деятельности. Стоимость их услуг не может определяться ими самостоятельно, а формируется по тарифам, устанавливаемым государственным регулирующим органом на основе объективной экспертизы, проводимой государственным регулирующим органом в соответствии с «Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» и «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике», утвержденными Постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178.

Библиография

1. Гриднев, П. Н., Фролов, С. А. Теоретические подходы к изучению понятия «естественная монополия», экономические и правовые условия ее существования // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 3. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2017/03/80056 (дата обращения: 02.09.2021).

2. Игорь Артемьев: статус естественных монополий должен сохраниться только у сетевых компаний. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. – URL: https://fas.gov.ru/publications/161 (дата обращения; 06.09.2021).

3. Трачук, А. В. Реформирование естественных монополий: цели, результаты и направления развития. – М., 2011. С. 28.

4. DiLorenzo, T. The Myth of Natural Monopoly // The Review of Austrian Economics. 1996. Vol. 9. № 2. P. 58.

5. Dupuit, J. Dictionnaire de l'économie politique. – Paris, 1852. P. 340.

6. Scherer, F. M. Industrial market structure and economic performance. – Chicago, 1980. P. 24.

Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве и в коммерческом подкупе в незначительном размере

The problems of qualification of mediation in bribery and commercial bribery in a small amount

Докунихин Юрий Васильевич,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Dokunikhin Yuri Vasilyevich,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются основные положения о проблемности и недостаточности правового регулирования в рамках квалификации посредничества во взяточничестве и коммерческом подкупе, анализируется судебная практика в рамках темы, а так же выдвигаются решения данных проблем.

Ключевые слова: уголовное право, взяточничество, посредничество, квалификация преступления, коммерческий подкуп, незначительный размер, проблемы уголовного законодательства.

Abstract. This scientific article discusses the main provisions on the problematic and insufficient legal regulation in the framework of the qualification of mediation in bribery and commercial bribery, analyzes judicial practice within the framework of this topic, as well as puts forward solutions to these problems.

Key words: criminal law, bribery, mediation, qualification of a crime, commercial bribery, insignificant size, problems of criminal legislation.

Изменения уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве появились в УК РФ с включением в него ст. 204.1. «Посредничество в коммерческом подкупе» и ст. 204.2. «Мелкий коммерческий подкуп». Преступления, предусмотренные нормами о посредничестве в коммерческом подкупе и взяточничестве (ст.ст. 204.1 и 291.1), имеют существенные сходства; нормы о мелком подкупе и взяточничестве (ст.ст. 204.2 и 291.2) также схожи, что приводит к одинаковым трудностям в квалификации и позволяет разработать единые рекомендации по их разрешению.

Для применения этих новелл необходимо сформулировать правила уголовно-правовой оценки следующих ситуаций:

1) посреднические действия, не подпадающие под признаки ст.ст. 204.1 и 291.1 УК РФ в связи с отсутствием требуемого значительного размера предмета преступления (25 тысяч рублей);

2) посредничество в размере более 10 тысяч рублей (на сумму предмета мелкого подкупа и мелкого коммерческого подкупа), но не более 25 тысяч рублей (что исключает применение норм ст.ст. 204.1 и 291.1);

3) посредничество в мелком коммерческом подкупе (ст. 204.2) и мелком подкупе (ст. 291.2), для которых УК РФ не предусмотрены специальные правила о посредничестве.

Поскольку признаки субъектной и объективной стороны преступлений, предусмотренных ст.ст. 204.1 и 291.1 УК РФ, во многом совпадают (различие между ними проводится по объекту и субъекту), целесообразно провести исследование особенностей их квалификации на примере посредничества во взяточничестве, по которому сегодня сложилась судебная практика[1].

[1] Воеводина И. В. Получение информации о соединениях между абонентами (или) абонентскими устройствами – следственное действие с двойной правовой природой / И. В. Воеводина, Н. И. Савченко, Н. Г. Шурухнов // Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: сб. материалов науч.-практ. конф. – Рязань, 2018. – С.127-134.

Правовая природа медиации связана с институтом соучастия в преступлении. Посредник является участником вида соучастия, известного в науке как «сложное соучастие», которое предполагает в чистом виде распределение ролей, т.е. наличие одного исполнителя преступления и некоторых «вспомогательных» соучастников – организатора, подстрекателя или пособника. По сути, положения ст.ст. 204.1 и 291.1 УК РФ представляют собой особые правила (особые случаи соучастия), которые конкурируют с общими правилами о соучастии во взяточничестве и коммерческом подкупе. В одном из постановлений Верховного Суда РФ ст. 291.1 УК РФ метко описана как «предусматривающая понятие посредничества во взяточничестве, аналогичное понятию соучастия»; аналогичная оценка этой нормы дана в доктрине.

Однако в соответствии со ст.ст. 204.1 и 291.1 УК РФ медиация получила статус самостоятельной структуры, искусственно изолированной от института соучастия. В результате посредник, который фактически играет роль соучастника в основном преступлении (взяточничество или коммерческий подкуп), подлежит правовой оценке как исполнитель другого преступления – посредничества.

Объективная сторона посредничества сформулирована в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ: «посредничество во взяточничестве, то есть прямая передача взятки от имени взяткодателя или взяткополучателя, либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткодателю в достижении или осуществлении соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере».

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, «пособником является лицо, которое содействовало совершению преступления советом, инструкциями или предоставлением информации... или устраняя препятствия». Следовательно, посредник – это не кто иной, как соучастник в даче (получении) взятки или коммерческого подкупа. До принятия указанных статей посредничество квалифицировалось именно как пособничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе согласно ч. 5 ст. 33 и соответствующей части статей 290, 291 и 204 УК РФ.

Эта квалификация подверглась критике со стороны ряда ученых, которые считают, что она образует аналогию закона и противоречит принципу справедливости, поскольку посредник не подпадает под юридическое определение пособника. Однако нам представляется, что позиция специалистов, признающих посредника пособником, более оправданна, поскольку роль посредника полностью охватывается таким широким методом пособнической деятельности, как устранение препятствий к совершению преступления.

Как уже говорилось, ответственность по ст.ст. 204.1 и 291.1 УК РФ наступает только в том случае, если предметом преступления является значительная сумма – более 25 тысяч рублей (установлено в примечаниях к ст.ст. 204 и 290). Это означает, что включение этих норм в УК РФ оставило открытым вопрос о квалификации посредничества в размере менее значительном.

В судебной практике посредничество в небольшом объеме часто рассматривается как не уголовное (не наказуемое). Например, оправдав М. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, Президиум Тульского областного суда отметил, что «согласно диспозиции части 1 статьи 291.1 УК РФ уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве наступает при условии, что сумма взятки, получению или даче которой способствовал посредник, является значительной»[2].

В науке уголовного права нет единого мнения по этому вопросу. Некоторые эксперты считают, что в таком случае посредничество следует квалифицировать как соучастие в даче или получении взяток. Другие считают, что в этих обстоятельствах посредничество не является преступлением, и это из-за ошибки законодателя. Отметим, что сторонники второй позиции сами заявляют о неприемлемости такого решения, называя сложившуюся ситуацию «пробелом в регулировании уголовно-правового противодействия коррупционной преступности»[3].

Мнение о ненаказуемости посредничества в небольшом размере основано на толковании нормы ч. 1 ст. 291.1 УК РФ как привилегированного состава преступления. По признанию ряда специалистов из второй группы, они используют квалификационные правила, свойственные привилегированным составам убийств (ст.ст. 106-108), конкурируя с основными и квалифицированными составами убийств (ч.ч. 1 и 2 ст. 105) по признаку возраста (ответственность устанавливается с 16 и 14 лет соответственно). Об этом также свидетельствует аргументация судебных решений по делам о медиации[4].

Например, признавая, что решение об оправдании Б., посредника во взяточничестве в размере 10 тысяч рублей, было правильным и основанным на законе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда указала, что «доводы кассационного представления о возможности квалификации действий Б. по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 290 УК РФ как пособничество в получении взятки за незаконное бездействие с назначением наказания на основании санкции ч. 2 ст. 291.1 УК РФ не основаны на законе и

[2] Дуюнов В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. К. Дуюнова. 6-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2020. С. 77.

[3] Сашнин Д. А. Получение взятки // StudNet. 2020. № 10. С. 2.

[4] Егорова Н. А. Вопросы обратной силы норм об ответственности за коррупционные преступления // Уголовное право. 2020. № 5. С. 2.

противоречат общим принципам уголовного права, поскольку ч. 3 ст. 290 УК РФ является более тяжкой, чем ч. 2 ст. 291.1 УК РФ, что само по себе исключает возможность такой переквалификации действий». Это примечательно, что в обосновании своей позиции Судебная коллегия не уточнила, о каких именно принципах идет речь, и какая норма УК РФ препятствует переквалификации содеянного на более тяжкое преступление. Имелся в виду принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку коллегия обратилась к сравнительной тяжести двух преступлений[5].

Квалификация по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 290 УК РФ не противоречила бы ни одному из общих принципов уголовного права, предусмотренных ст.ст. 3-7 УК РФ. Вышеуказанное решение суда основано на том же правиле, которое применяется к привилегированным составам: отсутствие одного из второстепенных признаков привилегированного состава, которое существенно не влияет на уровень его общественной опасности (например, возраст виновного лица), исключает квалификацию по норме об основном или квалифицированном составе. Однако состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, в отличие от составов ст.ст. 106-108 УК РФ, не является привилегированной, и вряд ли к ней можно подходить так, как сложилось в отношении привилегированных составов убийств.

Если лицо совершает убийство в возрасте 14-15 лет, что подпадает под все признаки ст.ст. 106-108 УК РФ, за исключением возраста (16 лет), деяние не влечет уголовной ответственности. Причина в том, что другое решение проблемы, т.е. вменение такому лицу основного или квалифицированного состава убийства повлекло бы за собой явное нарушение принципа справедливости: за одно и то же деяние лицо в 14-15 лет несло бы более суровую ответственность, чем в 16 лет (напомним, что санкция по ст. 105 УК РФ намного строже, чем по ст.ст. 106-108 УК РФ).

Но со ст. 291.1 УК РФ складывается принципиально иная ситуация. Сравним основные составляющие взяточничества и посредничества по уровню общественной опасности предусмотренных ими преступлений. Тяжесть наказания по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ (наиболее строгое наказание до четырех лет лишения свободы) превышает наказуемость обычного соучастия в получении взятки по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 290 (наиболее строгое наказание до трех лет лишения свободы) и в даче взятки по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 291 (наиболее строгое наказание до двух лет лишения свободы)[6].

Таким образом, по общему правилу квалификация посредничества по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 291 УК РФ, в связи с невозможностью квалификации по ч. 1 ст. 291.1, не ухудшает, а улучшает положение виновного. Такая правовая оценка никоим образом не противоречит принципу справедливости.

Изучение строгости санкций показывает, что включение в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ значительного размера предмета взятки является не упущением, а сознательной позицией законодателя. Только эта позиция, вопреки преобладающему мнению, заключается не в том, чтобы декриминализировать посредничество в незначительном размере, а в том, чтобы дифференцировать уголовную ответственность посредника в зависимости от суммы взятки. Подразумевалось, что если предмет преступления незначителен, посредник должен отвечать по более мягкой норме соучастия во взяточничестве.

Еще одним аргументом в пользу криминализации (наказуемости) посредничества в небольшом объеме являются международные обязательства РФ. Ратифицированные Россией международные договоры, направленные на борьбу с коррупцией, предусматривают уголовную ответственность за соучастие и посредничество во взяточничестве без каких-либо исключений в зависимости от роли исполнителя или размера предмета взятки.

В частности, в ст. 2 Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках (Париж, 17.12.1997, далее – Конвенция ОЭСР) предусмотрено, что «соучастие, включая подстрекательство, содействие и пособничество, а также санкционирование действий по подкупу иностранного должностного лица является уголовно наказуемым». В п. 6 официального комментария к Конвенции ОЭСР указывается, что «поведение, описанное в пункте 1 Конвенции (т.е. дача взятки иностранному должностному лицу) является преступлением, независимо от того, было ли предложение или обещание имущественных или иных выгод сделано лицом от своего имени (т.е. лично взяткодателем) или от имени другого физического или юридического лица (т.е. посредником)». В зарубежной правовой доктрине цитируемые положения комментируются следующим образом: действия взяткодателя и посредника во взяточничестве находятся на одном уровне, и оба деяния являются преступными и предосудительными в равной мере[7].

Пункт 7 официального комментария к Конвенции ОЭСР предусматривает, что оба вышеупомянутых деяния (как взяточничество, так и посредничество во взяточничестве) являются преступлениями, независимо от таких обстоятельств, как стоимость взятки, отношение к взяточничеству со стороны местных властей, соблюдение местных обычаев.

[5] Иногамова-Хегай Л. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник для бакалавров. – М., 2018. С. 21.
[6] Кадников Н. Г., Шафорост В. А. К вопросу об ответственности за взяточничество // Общество и право. 2017. № 1. С. 116.
[7] Казарян Э. А. Некоторые вопросы квалификации дачи и получения взятки по законодательству Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (36). С. 7-10.

Законодательство большинства государств-участников Конвенции ОЭСР соответствует этим международным стандартам. Исключения носят единичный характер и обусловлены, в частности, незначительностью предмета преступления. Например, во Вьетнаме взяточничество в размере менее 20 евро (менее 1,5 тыс. рублей) не считается преступлением при условии, что содеянное не повлекло «серьезных последствий». Очевидно, что попытки признать посредничество на достаточно крупную сумму до 25 тысяч рублей неприступным, несмотря на тяжесть произошедших последствий, не соответствуют мировым тенденциям.

Статья 27 Конвенции ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003) также предусматривает криминализацию любых видов соучастия в коррупционных преступлениях: «Каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, чтобы признать в качестве уголовного преступления, в соответствии со своим внутренним законодательством, участие в любом качестве, например, в качестве соучастника, пособничества или подстрекательства, в совершении преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией»[8].

Проанализированные нормы международного права ориентируют отечественного законодателя и правоохранительные органы на необходимость признания преступными всех возможных вариантов соучастия в коррупции в государственном и частном секторе, включая посредничество во взяточничестве и коммерческий подкуп на сумму менее 25 тысяч рублей.

В первой из вышеупомянутых проблемных ситуаций целесообразно использовать правило: если исполнитель действует от имени (от имени и в интересах) взяткодателя, посредничество, совершенное им в небольшой сумме, следует квалифицировать как пособничество в даче взятки по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части статьи 291 УК РФ; если он действует от имени (от имени и в интересах) взяточника – как пособничество в получении взятки по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части статьи 290 УК РФ.

Аналогичное правило квалификации применимо и к посредничеству в коммерческом подкупе: если предмет преступления незначителен, деяние квалифицируется как пособничество в передаче коммерческого подкупа (ч. 5 ст. 33, ч.ч. 1-4 ст. 204 УК РФ) или пособничество в получении коммерческого подкупа (ч. 5 ст. 33, ч.ч. 5-8 ст. 204 УК РФ).

Библиография

1. Воеводина, И. В. Получение информации о соединениях между абонентами (или) абонентскими устройствами – следственное действие с двойной правовой природой / И. В. Воеводина, Н. И. Савченко, Н. Г. Шурухнов // Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: сб. материалов науч.-практ. конф. – Рязань, 2018. С. 127-134.

2. Дуюнов, В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. К. Дуюнова. 6-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2020. С. 77.

3. Егорова, Н. А. Вопросы обратной силы норм об ответственности за коррупционные преступления // Уголовное право. 2020. № 5. С. 2.

4. Зыков, Д. А. Уголовное право / Д. А. Зыков // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1 (46). С. 97-103.

5. Иногамова-Хегай, Л. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник для бакалавров. – М., 2018. С. 21.

6. Кадников, Н. Г., Шафорост, В. А. К вопросу об ответственности за взяточничество // Общество и право. 2017. № 1. С. 116.

7. Казарян, Э. А. Некоторые вопросы квалификации дачи и получения взятки по законодательству Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (36). С. 7-10.

8. Рарог, А. И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров / А. И. Рарог. – М.: Проспект. 2020. С. 24.

9. Сашнин, Д. А. Получение взятки // StudNet. 2020. № 10. С. 2.

[8] Рарог А. И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров. – М.: Проспект. 2020. С. 24.

Правовые аспекты лицензирования деятельности по размещению отходов I-IV класса опасности

Legal aspects of licensing of waste disposal of I-IV hazard classes

Крицкая Анастасия Игоревна,

обучающийся 4 курса по программе бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Kritskaya Anastasia Igorevna,

4 years undergraduate student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. Статья посвящена вопросу лицензирования деятельности по обращению с отходами. В процессе проведения исследования были выявлены некоторые проблемы правоприменительной практики в области лицензирования деятельности по размещению отходов I-IV класса опасности. Автор статьи приводит конкретные пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: деятельность по обращению с отходами, лицензирование видов деятельности, индивидуальные предприниматели, юридические лица, отходы I-IV класса опасности.

Abstract. The article is devoted to the issue of licensing waste management activities. In the course of the study, some problems of law enforcement practice in the field of licensing of waste disposal of I-IV hazard classes were identified. The author of the article gives specific ways to improve legislation in this area.

Key words: waste management activities, licensing of activities, individual entrepreneurs, legal entities, waste of I-IV hazard class.

В течение долгого времени инструмент лицензирования отдельных видов деятельности как важный фактор регулирования и управления внутригосударственными экономическими процессами выполнял две основополагающие функции – регуляторную и фискальную.

В процессе совершенствования законодательства и усложнения общественных отношений фискальная функция отделилась и стала существующим в преобладающем количестве стран налогом на «вменный доход». Выражение, которое тогда приобрело популярность в массах, звучало так: «купить лицензию», и дословно трактовалось как плата за лицензию, которой должны были обладать все субъекты предпринимательской деятельности в период ее становления (ремесленники, лавочники, мелкие торговцы). Такой подход позволил втянуть данных субъектов в систему налогообложения, то есть плата за лицензию играла роль так называемого единого налога[1].

Что касается регуляторной функции, то она не потеряла своей значимости, так как нашла выражение в закреплении на государственном уровне некоторых требований, относящихся к определенным производителям или процессам производства. Данные требования базировались на актуальной потребности общества и государства в безопасности, охраны окружающей среды, здоровья и жизни населения, а также защищали экономические интересы.

Рассмотрим цели и задачи Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдель-

[1] Анплеев, Ю. А. Лицензирование деятельности по обращению с отходами в связи с принятием ФЗ РФ от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» / Ю. А. Анплеев. – Текст : непосредственный // Новый университет. Серия «Экономика и право». – 2012. – № 9 (19). – С. 37-40.

ных видов деятельности»[2] (далее – Закон о лицензировании), которые перечислены в статье 2:

а) главная цель лицензирования представляет собой предотвращение ущерба законным интересам и правам граждан, их здоровью и жизни, объектам культурного наследия, окружающей среде, и, конечно, безопасности государства;

б) задача лицензирования сформулирована, как пресечение и предупреждения нарушений требований законодательства со стороны субъектов хозяйственной деятельности;

в) лицензирование – это единственный путь легализации определенных видов деятельности.

Обращение с отходами производства и потребления, по мнению законодателя, также должна быть строго регламентирована и подлежит лицензированию. Предприниматели, деятельность которых попадает под действие Федерального закона от 24.06.1998 № 89 «Об отходах производства и потребления»[3] (далее – Закон об отходах) должны неукоснительно соблюдать его положения. В статье 9 данного нормативного акта содержится положение, согласно которому процесс лицензирования работ по транспортированию, сбору, обработке, размещению, обезвреживанию и утилизации отходов I-IV классов опасности производится по правилам, установленным Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности». Таким образом, лицензирование в данной сфере обязательно.

Отходы производства и потребления, согласно ст. 1 Закона об отходах, – это предметы или вещества, которые созданы в процессе выполнения работ, производства, потребления или оказания услуг, и которые подлежат удалению, предназначены для удаления или удаляются. Не относится к данной категории донный грунт.

Рассмотрим подробнее, какая именно деятельность, связанная с отходами, подлежит лицензированию. Для начала обратимся к положениям Закона о лицензировании, ст. 12 которого перечисляет конкретные виды работ, подлежащие обязательному лицензированию, а именно, в п. 30 ч. 1 ст. 12 указано, что это деятельность, связанная с отходами I-IV классов опасности по: сбору отходов; транспортированию отходов; обработке отходов; утилизации отходов; обезвреживанию отходов; размещению отходов.

Путем анализа ст. 1 Закона об отходах мы можем выявить, что в себя включает каждый из перечисленных видов работ:

1) сбор – это прием отходов лицом в целях их последующей утилизации, обработки, размещения или обезвреживания;

2) транспортирование – это перевозка отходов различным видом транспорта в границах территории России, которая производится за пределами земельного участка предпринимателя;

3) обработка – это предварительная подготовка, а именно, сортировка, очистка и разборка отходов к последующей утилизации;

4) утилизация – это использование отходов для выполнения работ, производства продукции, оказания услуг, а также их повторное применение, извлечение полезных компонентов для их рекуперации, возврат в производственный цикл после регенерации и др.;

5) обезвреживание – это снижение массы отходов, изменение физических и химических для уменьшения отрицательного воздействия отходов на окружающую среду и здоровье человека;

6) размещение включает в себя хранение и захоронение отходов.

В процессе получения лицензии есть некоторые недочеты. В исследовании, проведенном Росприроднадзором[4], были выявлены следующие важные проблемы при осуществлении лицензирования деятельности по сбору, размещению, транспортированию, утилизации, обработке, обезвреживанию отходов I-IV классов опасности.

1. В соответствии положением ч. 8 ст. 3 Закона № 99-ФЗ место осуществления отдельного вида деятельности, подлежащего лицензированию – это объект, который предназначен и используется для осуществления лицензируемого вида деятельности, он также соответствует лицензионным требованиям и принадлежит соискателю лицензии или лицензиату на праве собственности либо ином законном основании, имеет почтовый адрес или другие идентификационные данные. Данное место может совпадать с местом нахождения лицензиата или соискателя лицензии.

Исходя из содержания данного понятия, таким объектом не может являться муниципальное образование, субъект РФ или Российская Федерация в целом. Объектом могут быть помещения, здания, сооружения и иные объекты, попадающие под понятие «место осуществления лицензируемого вида деятельности», принадлежащие лицу на законном основании.

---

[2] Российская Федерация. Законы. О лицензировании отдельных видов деятельности : текст с изм. и доп. вступ. в силу с 02.07.2021 : [принят Государственной Думой 22 апреля 2011 года : одобрен Советом Федерации 27 апреля 2011 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 19. – 09.05.2011. – Ст. 2716.

[3] Российская Федерация. Законы. Об отходах производства и потребления : текст с изм. и доп. вступ. в силу с 02.07.2021 : [принят Государственной Думой 22 мая 1998 года : одобрен Советом Федерации 10 июня 1998 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 26. – 29.06.1998. – Ст. 3009.

[4] Доклад Минэкономразвития России. О лицензировании отдельных видов деятельности в Российской Федерации, 2019 г. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0dfe14f1546aa7f85d29ea90ad6409ac/doklad_2018.pdf (дата обращения 08.10.2021). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

При желании соискателя лицензии совершить транспортирование и сбор отходов I-IV классов опасности с использованием движимого имущества, а также обезвреживание, утилизацию и обработку отходов с использованием мобильного оборудования привязку к месту осуществления лицензируемого вида деятельности можно осуществлять с условием, что место осуществления лицензируемого вида деятельности может совпадать с местом нахождения субъекта, имеющего или желающего получить лицензию.

По ч. 2 ст. 9 Закона № 99-ФЗ индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, обладающий лицензией, вправе совершать деятельность по лицензии, на всей территории Российской Федерации со следующего дня после принятия решения о предоставлении данного документа.

Поэтому, рассматриваемый процесс по транспортировке и сборе отходов I-IV классов опасности с использованием транспортных средств и мобильных установок, временных технологических площадок обезвреживания без использования объектов капитального строительства, принадлежащих на праве собственности, может производится на всей территории Российской Федерации.

Из этого факта вытекает следующая проблема: территориальные органы Росприроднадзора не обладают полной информацией обо всех организациях, осуществляющих лицензируемый вид деятельности на подведомственной территориальному органу Росприроднадзора территории. В связи с чем отсутствует возможность оперативно реагировать на факты нарушения законодательства о лицензировании, а также определять лицензиатов, осуществивших такие нарушения. В целом, это препятствует установлению точного местонахождения лицензиата в случае определения конкретного нарушителя[5].

2. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» в ст. 16 регламентировал требования к транспортированию отходов. Порядок транспортирования отходов I-IV классов опасности устанавливается федеральным органом исполнительной власти в области транспорта по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное регулирование в области охраны окружающей среды. Рассматриваемые требования дифференцированы в зависимости от класса опасности отходов и их вида. Также в ч. 2 ст. 16 установлены требования к маркировке отходов, погрузочно-разгрузочным работам, требования к обеспечению пожарной и экологической безопасности.

Проблематика заключается в том, что в настоящее время все еще не разработан указанный порядок транспортирования.

3. Кроме того, согласно информации Департамента Росприроднадзора по Сибирскому федеральному округу, были зафиксированы обращения хозяйствующих субъектов делового оборота с информацией о том, что некоторые индивидуальные предприниматели и юридические лица при обращении в территориальные органы Росприроднадзора и Роспотребнадзора в целях лицензирования деятельности по транспортированию, сбору, обработке, обезвреживанию, утилизации, и размещению отходов I-IV классов опасности дают сведения о разном количестве видов отходов.

Примером может послужить следующая ситуация: при обращении в территориальные органы Роспотребнадзора в целях получения санитарно-эпидемиологического заключения о несоответствии санитарным правилам строений, зданий и сооружений, а также помещений, оборудования и иного имущества, для использования при осуществлении лицензируемых видов деятельности, предоставляют сведения о намерениях осуществлять лицензируемые виды деятельности по некоторым видам отходов. В тоже время в санитарно-эпидемиологическом заключении наименование деятельности изложено в следующей формулировке: «Здания, строения, сооружения, помещения, оборудование и иное имущество, используемые для осуществления деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, размещению отходов I-IV класса опасности»; после чего в скобках уточнен точный вид обращения с отходами, при этом указан конкретный класс или диапазон классов опасности отходов, а наименования конкретных видов отходов или их групп отсутствуют.

В тоже время, в Обращениях появляется следующая информация о том, что подобные индивидуальные предприниматели и юридические лица указывают большее количество видов отходов при обращении в территориальные органы Росприроднадзора с заявлением о предоставлении лицензии.

Проверка достоверности сведений, указанных в заявлении и прилагаемых к нему документах, согласно ч. 4 ст. 19 Закона № 99-ФЗ является предметом документарной проверки лицензиата.

В соответствии с подп. «б» п. 5 Положения № 2290[6] для получения лицензии субъект делового оборота направляет в лицензирующий орган заявление, в котором указывает реквизиты санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии сани-

[5] Пинаев, В. Е., Чернышёв, Д. А. Обращение с отходами производства и потребления вопросы лицензирования / В. Е. Пинаев, Д. А. Чернышёв. – Текст : непосредственный // Вестник евразийской науки. – 2014. – № 3 (22). – С. 1-11.

[6] Российская Федерация. Правительство. О лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I-IV классов опасности : постановление Правительства РФ от 26 декабря 2020 года № 2290. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1 (ч. II). – 04.01.2021. – Ст. 149.

тарным правилам помещений, зданий, сооружений, строений и оборудования, которые будут использоваться для выполнения заявленных работ по обращению с отходами определенного класса опасности.

При проведении проверки сведений, содержащихся в представленных субъектом, имеющим право на получении лицензии, заявлении о переоформлении или предоставлении лицензии и прилагаемых к нему документах, о соответствии соискателя лицензии лицензионным требованиям, лицензирующий орган делает запрос на предоставление необходимых сведений для государственных услуг в области лицензирования. Данные сведения находятся в распоряжении органов, предоставляющих государственные или муниципальные услуги и иных органов либо подведомственных им организаций, в порядке, установленном Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

В тоже время в ответах территориального органа Роспотребнадзора на межведомственные запросы территориальных органов Росприроднадзора не фигурирует информация о конкретных видах отходов или их группах и их количестве, на которые предоставлено то или иное санитарно-эпидемиологическое заключение о соответствии санитарным правилам строений, зданий, сооружений, оборудования и иного имущества, которые предполагается использовать для осуществления лицензируемых видов деятельности.

Проблема в данном аспекте выражена в том, что в Постановление № 2290 не предусмотрены требования к предоставлению хозяйствующими субъектами делового оборота экспертного заключения, на основании которого выдается санитарно-эпидемиологическое заключение.

4. Последний рассмотренный нами аспект связан с временем действия лицензии. В соответствии с ч. 4 ст. 9 Закона № 99-ФЗ лицензия действует бессрочно.

Согласно п. 3 Положения о лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I-IV классов опасности, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26.12.2029 № 2290, лицензионными требованиями, предъявляемыми к соискателю лицензии при его намерении осуществлять деятельность в области обращения с отходами, а также к лицензиату при осуществлении им деятельности в области обращения с отходами, являются, в том числе, наличие у соискателя лицензии необходимых для выполнения заявленных работ зданий, строений, сооружений и помещений, принадлежащих ему на праве собственности или на ином законном основании и соответствующих установленным требованиям.

Договор аренды при условии наличия акта приема-передачи является документом, подтверждающим право владения зданиями, строениями, сооружениями и помещениями, необходимыми для выполнения заявленных работ.

Таким образом, до настоящего времени не урегулирован вопрос выдачи бессрочной лицензии на основании договора аренды на здания, строения, сооружения (в том числе объектов размещения отходов), помещения, специализированное оборудование, который имеет срок действия 1 год. При этом часто предоставляются документы, срок действия которых менее года.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод о том, что ФЗ № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» является основным для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляющих свою деятельность в сфере обращения с отходами[7]. Но в тоже время были выявлены некоторые проблемные аспекты в правоприменительной практике, а именно:

1) территориальный орган Росприроднадзора не может оперативно реагировать на факты нарушения законодательства о лицензировании, а также определять лицензиатов, осуществивших такие нарушения;

2) федеральным органом исполнительной власти в области транспорта не установлен конкретный порядок транспортирования отходов;

3) не предусмотрены требования к предоставлению хозяйствующими субъектами экспертного заключения;

4) не урегулирован вопрос выдачи бессрочной лицензии на основании договора аренды на здания.

Все эти пробелы требуют немедленного реагирования законодателя, чтобы упростить процедуру осуществления важной для государства и общества деятельности по размещению опасных отходов.

Библиография

1. Анплеев, Ю. А. Лицензирование деятельности по обращению с отходами в связи с принятием ФЗ РФ от 04. 05. 2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» / Ю. А. Анплеев. – Текст : непосредственный // Новый университет. Серия «Экономика и право». – 2012. – № 9 (19). – С. 37-40.

2. Пинаев, В. Е., Чернышёв, Д. А. Обращение с отходами производства и потребления вопросы лицензирования / В. Е. Пинаев, Д. А. Чернышёв. – Текст : непосредственный // Вестник евразийской науки. – 2014. – № 3 (22). – С. 1-11.

7 Доклад Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. О лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I-IV классов опасности, 2016 г. – URL: http://association-cfo.ru/wp-content/uploads/2017/11/sp_sokolova.pdf. (дата обращения 10.10.2021). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

Социальная реклама в России и Германии: генезис понятия и особенности правового регулирования

Social advertising in Russia and Germany: the genesis of the concept and features of legal regulation

Малышева Ксения Витальевна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Malysheva Ksenia Vitalievna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В Германии пиком развития социальной рекламы является период Второй мировой войны, именно тогда, как и в России основным рекламный объектом являлся плакат, содержащий определенную формулировку, являющуюся средством пропаганды. При сравнении социальной рекламной деятельности в России и Германии, можно сделать вывод, что российская социальная реклама в значительной степени отстает от социальной рекламной деятельности в Германии.

Ключевые слова: возникновение рекламы, правовое регулирование, социальная реклама, особенности социальной рекламы.

Abstract. In Germany, the peak of the development of social advertising is the period of the Second World War, it was then, as in Russia, the main advertising object was a poster containing a certain wording, which is a means of propaganda. When comparing social advertising activities in Russia and Germany, it can be concluded that Russian social advertising largely lags behind social advertising activities in Germany.

Key words: the emergence of advertising, legal regulation, social advertising, features of social advertising.

Достаточно распространенным является мнение о том, что рекламная деятельность возникла лишь в XX веке, однако, реклама на самом деле возникла еще тысячелетия назад. При возникновении экономической необходимости продажи товара и началось стремительное развитие рекламной сферы как такового политического и социального явления.

Слово «реклама» латинского происхождения (reclamare – выкрикивать). Уже в древнем Египте, Греции и Риме торговцы на публику расхваливали достоинства товаров, тем самым, создавали прообраз устной рекламы.

В письмах древнеримского философа Сенека указано: «Окружает меня крик. Многообразные звуки, из-за них можно возненавидеть собственные уши. Также есть еще колбасники, пирожники, торговцы всякие, каждый выкликивает свой товар на свой лад» (Сенека 4 г. н.э.)[1].

Этимологией термина «реклама» можно определить созвучные слова, обнаруженные во французском языке – «r clame» – (зов сокола на охоте), также и в английском языке существует глагол «to reclaim» – (привлечение к себе внимания).

Например, в Германии полноценным образом реклама зародилась только в 1722 году, так как именно в то время на улицах страны появились рекламные листовки, так называемые «Intelligens Blätter» (информационные листы). В данных листовках был предусмотрен раздел «Personalin», где сообщались новости о рождении, свадьбе или похоронах. Подобными образцами рекламы пользовались в Берлине, Галле, Магдебурге и других городах Германии.

Немецкий философ Фердинан Лассаль в 1863 году выдвинул понятие термина «Реклама», а именно, что это – орудие господствующего класса, обогащающее богатых и ущемляющее бедных. Он призывал других отказаться от периодических изданий.

Немецкий экономист Густав фон Шмоллер, писал, что «Учение о рекламе – учение о воздействии

[1] Сенека Л. Нравственные письма к Луциллию. – М., 1977.

на глупость и доверчивость по большей части посредством обмана, который похож на правду»[2].

Во время правления Адольфа Гитлера, реклама являлась как таковым способом пропаганды, например, один из самых известных всем напиток «Coca-Cola» рекламировался со слоганом «Один напиток, один Рейх, один народ».

В рекламной деятельности XX века Германии появилась концепция PR (public relations – связи с общественностью) – управление информацией между обществом (потребителем), организацией и других заинтересованных субъектов. При этом, само понятие PR появилось еще в 1938 году, ввел данное понятие Карл Худхаузен, являющийся немецким социологом, однако, использоваться данный термин и применяться в рекламной сфере начал лишь в послевоенное время.

В настоящий момент в Германии термин «реклама» (Werbung) согласно толкованию Закона о недобросовестности Германии, (Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG)[3] определяется как особая форма коммуникации, направленная на побуждение людей к определенному, служащему целям сбыта поведению, понимаемая как пропаганда цели, продуктов, услуг или имиджа компаний, продуктов и услуг.

В России возникновение рекламной деятельности относится к X-XI веку, когда еще купцы продавали товары на ярмарках и использовали разнообразные приемы для рекламирования продукции. В то время возник институт устной рекламы, которую осуществляли нанятые купцами «юродивые».

Устная реклама была особенной в России не только в самом начале развития рекламной деятельности, но и в XIX веке.

Довольно часто в устной рекламе использовался не просто призыв к покупке товара, а продуманная рекламная текстовка, которая не редко бывала и в стихотворной форме, что до сих пор некоторые культурологи относят данный вид творчества к художественному фольклору[4].

В русских словарях термину «реклама» даются достаточно четкие определения:

1. Реклама – оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей, а также объявление с таким оповещением[5].

2. Реклама – статья в защиту свою, в опровержене чего; рекламация, прямое требованье, настоянье на праве своем[6].

3. Реклама – 1) мероприятия, имеющие целью создать широкую известность чему-нибудь, привлечь потребителей к чему-нибудь; 2) распространение сведений о ком, чем-нибудь с целью создания известности, популярности; 3) объявление, плакат, содержащие сведения о чем-нибудь для потребителя[7].

В настоящий момент реклама определяется множеством различных оригинальных подходов авторов, однако есть нормативное определение термина реклама, которое закреплено в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О рекламе», реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Социологом О. О. Савельевой было дано определение термина «реклама» – «сообщение, выраженное в любой форме, которое имеет своей целью реализацию рекламируемого товара (услуги)», так как рекламное сообщение не является персонифицированным, несет в себе характер убеждения и передается от определенного рекламодателя.

Согласно мнению А. Н. Толкачевой, являющейся специалистом в области правового регулирования рекламной деятельности, определение рекламы в Законе о рекламе является открытым, что свидетельствует о возможности выражения рекламной информации на любых носителях и любой форме[8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в российском законодательстве, в определении термина «реклама» трижды использовано слово – «любой» и неоднократно слово – «информация» без уточнения, какая именно, а также термин «неопределенный круг лиц», в совокупности толкование формулировки законодателя позволяет осуществлять рекламный произвол как со стороны рекламодателей, так и со стороны государства в лице органов, контролирующих деятельность рекламной сферы, ввиду явной неопределенности понятия как самим законодателем, так и субъектами рекламной деятельности.

При этом необходимо отметить, что сфера рекламной деятельности является одной из наиболее

[2] Экономика и управление: проблемы, решения: науч.-практ. пособие / Науменко Т. В., Коваженков М. А. – М.: 2017. Т. 3. № 5. С. 24-28.

[3] Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_uwg/englisch_uwg.html (дата обращения 07.10.2021). – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей. – Текст : электронный.

[4] Реклама: Учебник для студентов / под ред. Е. В. Ромата. – М.: Питер, 2002.

[5] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.

[6] Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В. И. Даль ; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.

[7] Словарь грамматических трудностей русского языка: более 2 500 слов / Т. Ф. Ефремова, В. Г. Костомаров. – М.: Астрель [и др.], 2009. – 379 с.

[8] Оришев А. Б. Социологические теории управления: ретроспективный анализ // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. № 1. С. 5.

сложных и быстроразвивающихся направлений экономики. Федеральный закон «О рекламе» № 38-ФЗ был принят еще 20 марта 2006 года, однако рекламные технологии до настоящего момента значительно шагнули вперед, а также и терминология, используемая в данной сфере, изменилась, например, можно обратить внимание на возникновение такого явления, как «социальная реклама».

Ученные в области отечественной рекламной деятельности считают, что понятие «социальная реклама» впервые было введено И. Ю. Буренковым, согласно которому социальная реклама – это позитивное изменение отношений между государством, коммерческими организациями и населением[9].

Важно отметить, что сам термин «социальная реклама» начал использоваться в России практически с самого начала XX века, в 1917 году, практически сразу после революции социальная реклама стала как таковым «инструментом коммунистической пропаганды»[10], так как возникновение необходимости в поддержке населения и пополнении вооруженных сил страны и натолкнуло на создание организаций, создающих социальную рекламу, способную повлиять на отношение населения к происходящему в стране, в интересах государства.

В советское время в России основными социально-политическими темами, порождающими необходимость социальной рекламы, являлись: популяризация советской власти, равноправие женщин и мужчин, оказание помощи голодающим и т.д.

В период СССР, практически любая реклама товара несла в себе социально-политический смысл, например, В. В. Маяковским была написала речевка, использованная при рекламе галош: «Резинотрест – защитник в дождь и слякоть. Без галош в Европе – сидеть и плакать».

Одной из самых знаменитых социальных реклам данного периода, является социальная реклама военного времени, плакат с изображением женщины и текстовкой «Родина-мать зовет!» художника И. Тоидзе.

Таким образом, именно в XX веке институт социальной рекламы начал свое стремительное развитие в России, социальная реклама того периода играла важную роль и отражала состояние политической сферы государства. Социальная реклама была направлена на формирование у населения положительного и доверительного отношения к государству.

На современном этапе, согласно п. 11 ст. 3 Федерального закона «О рекламе» социальная реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что социальная реклама до настоящего момента занимает особое место в рекламной сфере, законодательством установлены требования к социальной рекламе и к субъектному составу лиц, создающих социальную рекламу. Целью социальной рекламы является привлечение внимания общественности к важным и социально значимым аспектам жизни.

В Германии пиком развития социальной рекламы является период Второй мировой войны, именно тогда, как и в России, основным рекламный объектом являлся плакат, содержащий определенную формулировку, являющуюся средством пропаганды. Плакаты, направленные на пропаганду, призывали вступить в немецкую армию и гарантировали лучшую жизнь, например, на одном из плакатов было указано: «Сталинские бандиты – враги каждого мирного и честного человека!».

После Второй мировой войны социальная реклама в Германии утратила цель государственной пропаганды, социальную рекламу стали использовать с целью формирования здорового общества, рекламные объекты стали содержать призывы к соблюдению демократизма и справедливости.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что возникновение и развитие социальной рекламы в Германии и России во многом схожи, так как изначально социальная реклама была нацелена на политическое воздействие на население. При этом, в Германии социальная реклама с самого своего возникновения оказывала воздействие на человеческие ценности, была нацелена на формирование дисциплины внутри страны, следовательно, имела не просто политические цели, а социально-политические. В СССР социальная реклама являлась аппаратом воздействия государства на население в интересах некоммерческих организаций, так как большинство социально значимых рекламных объектов организовывались некоммерческими институтами, а не самим государством[11].

Необходимо также обратить внимание, что на современном этапе развития социальной рекламы в Германии хоть и отсутствует четкое определение социальной рекламы, но при этом работа с социальными рекламами является одним из важнейших инструментов социальной политики, так как благодаря социальной рекламе можно выявлять и корректировать социальные проблемы общества.

В России в настоящий период времени основным заказчиком социальной рекламы является государство в лице различных министерств и ведомств, однако ввиду ограниченности бюджета на создание

[9] Буренков И. Ю. Все мы люди // Реклама. – 1996. – № 1. С. 22-43.

[10] Социальная реклама: Теория и практика : учебник / под ред. Николайшвили Г. – М.: Аспект Пресс, 2008.

[11] Социальная реклама: Учебное пособие: научн.-практ. пособие / О. Ю Голуб. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. С. 39-74.

социальной рекламы, качество и количество социальной рекламы в России зачастую невысокое[12].

В Германии аналогично, основным заказчиком социальной рекламы является государство, однако имеются различные специальные налоговые льготы для организаций, создающих объекты социальной рекламы.

Законодательное регулирование социальной рекламы в России и Германии имеет значительные отличия, например, в Германии создано Центральное объединение немецкой рекламы (ZAW), которое координирует работу организаций, занимающихся рекламной деятельностью, следовательно, Немецкая социальная реклама координируется организациями самостоятельно, а в России, согласно профессиональному толкованию Федерального закона «О рекламе», рекламная деятельность скорее не регулируется, а ограничивается.

Таким образом, при сравнении социальной рекламной деятельности в России и Германии, можно сделать вывод, что российская социальная реклама в значительной степени отстает от социальной рекламной деятельности в Германии по различным параметрам. В Германии социальная реклама имеет основной целью эффективное воздействие на уровень правосознания населения, а в России социальная реклама является в большей мере способом создания имиджа государства и продвижения услуг, следовательно, германская реклама является социальной, а российская реклама в большей степени политизирована.

Библиография

1. Буренков, И. Ю. Все мы люди // Реклама. – 1996. – №1. – С. 22-43.

2. Оришев, А. Б. Социологические теории управления: ретроспективный анализ // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. № 1. С. 5.

3. Реклама: Учебник для студентов / под ред. Е. В. Ромата. – М. : Питер, 2002.

4. Социальная реклама: Учебное пособие: научн.-практ. пособие / О. Ю Голуб. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. С. 39-74.

5. Социальная реклама. Теория и практика: научн.-практ. пособие / Кузнецов П. А. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 85-175.

6. Социальная реклама: Теория и практика : учебник / под ред. Николайшвили Г. – М.: Аспект Пресс, 2008.

7. Экономика и управление: проблемы, решения: науч.-практ. пособие / Науменко Т. В., Коваженков М. А. – М.: 2017. Т. 3. № 5. С. 24-28.

8. Telekommunikationsgesetz (TKG). – URL: http://www.gesetze-im internet.de/tkg_2004/TKG.pdf. (дата обращения 07.10.2021). – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей. – Текст : электронный.

9. ZAW, Nationale Werbepolitik – lücksspiel. – URL: http://www.zaw.de/index.php?menuid=83 (дата обращения 07.10.2021). – Режим доступа : для всех пользователей. – Текст : электронный.

[12] Социальная реклама. Теория и практика: научн.-практ. пособие / Кузнецов П. А. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 85-175.

Проблемы отграничения террористического акта от иных составов преступлений

Problems of distinguishing a terrorist act from other types of crimes

Мотошков Никита Евгеньевич,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Motoshkov Nikita Evgen'evich,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В настоящей статье автором осуществлено исследование, касающееся разграничения террористического акта со смежными составами преступлений, в частности, с захватом заложника, организацией незаконного вооруженного формирования или участия в нем, бандитизмом, диверсией, приведены позиции Верховного суда РФ по данного спектру вопросов, а также указан конкретный пример коллизии в уголовном законодательстве РФ сквозь призму ст. 205 УК РФ.

Ключевые слова: террористический акт; уголовная ответственность; состав преступления; конкуренция норм; отграничение; смежный состав преступления.

Abstract. In this article, the author has carried out a study that determines the differentiation of a terrorist act with related crimes, in particular, with the taking of a hostage, the organization of an illegal armed group or participation in it, banditry, sabotage, the positions of the Supreme Court of the Russian Federation on this range of issues are given, and a specific example of a conflict in the criminal legislation of the Russian Federation through the prism of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation is indicated.

Key words: terror attack; criminal responsibility; the element of the crime; competition rules, delimitation, related crime.

При квалификации преступления необходимо правильно установить тождество признаков состава преступления и совершенного деяния.

На практике правоприменителю необходимо произвести тщательный анализ правовой нормы, исключить несвойственные признаки, а также подвергнуть исследованию все обстоятельства совершенного преступления, его индивидуальные характеристики. Особенная часть Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) содержит исчерпывающий перечень преступлений, за совершение которых законодатель предусмотрел привлечение к уголовной ответственности. Эти нормы отличаются друг от друга признаками состава, и порой это отличие столь тонкое, что правоприменитель допускает ошибки в квалификации преступлений. Необходимо уяснить смысл уголовного закона, чтобы отграничить соответствующее деяние от иных, смежных преступлений. Как справедливо отмечается, «разграничение преступлений есть обратная сторона квалификации»[1].

Квалифицируя деяние, правоприменитель неизбежно сталкивается с необходимостью анализа составов преступлений, схожих с ним по объективным и субъективным признакам, чтобы впоследствии не допустить ошибки в выборе нужной нормы УК РФ[2]. В. Н. Кудрявцев считает, что «смежные составы преступления отличаются друг от друга по одному признаку, все остальные признаки являются общими»[3]. А. С. Горелик полагает, что «смежные составы преступлений обладают некоторыми общими признаками, но в одном из этих составов есть признак, отсутствующий в другом, а в другом есть признак, отсутствующий

[1] Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 133-140.

[2] Сопов Д. В. Террористический акт и иные преступления террористического характера: проблемы разграничения // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 58.

[3] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступления. – М.: Юрист, 2001. С. 127-128.

в первом»[4]. Но наиболее полное понимание смежных составов дает Т. Г. Черненко, которая утверждает, что «смежные составы преступлений включают в себя несколько общих признаков, но по каким-то признакам отличаются»[5].

Одним из распространенных в юридической литературе составов преступления, от которого стоит отграничивать теракт, является диверсия. Согласно УК РФ, под диверсией понимают «совершение взрыва, поджога и иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны». По формулировке ст. 281 УК РФ (диверсия) мало чем отличается от террористического акта. Принято выделять пять основных оснований отграничения составов.

Первое основание отграничения составов происходит по определению объекта преступления. Под основным непосредственным объектом диверсии следует понимать общественные отношения в сфере обеспечения экономической безопасности и обороноспособности РФ, тогда как основным непосредственным объектом теракта понимают общественные отношения, содержание которых составляет общая безопасность. Также ряд исследователей выделяет в качестве основания для отграничения дополнительный непосредственный объект. Так, В. Л. Кудрявцев указывает, что «если дополнительными непосредственными объектами по ст. 205 УК РФ являются общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности жизни и здоровья человека, отношения собственности и отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти, государственных и общественных учреждений, международных организаций, то дополнительные непосредственные объекты по ст. 281 УК РФ – это общественные отношения в сфере обеспечения здоровья и жизни, собственности»[6].

Второй признак отграничения можно рассматривать по предмету посягательства – в ст. 205 УК РФ законодатель четко не определил, что конкретно является предметом посягательства, т.е. им могут выступать любые предметы. В ст. 281 УК РФ – это предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объекты жизнеобеспечения населения. Перечень предметов, закрепленных в ст. 281 УК РФ, является исчерпывающим.

Также имеется отличие преступлений по возрасту привлечения к уголовной ответственности – ответственность по ст. 205 УК РФ наступает по достижению лицом четырнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ), а по ст. 281 УК РФ – по достижению лицом шестнадцатилетнего возраста[7].

По объективной стороне преступления отличие заключается в том, что законодатель устанавливает в ч. 1 ст. 205 УК РФ две альтернативные формы совершения террористического акта: совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а также угроза совершения указанных действий, а в ч. 1 ст. 281 УК РФ – совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения. В диспозиции ст. 205 УК РФ предусмотрено не только действие, но и угроза таких действий, тогда как ст. 281 УК РФ предполагает лишь действия.

Основное отличие при разграничении этих составов существует по субъективной стороне преступления. Часть 1 ст. 205 УК РФ закрепляет как цель «дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений», а диспозиция ст. 281 УК РФ в качестве специальной цели выделяет «подрыв экономической безопасности и обороноспособности РФ». То есть целью диверсии является уничтожение или повреждение материальных объектов, чтобы непосредственно таким образом подорвать обороноспособность и экономическую безопасность государства. Совершение террористического акта преследует цель воздействовать на принятие решения органами власти или международными организациями, или дестабилизировать их деятельность. Так, А. И. Моисеенко выделяет одним из оснований отграничения – момент окончания преступления. «Диверсия считается оконченной в момент причинения самого вреда, главной составляющей которого является материальный ущерб, теракт же окончен в момент создания опасности общественно опасных последствий[8]. Также существенным различием между терактом и диверсией будет являться публичность.

[4] Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм: Учебное пособие. – Красноярск: Изд-во Красноярского государственного ун-та, 1998. С. 8-9.

[5] Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. – Кемерово: Кемеровский государственный ун-т, 2012. С. 176-177.

[6] Кудрявцев В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1. С. 45-55.

[7] Саркисова В. Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: Дисс... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2014. С. 110.

[8] Моисеенко А. И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма: дисс... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006. С. 115.

«Диверсанты действуют тайно и не афишируют свою деятельность, тогда как террористы публично демонстрируют свои действия и требования, привлекая к себе внимание средств массовой информации и населения. Терроризм не бывает анонимным. Без громко заявленной цели террор теряет всяческий смысл. За проведенную диверсию никто и никогда не берет ответственность на себя. Наоборот, непременным условием диверсии является скрытность – провести операцию и не оставить следов или направить противника по ложному следу»[9].

В УК РФ и правоприменительной практике есть определенные сложности, связанные с квалификацией террористического акта (ст. 205) и бандитизма (ст. 209) и их разграничением. Эти два состава внешне схожи по объекту (отношения общественной безопасности), но различаются по объективной стороне, целям и субъекту, что необходимо учитывать в судебно– следственной практике.

В некоторых случаях суд признает действия организованных групп лиц, совершивших террористический акт, бандитизмом. Однако, действующее в настоящее время постановление Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС) «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» заставляет усомниться в обоснованности такой квалификации.

Как показано в настоящей статье, необходимый признак состава террористического акта – специальная цель – дестабилизация органов власти или муниципального образования (далее – МО) или воздействие на принятие решения органом власти или МО. Эти цели носят политический характер, и политический характер – существенный признак, отличающий террористическое преступление от корыстных и иных общеуголовных преступлений. Бандитизм, как подчеркивает Пленум ВС, представляет «реальную угрозу как для личной безопасности граждан и их имущества, так и для нормального функционирования государственных, коммерческих или иных организаций». В этом списке, что важно, отсутствуют органы власти.

Терроризм же, как указывает Пленум ВС РФ, угрожает «международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь».

Статья 209 УК РФ определяет цель банды как «совершение нападений на граждан и организации», и этим, подчеркивает ВС, банда отличается от «иных организованных групп». Нападение – это «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения». Среди целей нападения Пленум указывает «непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации», «убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т.д.»; нападение может вообще не преследовать определенной цели. Позиция Пленума ВС РФ ясно свидетельствует об общеуголовной, преимущественно корыстной направленности посягательств, совершаемых бандой, ее аполитичности; при бандитизме органы власти и МО не являются объектом посягательства.

Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ была установлена ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Законодатель, внеся данное изменение, опирался только на точку зрения авторов, считающих, что общественная безопасность как объект преступления охватывает причинение любого вреда, в том числе смерть гражданина и вред, причиненный здоровью. Данное изменение вызывает трудности на практике в отграничении террористического акта от убийства. Это связано с тем, что законодателем не были учтены положения ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которыми высшей ценностью являются человек, его права и свободы. А высшей ценностью любого человека является его право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ). Представляется, что любое посягательство на жизнь должно находить самостоятельную правовую оценку[10]. В частности, возникает вопрос, как квалифицировать террористический акт, во время которого умышленно причинили смерть не одному человеку, а нескольким? На наш взгляд, в данном случае было бы логичным давать убийству двух или более лиц самостоятельную правовую оценку, поскольку в ст. 205 УК РФ нет такого особо квалифицирующего признака. Так, в постановлении Пленума ВС от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что, если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ[11].

---

[9] Дуюнов В. К. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. С. 156.

[10] Антонова Е. Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации // Российский следователь. 2016. № 13. С. 21-25.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

В соответствии с п. 13 постановления Пленума ВС от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» предлагается действия участников незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, совершивших террористический акт, квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ и соответственно ст.ст. 208, 209 или 210 УК РФ. Вместе с тем, в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное содержится в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует[12]. Не совсем понятно логическое завершение предложенных рекомендаций. В одних случаях предлагается квалифицировать деяния по совокупности преступлений, в других не усматривается указанной выше совокупности. Пленум в этом случае предлагает квалифицировать деяние только по ст. 205 УК РФ, хотя в законе говорится только об умышленном причинении смерти одному лицу. К тому же непонятна позиция проявления гуманизма в отношении террориста, убившего одного, двух и более лиц.

Масштабность совершения преступлений террористической направленности побуждают законодателя реформировать законодательство по вопросам уголовной ответственности за такие деяния. А это приводит иногда к новым проблемам квалификации и возникновению трудностей в правоприменительной практике. В первую очередь, это обусловлено схожестью признаков преступлений террористической направленности и недостаточной правоприменительной практикой по новым для УК РФ составам преступлений.

Интересным является вопрос разграничения захвата заложников (ст. 206 УК РФ) и террористического акта. Данное разграничение следует проводить по дополнительному непосредственному объекту, потерпевшему, объективной стороне, целям. Дополнительным непосредственным объектом захвата заложника является общественные отношения, обеспечивающие свободу личности. Обязательным признаком захвата заложника является потерпевший – лицо, захваченное или удерживаемое в качестве заложника. Захват заложника от террористического акта отличается по признакам объективной стороны – захватом или удержанием человека. Для захвата заложника характерно отсутствие опасности для неопределенно широкого круга лиц и наличие насильственного ограничения свободы или воспрепятствования оставить определенное место. В отличие от террористического акта, совершение, которого нацелено на индивидуально неопределенный круг лиц, преследующий цель устрашения населения и дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Целью захвата заложников выступает совершение представителями государства, организациями либо гражданами определенных действий как условия для освобождения заложника, поэтому обязательным элементом объективной стороны является выдвижение похитителями определенных требований политического, националистического, религиозного, криминального и иного характера[13]. Представляется неверным мнением В. А. Осипова о том, что террористический акт (ст. 205 УК РФ) это общая норма по отношению к захвату заложника (ст. 206 УК РФ), которая является специальной[14]. Это просто различные преступления. Объединяет их лишь то, что их объектом является общественная безопасность. Особый интерес представляет вопрос квалификации деяний по ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма» и разграничение данного состава со ст. 205 УК РФ «Террористический акт».

Международный терроризм – это преступление международного характера, которое регулируется нормами международного права, однако включение ст. 361 в УК РФ свидетельствует о том, что международный терроризм теперь является частью национального законодательства. Анализ диспозиций ст.ст. 205 и 361 УК РФ показывает, что состав преступления ст. 361 УК РФ дополняет состав ст. 205 УК РФ лишь целью – «нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации», в остальном состав преступления ст. 205 УК РФ уже содержит в себе диспозицию ст. 361 УК РФ[15]. Кроме этого, представляется не совсем корректной формулировка «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье…», так как положения ст. 12 УК РФ, определяющей действие уголовного закона по кругу лиц, то есть случаи его распространения в отношения граждан, апатридов и иностранных граждан, совершивших преступление вне пределов территории РФ. Положения диспозиции ст. 205 УК РФ – «совершение взрыва поджога

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. № 35. 17.02.2012.

[13] Кудрявцев В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1 (10). С. 45-55.

[14] Осипов В. А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспект. Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1999. С. 140-141.

[15] Вечканова А. П. Проблемные вопросы криминализации акта международного терроризма // Юридические науки. 2017. № 5. С. 150.

или иных действий», уже подразумевают возможность совершения данных действий за пределами территории Российской Федерации. В целом указанные проблемы свидетельствуют о коллизии норм, возникающих из-за несовершенства действующего законодательства. Представляется целесообразным дополнить ст. 205 УК РФ квалифицирующим признаком – «те же деяния, совершенные в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов, либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий», а не выделять отдельный состав преступления «Акт международного терроризма» в структуре гл. 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества».

Библиография

1. Антонова, Е. Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации // Российский следователь. 2016. № 13. С. 21-25.

2. Вечканова, А. П. Проблемные вопросы криминализации акта международного терроризма // Юридические науки. 2017. № 5. С. 150.

3. Горелик, А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм: Учебное пособие. – Красноярск: Изд-во Красноярского государственного ун-та, 1998. С. 8-9.

4. Дуюнов, В. К. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. С. 156.

5. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступления. – М.: Юрист, 2001. С. 127-128.

6. Кудрявцев, В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1. С. 45-55.

7. Моисеенко, А. И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма: дисс... канд. юрид. наук / А. И. Моисеенко. – Ставрополь, 2006. С. 115. – URL: http: //earch.rsl.ru/ru/record/01003274978 / (дата обращения: 11.09.2021).

8. Осипов, В. А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспект. Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1999. С. 140-141. – URL:https://search.rsl.ru/ru/record/0100027971/ (дата обращения: 11.09.2021).

9. Саркисова, В. Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: Дисс... канд. юрид. наук / В. Г. Саркисова. – Ставрополь, 2014. С. 110. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007851350/ (дата обращения: 11.09.2021).

10. Серебренникова, А. В., Лебедев, М. В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 133-140.

11. Сопов, Д. В. Террористический акт и иные преступления террористического характера: проблемы разграничения // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 58.

12. Черненко, Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. – Кемерово: Кемеровский государственный ун-т, 2012. С. 176-177.

Онлайн-торговля лекарственными препаратами

Online trade in medicinal products

Мусихина Надежда Евгеньевна,

обучающийся 1 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Musikhina Nadezhda Evgenievna,

1 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В 2020 году появилась необходимость дистанционной торговли лекарственными препаратами, поскольку из-за пандемии и самоизоляции люди не могли выйти в аптеку за лекарственными препаратами. Так появилась возможность продавать лекарства дистанционно. Однако, ограничения, запреты создают некоторую сложность и проблемы на фармацевтическом рынке.

Ключевые слова: дистанционная продажа лекарственных препаратов, фармацевтический рынок, фармацевтическая лицензия, обращение лекарственных средств.

Abstract. In 2020, there was a need for distance selling of medicines, since people could not go to the pharmacy to buy medicines. Thus, it became possible to sell drugs remotely. However, restrictions, prohibitions, some complexity and problems in the pharmaceutical market.

Key words: remote sale of medicines, pharmaceutical market, pharmaceutical license, circulation of medicines.

Ни для кого не секрет, что цифрофизация в последние годы набирает обороты. Росту внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и бизнеса поспособствовала пандемия COVID-19. В докладе Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), приводятся данные о том, что в 2020 году виртуальные продажи составили пятую часть всех розничных продаж. За 2020 год показатель вырос с 16 % до 19 %[1].

Например, в России в 2019 году онлайн-покупки совершали около 34 миллионов человек. Доля тех, кто подключился к сети с тем, чтобы приобрести тот или иной товар, составила 35 процентов от общего числа интернет-пользователей. Объемы электронной торговли достигли 31 миллиарда долларов, что составляет почти 2 процента ВВП страны.

Однако не все сферы бизнеса получили свою выгоду. Так, например, компании, предлагающие онлайн-услуги, связанные с путешествиями и поездками, понесли во время пандемии огромные убытки. Катализатором данных изменений стал карантин, самоизоляция, комендантский час, введение ограничений на перемещение. На их место пришел фармацевтический рынок, который в условиях пандемии безусловно занимает первое место по продажам. Так на фармацевтическом рынке появилась онлайн-торговля, которой ранее не существовало.

Нормативно-правовое регулирование.

Порядок выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами дистанционным способом, требования к аптечным организациям, которые могут осуществлять названную торговлю, и порядок ее осуществления, а также правила доставки лекарственных препаратов гражданам осуществляет Правительство РФ[2].

Данные полномочия Правительства РФ также предусмотрены п. 1 Указа Президента РФ от 17.03.2020 № 187 «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения»[3].

[1] Новости ОНН. Глобальный взгляд Человеческой судьбы. – URL: https://news.un.org/ru/story/2021/05/1402162/ (дата обращения: 23.07.2021).

[2] Федеральный закон от 12 февраля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2010. № 16. Ст. 1815.

[3] Указ Президента РФ от 17 марта 2020 г. № 187 «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. Ст. 1742.

Правила дистанционной торговли утверждены Постановлением от 16.05.2020 № 697.

Кто может торговать лекарственными средствами дистанционно?

Согласно п.п. «а» п. 5 Правил дистанционной торговли[4] торговать лекарствами дистанционным способом могут только аптечные организации. Аптечная организация должна иметь:

– фармацевтическую лицензию (с указанием розничной торговли лекарствами), владение которой составляет не менее года;

– не менее 10 мест ведения фармацевтической деятельности на территории РФ;

– сайт или мобильное приложение;

– собственную курьерскую службу или договор со службой доставки;

– электронную систему платежу или мобильный платежный терминал.

Для получения разрешения на осуществление дистанционной розничной торговли лекарственными препаратами аптечная организация должна направить в электронном виде в Росздравнадзор заявление и документы, подтверждающие ее соответствие установленным требованиям[5].

По данным Реестра выданных разрешений на дистанционную торговлю лекарственными препаратами разрешение с мая 2020 года по август 2021 года получили 374 аптечных организаций. В Кировской области разрешение получили 11 аптек, из них 10 крупные государственные аптечные сети[6].

В судебной практике имеется единственное дело, где ООО «Торговый дом «Энерго» оспаривало требование о наличии 10 мест ведения фармацевтической деятельности на территории РФ, поскольку общество посчитало, что это ограничивает конкуренцию. ООО «Торговый дом «Энерго» имеет только 2 места осуществления фармацевтической деятельности на территории г. Санкт-Петербурга, что не соответствует вышеуказанному критерию, следовательно, общество не может продавать лекарственные препараты дистанционно.

По данным Росздравнадзора, лицензионные требования чаще нарушают мелкие (менее 10 точек) сети. Однако, из судебной практики видно, что мелкие аптечные сети, которые добросовестно ведут бизнес не могут использовать Интернет как площадку для оказания своих услуг.

Вместе с тем Минздрав подготовил проект о внесении изменений в Правила дистанционной торговли, согласно которому предлагается исключить требование о наличии не менее 10 мест осуществления фармацевтической деятельности на территории РФ для получения разрешения на розничную торговлю лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, а также установить возможность использования сайтов-агрегаторов при осуществлении дистанционной торговли в части предоставления покупателю информации о предложениях аптечной организации на сайте в Интернете или мобильном приложении, принадлежащих владельцу агрегатора, включая заключение договора купли-продажи, осуществление расчетов и доставку заказов покупателям.

Согласно, последним изменениям с 1 сентября 2021 года данные изменения вступят в силу. Теперь чтобы оформить разрешение на дистанционную торговлю, организациям больше не потребуется иметь сеть из 10 и более аптек в РФ, как сейчас. Аптеки смогут заключать договоры с владельцами агрегаторов и продавать продукцию через их сайт или мобильное приложение.

Какие лекарственные препараты можно продавать дистанционно?

Согласно, ч. 1.1 ст. 55 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» нельзя дистанционно продавать: лекарственные препараты, отпускаемые по рецепту; наркотические лекарственные препараты; психотропные лекарственные препараты; препараты, содержащие больше 25% этилового спирта.

Большинство препаратов, например, антибиотики нельзя приобрести дистанционно, т.к. они отпускаются строго по рецепту. Так, например, нельзя без рецептурного бланка врача приобрести амоксиклав от инфекции верхних отделов дыхательных путей и ЛОР-органов (в т.ч. острый и хронический синусит, острый и хронический средний отит, заглоточный абсцесс, тонзиллит, фарингит) и другие антибиотки от различных инфекций.

Дистанционная торговля предполагает обеспечение гражданам, не имеющих физической возможности приобретать лекарственные препараты непосредственно в аптеках, приобрести их дистанционным способом с доставкой на дом.

Допустим, что покупатель заболел ангиной, лежит дома с температурой 39, вызвал врача на дом, тот прописал ему антибиотики на своем рецептур-

[4] Постановление Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 697 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» // Собрание законодательства РФ. 25.05.2020. № 21. Ст. 3278.

[5] Росздравнадзор разъясняет правила и условия дистанционной торговли лекарственных препаратов. – URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/news/22053 (дата обращения: 23.08.2021).

[6] Росздравнадзор разъясняет правила и условия дистанционной торговли лекарственных препаратов. – URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/services/ods (дата обращение: 23.08.2021).

ном бланке. Однако, оформить онлайн-заказ не выходя из дома не представляется возможным в силу ограничений закона, поскольку закон запрещает продавать лекарственные препараты, отпускаемые по рецепту. В данном случае также необходимы изменения.

Например, создание единой электронной базы рецептурных бланков, также как и электронных больничных листов, что дало возможность покупать лекарства дистанционно. Данное новшество сократило бы административные правонарушения реализации без рецепта лекарств, условиями отпуска которых по инструкции предусмотрен отпуск по рецепту.

Таким образом, фармацевтический рынок в настоящее время испытывает новшества, такие как дистанционная торговля лекарственными препаратами. Аптечные организации могут получить разрешение Росздравнадзора на онлайн-продажу лекарств, что раньше казалось невозможным. Однако, данная система дистанционной торговли находится только в своем развитии и нуждается в изменениях.

Проблемы определения правовых последствий одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта

Problems of determining the legal consequences of a unilateral refusal to perform a state (municipal) contract

Рожкова Мария Александровна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Rozhkova Maria Aleksandrovna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В статье анализируется правовая природа института включения в реестр недобросовестных поставщиков, оцениваются недостатки и пробелы в регулировании данного института, предприняты попытки для реформирования института в контрактной системе России.

Ключевые слова: закон о контрактной системе, односторонний отказ, реестр недобросовестных поставщиков, контракт.

Abstract. The article analyzes the legal nature of the institution of inclusion in the register of unscrupulous suppliers, assesses the shortcomings and gaps in the regulation of this institution, attempts have been made to reform the institute in the contract system of Russia.

Key words: law on the contract system, unilateral refusal, register of unscrupulous suppliers, contract.

Статьей 95 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] (далее – Закон о контрактной системе) предусмотрено право изменения и расторжения контракта. Заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта в связи с существенным нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта. Закон о контрактной системе предусматривает специальное правовое последствие одностороннего отказа от исполнения контракта – включение лица в Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (далее – Реестр, РНП, Реестр недобросовестных поставщиков).

Реестр недобросовестных поставщиков создан с 1 января 2006 г. Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»[2]. В действующем законодательстве правовые последствия одностороннего отказа от исполнения контракта закреплены в ст. 104 Закона о контрактной системе. Таким образом, институт РНП существует свыше 15 лет, прошел долгий путь развития в контрактной системе России, однако, требует дальнейшего развития, поскольку до сих пор возникают проблемы, происходящие из определения правовой природы института включения в Реестр недобросовестных поставщиков, связанные с практикой временного исключения из Реестра, злоупотреблениями со стороны заказчиков при включении сведений в РНП.

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[2] Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105 (Окончание действия документа – 31.12.2013).

Согласно ч. 1 ст. 104 Закона о контрактной системе, в соответствии с п. 2 Постановления Правительства РФ от 26.08.2013 № 728[1], ведение реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) осуществляется Федеральной антимонопольной службой (далее – контрольный орган). Порядок ведения Реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) определен Постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078[1].

Реестр недобросовестных поставщиков служит инструментом, обеспечивающим реализацию целей регулирования отношений, определенных в ст. 1 Закона о контрактной системе по обеспечению исполнения лицом принятых на себя обязательств, защиты добросовестной конкуренции и предотвращения злоупотреблений в сфере закупок со стороны недобросовестных действий поставщиков (исполнителей, подрядчиков), стабильности гражданского оборота, следовательно, в целях защиты публичных интересов.

При этом недобросовестными действиями (бездействием) нарушаются права заказчика относительно условий и сроков исполнения контракта, исключается эффективность использования бюджетных средств, умаляется обеспечение публичных интересов в рамках соответствующих правоотношений. Участник закупки, самостоятельно принявший решение об участии в закупке и претендующий на заключение государственного (муниципального) контракта и его надлежащее исполнение, обязан учесть специфику заключения и исполнения контракта и соблюсти все предусмотренные для этого условия. В ином случае для него возникает риск наступления соответствующих неблагоприятных последствий, в том числе риск принятия уполномоченным органом решения о включении его в РНП.

По определению, предложенному С. С. Алексеевым, правовая природа представляет собой юридическую характеристику явления, выражающую его специфику в соответствии с его социальным назначением[3].

В юридической литературе правовая природа включения в Реестр вызывает дискуссии, и характеризуется как «санкция»[4], «квазиадминистративное наказание»[5], «мера гражданско-правовой ответственности»[6].

Вместе с тем, отнести Реестр недобросовестных поставщиков к гражданско-правовой ответственности нельзя, поскольку ее признаки, которые выработаны в юридической доктрине[7], не характерны для РНП. Включение в Реестр не имеет имущественного характера; существует неравноправие сторон; при включении в Реестр права заказчика не будут восстановлены. Кроме того, ГК РФ8 (гл. 25, 59) не упоминает о такой ответственности, как включение в Реестр недобросовестных поставщиков, несмотря на распространение норм гражданского законодательства на отношения в сфере контрактной системы[9].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что включение в Реестр является не квазиадминистративным наказанием, а мерой ответственности, поскольку в конкретной ситуации, при которой контракт с лицом расторгнут в одностороннем порядке и сведения о нем включены в РНП, будет являться наказанием за неисполнение или ненадлежащее исполнение данного контракта. Вместе с тем, данный участник в течение двух лет не сможет участвовать в закупках для государственных или муниципальных нужд, что характеризует данный институт как меру ответственности.

Из сказанного становится очевидным, что квазиадминистративная ответственность предполагает существование ряда мер, которые по своей сути являются мерами ответственности, применяемыми в административном порядке, но находятся за пределами регулирования законодательства об административных правонарушениях, хотя имеют существенное сходство с административными наказаниями[10].

---

[1] Постановление Правительства РФ от 26.08.2013 № 728 «Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.09.2013. № 35. Ст. 4514.

[2] Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)») // Собрание законодательства РФ. 12.07.2021. № 28 (часть I). Ст. 5508.

[3] Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 тт. : Специальные вопросы правоведения. – М., 2010. Т. 2 : Статут. С. 418.

[4] Калачев Я. В. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков // Власть Закона. 2016. № 2. С. 236.

[5] Чваненко Д. А. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков // Юрист. 2014. № 24. С. 26.

[6] Демкина А. В. Заключение договора на торгах с точки зрения теории преддоговорного правоотношения // СПС КонсультантПлюс. 2017.

[7] Максимов И. В. Административные наказания. – М., 2009 : Норма. § 3 гл. IV. С. 463.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

[9] Степанова Е. Е. Особенности гражданско-правовой ответственности по государственным (муниципальным) контрактам // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 3. С. 31.

[10] Адушкин Ю. С. Квазиадминистративная ответственность (старые и новые проблемы реформирования законодательства об административных правонарушениях) // Административное право на рубеже веков: межвуз. сб. науч. тр. – Екатеринбург. 2003. С. 209-220.

Можно прийти к выводу, что природа рассматриваемой ответственности в большей степени носит публично-правовой характер. Необходимо отметить специфические черты включения в РНП, которые определяют его как публично-правовую ответственность. Во-первых, включение в Реестр недобросовестных поставщиков является формой государственного принуждения. Во-вторых, включение в РНП осуществляется Федеральной антимонопольной службой во внесудебном порядке. В-третьих, основанием для применения публично-правовой ответственности в виде включения в РНП является неисполнение или ненадлежащее исполнение условий контракта. В-четвертых, обязательным элементом является вина лица, с которым контракт расторгнут в одностороннем порядке. Верховный Суд РФ заключил, что нарушение участником закупки своих обязательств при отсутствии у него намерения... и предпринявшего меры... не может являться основанием для включения сведений о таком лице в РНП (п. 41 Обзора судебной практики от 28.06.2017[11]). В-пятых, Реестр недобросовестных поставщиков определяется исходя из публично-правовых интересов, а именно: защита государственных (муниципальных) заказчиков.

К сходному выводу о публично-правовой природе включения в РНП пришел и Президиум ВАС РФ в одном из своих постановлений, определив РНП публично-правовым механизмом воздействия[12].

Природу рассматриваемого института можно определить как меру квазиадминистративной ответственности, которая является санкцией за недобросовестное поведение участника и носит публично-правовой характер, но, вместе с тем, имеющая черты гражданско-правовой ответственности, выраженная в убытках необоснованно включенных в Реестр.

В юридической литературе встречается мнение, что наибольшее количество споров о включении в РНП вызывает уклонение участника от заключения государственного или муниципального контракта[13], однако с данным выводом сложно согласиться, поскольку причинами, по которым участник не будет включен в РНП по данному основанию, является, во-первых, выявление нарушений в действиях заказчика, связанные с заключением контракта; во-вторых, участником закупки осуществлены действия, свидетельствующие об отсутствии намерения уклониться от заключения контракта.

Следует отметить, что в Кировское УФАС России за период с 01.01.2020 по 31.12.2020 было подано 218 заявлений о включении в РНП. Из них 123 заявления об уклонении от заключения контракта, по которым только 28 включений в Реестр, что составляет 23% от числа поданных заявлений. При этом 81 заявление связано с односторонним отказом от исполнения контракта, из которых 49 включений в Реестр, что составляет 61% от числа таких заявлений.

Действительно, спорных моментов относительно включения в Реестр при одностороннем отказе от исполнения контракта возникает больше, чем при уклонении, поскольку в случае расторжения контракта стороны уже вступили в договорные отношения и несут друг перед другом взаимные права и обязанности, следовательно, действия контрагента по неисполнению или ненадлежащему исполнению условий контракта, влекут для заказчика, как участника гражданского оборота, более негативные последствия, если бы контракт не был подписан.

Надежность и добросовестность сторон договорных обязательств является одним из необходимых условий стабильности гражданского оборота. Реестр недобросовестных поставщиков является «фильтром», благодаря которому на закупки не выйдут субъекты, которые не имеют намерения исполнять контракт. При принятии контрольным органом решения о включении контрагента в Реестр недобросовестных поставщиков возникает ситуация, когда блокируется хозяйственная деятельность участника в закупках, причиняя экономические и репутационные убытки. В случае судебного разбирательства о признании незаконным решение контрольного органа, лицо включено в Реестр и ограничено в участии в закупках для государственных (муниципальных) нужд.

В данном случае необходимо отметить интересный случай, который произошел в судебной практике. При рассмотрении материалов РНП контрольным органом в сфере закупок было принято решение о включении общества с ограниченной ответственностью «РМЗ» в Реестр. Не согласившись с решением контрольного органа ООО «РМЗ» обратилось в Арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения контрольного органа. Также ООО «РМЗ» направило в Арбитражный суд заявление о принятии обеспечительных мер в виде исключения из Реестра недобросовестных поставщиков, рассмотрев заявление, суд его удовлетворил (дело № А28-11748/2020). Для исполнения определения суда о принятии обеспечительных мер, контрольным органом реестровая запись об ООО «РМЗ»

[11] Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

[12] Постановление Президиума ВАС РФ от 15 июля 2014 г. № 5467/14 по делу № А53-10062/2013 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 11.

[13] Никулина В. Включение контрагента в реестр недобросовестных поставщиков как вид административной ответственности // Административное право. 2017. № 3. С. 31-36.

временно исключена из реестра недобросовестных поставщиков, что подтверждается информацией, размещенной на официальном сайте закупок.

Аналогичные обеспечительные меры приняты по делам №№ А28-14586/2018, А70-7580/2021, А70-16551/2021. Суды пришли к выводу, что истребуемая заявителем обеспечительная мера связана с предметом заявленного требования, соразмерна ему и обеспечивает фактическую реализацию целей обеспечительных мер, обусловленных основаниями, предусмотренными ч. 2 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса РФ[14].

Таким образом, временное исключение из Реестра, с одной стороны, может привести к восстановлению прав поставщиков (подрядчиков, исполнителей), которые включены в Реестр необоснованно, например, по делу № А28-14586/2018 суд признал решение антимонопольного органа о включении в РНП незаконным. Решение суда вступило в законную силу.

С другой стороны, подобные действия могут привести к злоупотреблению со стороны включенных в реестр поставщиков (подрядчиков, исполнителей), которые воспользовавшись обеспечительными мерами, смогут участвовать в закупках. Например, по делу № А70-7580/2021 общество с ограниченной ответственностью «Интра» обжалует решение контрольного органа от 27.04.2021 о включении его в РНП, а также заявляет ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде приостановления действия оспариваемого решения. Суд 05.05.2021 принимает решение приостановить действие оспариваемого решения, до вступления в законную силу судебного акта. Сведения об ООО «Интра» временно исключены из РНП.

Вместе с тем, уже 16.08.2021 контрольный орган, по результатам рассмотрения нового обращения, принимает решении о включении ООО «Интра» в Реестр недобросовестных поставщиков. Данное общество повторно обжалует решение контрольного органа (дело № А70-16551/2021), просит принять обеспечительные меры, которые суд удовлетворяет (повторно по одному и тому же обществ). Сведения об ООО «Интра» временно исключены из Реестра.

Таким образом, обращаясь с подобным ходатайством, лица фактически имеют намерение устранить для себя негативные последствия оспариваемого решения контрольного органа с целью продолжения участия в государственных и муниципальных закупках.

Следует отметить, что отказ от наложения обеспечительных мер при оспаривании решения контрольного органа о включении в РНП не позволяет защитить субъектов хозяйственной деятельности от последствий действия оспариваемых решений, в том числе предотвратить возможное причинение существенного ущерба правам и законным интересам заявителя в результате их исполнения, что негативно сказывается как на положении участников закупочных процедур, так и в целом на конкуренции на этом рынке[15].

При этом принятие подобных обеспечительных мер может привести к нарушению баланса интересов заказчиков и иных участников таких закупок, а, следовательно, и публичных интересов, что является достаточным основанием для отказа в принятии испрашиваемой обеспечительной меры.

Необходимо найти баланс между частными и публичными интересами для того, чтобы, с одной стороны, права необоснованно включенных лиц можно было восстановить, и не допустить злоупотребления со стороны включенных лиц, а, с другой стороны, обеспечить защиту государственных и муниципальных заказчиков от недобросовестных участников рынка.

Вместе с тем в дополнение к вышесказанному следует подчеркнуть, что на практике зачастую возникает ситуация, при которой одновременно обжалуются односторонний отказ от исполнения контракта и решение о включении в РНП. При этом решение о включении в РНП не может быть рассмотрено до принятия решения о законности одностороннего отказа.

Таким образом, при принятии подобных обеспечительных мер и в соответствии с нормой ч. 9 ст. 104 Закона о контрактной системе (информация исключается из РНП по истечение двух лет с даты принятия решения контрольного органа о включении в него) сроки рассмотрения судебного спора фактически нивелируют цели включения в РНП.

Вместе с тем, необходимо отметить, что включение лица в Реестр недобросовестных поставщиков фактически не приведет к восстановлению нарушенных прав заказчика, поскольку его интересы уже нарушены неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по контракту. При этом возможны злоупотребления заказчика при включении лица в Реестр. В данном случае необходимо привести пример из судебной практики.

Обстоятельства дела № А40-297416/2018: Заказчик принял решение об одностороннем отказе от исполнения контракта на оказание услуг по организации лечебного питания пациентов, направил информацию в контрольный орган для включения ООО «Капитал» в Реестр, при этом на включении

[14] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

[15] Татонова И. Как добиться обеспечительных мер. Порядок оспаривания решений ФАС России о включении в Реестр недобросовестных поставщиков // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские Торги». 2018. № 6. С. 55.

в указанный реестр настаивал. Контрольный орган принял решение о невключении ООО «Капитал» в Реестр. Не согласившись с данным решением, Заказчик обратился в суд для признания решения контрольного органа незаконным. Суд первой инстанции отказал Заказчику в удовлетворении заявленных требований, данное судебное решение было поддержано в вышестоящих судебных инстанциях. При исполнении контракта заказчиком в ходе осуществления проверок неоднократно было установлено ненадлежащее исполнение обязательств (нарушена технология приготовления лечебных блюд и хранения продуктов, поставка продуктов ненадлежащего качества, несвоевременная уборка рабочих поверхностей), при этом оказанные услуги в период с марта по июнь принимались и оплачивались заказчиком. В связи с выявленными нарушениями Заказчиком дважды направлялись ООО «Капитал» претензии о необходимости оплаты обществом штрафных санкций, а также в последующем принято решение об одностороннем отказе от исполнения контракта. Ссылаясь на указанные обстоятельства в их совокупности и взаимной связи, заказчик настаивает на обязанности антимонопольного органа по включению сведений в отношении общества в реестр недобросовестных поставщиков.

Оценивая действия заказчика в указанной части, а именно:

– заказчик не воспользовался своим правом на односторонний отказ от исполнения контракта сразу после обнаружения ненадлежащего качества оказания услуг ООО «Капитал» (при первом направлении претензии), ввиду чего в контексте п. 5 ст. 450.1 ГК РФ лишен возможности ссылаться на ненадлежащее исполнение условий контракта в период с марта по июнь 2018 г.;

– в качестве доказательства ненадлежащего исполнения обязательств Заказчик ссылается на собственные акты от 07.08.2018 и от 13.08.2018, которыми зафиксированы соответствующие нарушения. При этом, учитывая специфику предмета договора – оказание услуг по приготовлению лечебного питания, в материалы дела не представлено доказательств, фиксирующих данные нарушения, что исключает возможность сделать вывод о допущении обществом таких нарушений. Необходимо отметить, что представленные акты от 07.08.2018 и от 13.08.2018, не могут с безусловностью подтвердить сам по себе факт допущенного обществом нарушения условий договора;

– при наличии вступившего в силу решения об одностороннем отказе от контракта (14.08.2018) Заказчик вплоть до 23.08.2018 продолжал пользоваться услугами ООО «Капитал», следовательно, фактически воля заказчика была выражена абсолютно явно, четко и недвусмысленно и заключалась именно в продолжении действия договора с обществом.

Таким образом, оценивая действия заказчика в указанной части и его требование в рамках настоящего дела об обязании антимонопольного органа включить сведения об ООО «Капитал» в РНП, суд указывает, что эти действия не отвечают принципу недопустимости злоупотребления правом, поскольку все совершенные заявителем действия были направлены исключительно на причинение вреда ООО «Капитал» (шиканозные действия), что не может являться основанием для применения антимонопольным органом мер публично-правовой ответственности к ООО «Капитал» и в принципе не подлежит судебной защите (п. 2 ст. 10 ГК РФ)[16].

Таким образом, Реестр недобросовестных поставщиков является мерой ответственности к недобросовестным поставщикам (подрядчикам, исполнителям), однако, на практике возможны ситуации, при которых злоупотребления со стороны заказчика могут привести к включению добросовестных участников рынка, следовательно, контрольному органу, при решении вопроса о включении в РНП необходимо, в том числе, оценивать действия заказчика на предмет злоупотребления правом.

Из сказанного становится очевидным, что Реестр недобросовестных поставщиков, как мера публично-правовой ответственности отвечает публичным интересам, поскольку при включении в РНП, лицо не сможет участвовать в закупках для государственных (муниципальных) нужд, следовательно, фактически будет исключен с рынка закупок. Вместе с тем, данный институт нуждается в дальнейшем развитии и доработке.

Во-первых, предлагается трансформировать ч. 9 ст. 104 Закона о контрактной системе, в части дифференциации сроков включения в Реестр. В случае, когда контрольный орган придет к выводу о необходимости включения в Реестр, у него будет возможность выбрать продолжительность срока для данного лица с учетом степени и характера вины, для того чтобы включение в Реестр недобросовестных поставщиков соответствовало принципу юридического равенства, было соразмерным конституционно защищаемым целям и ценностям.

Во-вторых, наиболее обоснованным может послужить внесение изменений в ст. 104 Закона о контрактной системе, которым будет предусмотрена приостановка рассмотрения материалов РНП, в случае оспаривания решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта. Внесение подобных изменений позволит контрольному органу рассматривать вопрос о включении в Реестр при наличии судебного решения о законности решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта, а в случае одновременного оспарива-

[16] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.07.2019 № 09АП-29025/2019 по делу № А40-297416/18 // Документ опубликован не был.

ния решения одностороннего отказа и решения о включении в РНП в судебной инстанции, течение двухгодичного срока должно быть не с момента принятия решения контрольным органом, а с момента вступления в законную силу решения суда об отказе в признании недействительным решения контрольного органа.

Библиография

1. Адушкин, Ю. С. Квазиадминистративная ответственность (старые и новые проблемы реформирования законодательства об административных правонарушениях) // Административное право на рубеже веков: межвуз. сб. науч. тр. – Екатеринбург. 2003. С. 209-220.

2. Алексеев, С. С. Собрание сочинений: в 10 тт. : Специальные вопросы правоведения. – М., 2010. Т. 2 : Статут. С. 471.

3. Демкина, А. В. Заключение договора на торгах с точки зрения теории преддоговорного правоотношения // СПС КонсультантПлюс. 2017.

4. Калачев, Я. В. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков // Власть Закона. 2016. № 2. С. 232-237.

5. Максимов, И. В. Административные наказания. – М., 2009 : Норма. § 3 гл. IV. С. 463.

6. Никулина, В. Включение контрагента в реестр недобросовестных поставщиков как вид административной ответственности // Административное право. 2017. № 3. С. 31-36.

7. Степанова, Е. Е. Особенности гражданско-правовой ответственности по государственным (муниципальным) контрактам // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 3. С. 27-31.

8. Татонова, И. Как добиться обеспечительных мер. Порядок оспаривания решений ФАС России о включении в Реестр недобросовестных поставщиков // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские Торги». 2018. № 6. С. 52-55.

9. Чваненко, Д. А. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков // Юрист. 2014. № 24. С. 22-26.

Исторический анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за экстремистские преступления

Historical analysis of the criminal legislation providing for responsibility for extremist crimes

Парышев Алексей Игоревич,

заведующий кафедрой уголовного права, доцент Кировского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук

Копытов Владислав Федорович,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Paryshev Alexey Igorevich,

Head of the Department of Criminal Law, Associate Professor of the Kirov branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Candidate legal sciences

Kopytov Vladislav Fedorovich,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В нашей стране с конца XX века стала складываться новая модель права, принципиально отличающаяся от ранее существовавшей, с новой нормативной базой противодействия преступности. Одним из основных ее орудий стал Уголовный кодекс РФ, в котором законодатель предпринял попытку решить вопрос об ответственности за многие ранее не известные деяния, получившие значительное распространение в современных условиях. К ним следует отнести и преступления экстремистской направленности. Эффективное противодействие названным деяниям невозможно без их комплексного уголовно-правового и криминологического изучения.

Ключевые слова: анализ, уголовное законодательство, ответственность за преступления, экстремистские преступления.

Abstract. Since the end of the twentieth century, a new model of law has begun to take shape in our country, which is fundamentally different from the previously existing one, with a new regulatory framework for combating crime. One of its main tools was the Criminal Code of the Russian Federation, in which the legislator attempted to resolve the issue of responsibility for many previously unknown acts that have become widespread in modern conditions. These include crimes of an extremist orientation. Effective counteraction to these acts is impossible without their comprehensive criminal-legal and criminological study.

Key words: analysis, criminal legislation, responsibility for crimes, extremist crimes.

Признаки экстремизма в уголовно-правовом и криминологическом контексте могут быть выражены следующим образом: как мотив, связанный с обстоятельствами, отягчающими наказание за любое преступление, независимо от родовой или специфической принадлежности последнего (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ); как квалифицирующие признаки отдельных составов преступлений (например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); как признаки объективной и субъективной стороны отдельных составов преступлений (например, ст.ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ)[1].

Изучение опубликованных источников древнерусского законодательства, кодифицировавших российские уголовные законы как акты, наиболее системно отражающие уголовно-правовую политику России в разные исторические периоды, позволило

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 22.11.2016) // Российская газета. № 113. 18.06.1996. № 114. 19.06.1996. № 115. 20.06.1996. № 118. 25.06.1996.

нам сделать вывод, что слово «экстремизм» или его производные и, соответственно, состав преступления с таким названием в них не встречается, хотя в них можно обнаружить зачатки правовых норм об ответственности за преступления, аналогичные тем, которые в Уголовном кодексе Российской Федерации отнесены к экстремистским[2].

Таким образом, в Русской правде выделялось убийство княжеских слуг, в том числе высшего, среднего звена и местных княжеских слуг. В зависимости от занимаемого места убийство представителей княжеской дружины дифференцировалось. Посягательство на жизнь этих лиц рассматривалось как посягательство на княжескую власть.

Судебный кодекс 1497 года устанавливал ответственность за «восстание», что означало призывы к восстанию против властей. В Соборном кодексе 1649 года уже сформулирован ряд уголовно-правовых запретов в отношении наиболее серьезных деяний, посягающих на общественный мир и безопасность. Они были помещены в основном в главах, посвященных преступлениям против религии, церкви и государства[3].

Перечень государственных и политических преступлений был расширен в Военном уставе Петра I (1715). К таким преступлениям относились любые действия, направленные против жизни, здоровья и чести государя. В состав государственной измены входили не только действия, выразившиеся в передаче какой-либо информации врагу, но и вооруженное восстание против государя. Целая глава статьи была посвящена различным проявлениям возмущения и бунта.

Военная статья предусматривала уголовную ответственность не только за сопротивление государственным должностным лицам, но и за срыв или порчу правительственных указов и распоряжений[4].

Кодекс уголовных и исправительных наказаний 1845 года (с поправками 1857, 1866 и 1885 годов) был первым российским Уголовным кодексом, поскольку предыдущие законодательные источники объединяли, как правило, нормы многих отраслей права. Этот обширный кодекс учитывал и классифицировал преступления, проступки и соответствующие наказания против государства, против православной веры, порядка управления, преступлений и проступков на государственной и общественной службе, против постановлений об обязанностях, имуществе и доходах казны, общественном благоустройстве и благочинии, классовой системе, частной собственности, здоровье, свободе и чести отдельных лиц.

Во время первой русской революции и в последующие годы реакции Кодекс об уголовных и исправительных наказаниях 1845 года (с поправками, внесенными в 1885 году) продолжал действовать, хотя работа над проектом нового Уголовного кодекса была начата еще в 1881 году[5].

Он вступил в силу с 1903 г. полностью только в Латвии, Литве, Эстонии и Польше. В остальной России полностью или частично действовали только тринадцать глав Кодекса: глава 1 «О преступных деяниях и наказаниях в целом», Глава 2 «О нарушении постановлений, защищающих веру», Глава 3 «О восстании против верховной власти и о преступных деяниях против священной личности императора и членов императорского дома», Глава 4 «О государственной измене», Глава 5 «О беспорядках», что прямо указывает на стремление усилить ответственность за государственные преступления, Глава 7 «О противодействии правосудию», Глава 12 «О нарушении правил, защищающих общественный порядок» и т.д.

Нормы этих глав несколько повторяли соответствующие главы Кодекса 1845 года (с поправками, внесенными в 1885 году), но были более совершенными в техническом и юридическом изложении и более информативными[6].

Буржуазное Временное правительство, пришедшее к власти 2 марта 1917 года, сохранило в силе прежнее уголовное законодательство. Поэтому до ноября 1917 года в части вступивших в силу глав продолжали действовать Кодекс наказаний 1845 года и Уголовный кодекс 1903 года. В этот период несколько усилилась ответственность за политические преступления, был издан указ о привлечении к уголовной ответственности участников крестьянских волнений и закон о наказуемости публичных призывов к совершению преступлений, согласно которому призыв военнослужащих к несоблюдению законов и приказов военных властей был признан государственной изменой.

После Октябрьской революции местные народные суды фактически не принимали дореволюционное уголовное законодательство. С 1917 по 1922

[2] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 12.10.2016) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138. 24 октября.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и другие преступления, совершенные из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2008. № 260. 11 ноября.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. № 24. 09.02.1999.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера» // Российская газета. № 142. 04.07.2011.

[6] Распоряжение Президента Российской Федерации от 07.06.2001 № 312-РП «О подписании Научно-исследовательским институтом Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

годы уголовное законодательство России не было кодифицировано. Источниками уголовного права были обращения правительства к населению, постановления Съезда Советов, декреты, распоряжения местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, инструкции Народного комиссариата юстиции, а также судебная практика. К апрелю 1918 года было принято 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов об отдельных преступлениях, к концу июля 1918 года их было 40 и 69 соответственно.

Первое упоминание преступлений против общественной безопасности в советском уголовном праве появилось в Декрете СНК от 4 марта 1918 года «О революционных трибуналах». Ответственность за организацию собрания, участие в нем и подстрекательство к нему не предусматривалась. Однако есть упоминание и о другом деянии – погромах. Конкретные признаки этого преступления не были определены, однако, как следует из значения самого слова «погром», речь шла о наиболее опасной форме деятельности «толпы» – применении насилия в отношении человека, уничтожении и повреждении имущества. Наряду с погромами хулиганство было названо одним из наиболее опасных преступлений как преступление против общественного порядка[7].

В Постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 года «О подсудности революционных трибуналов» впервые был сформулирован состав хулиганства. Хулиганство определялось как надругательство, совершенное исключительно с целью внесения дезорганизации в распоряжения советского правительства или оскорбления моральных чувств или политических убеждений других лиц. Однако тем же Указом преступления саботажа и дискредитации власти были исключены из числа контрреволюционных преступлений.

Первым кодифицированным уголовным законом, предусматривавшим ответственность за государственные преступления, был Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. В этом уголовном законе понятие государственных преступлений охватывалось двумя разновидностями: контрреволюционными преступлениями и преступлениями против порядка правления.

В соответствии со ст. 57, контрреволюционные преступления включали «любые действия, направленные на свержение, подрыв или ослабление власти Советов рабочих и крестьян и правительства рабочих и крестьян, существующего на основе Конституции РСФСР, а также действия, направленные на ту часть международной буржуазии, которая не признает равенства коммунистической системы собственности, заменяющей капитализм, и стремится свергнуть ее путем интервенции или блокады». Контрреволюционным также признавалось любое действие, которое, хотя это и не направлено непосредственно на достижение вышеупомянутых целей, тем не менее, для лица, совершившего это деяние, содержит покушение на основные политические или экономические достижения пролетарской революции[8].

Рассматриваемая система контрреволюционных преступлений включает деяния, выражающиеся в попытке захвата власти, в совершении террористических актов, направленных на убийство представителей советской власти или разрушение зданий, изготовление и хранение пропагандистской литературы контрреволюционного характера. Фактически эти и некоторые другие преступления в то время можно было признать имеющими экстремистский характер[9].

Преступления против порядка управления включали действия, направленные на нарушение надлежащего функционирования подчиненных административных органов или народного хозяйства, связанные с сопротивлением или неповиновением законам советского правительства, с препятствованием деятельности его органов и другими действиями, которые приводят к ослаблению власти и авторитета правительства. Такое определение понятия преступлений против порядка управления содержалось в ст. 74 рассматриваемого уголовного закона. К преступлениям против порядка управления были отнесены следующие преступления: организация массовых беспорядков и участие в них (ст. 75); участие в беспорядках, не отягченных преступными деяниями, но связанных с явным неповиновением законным требованиям властей или противодействием выполнению последними возложенных на них законом обязанностей или принуждением их к выполнению явно незаконных требований, даже если неповиновение выразилось только в отказе прекратить собрание, угрожающее общественной безопасности (ст. 77).

Хулиганство (ст. 176) было отнесено к преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Хулиганство определялось как озорные, бесцельные действия, связанные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом. Постановлением Центрального исполнительного комитета и СНК от 7 июня 1926 года в ст. 176 Уголовного кодекса РСФСР были внесены изменения, и состав хулиганства был разделен на простой и квалифицированный. Простое хулиганство включало в себя хулиганские действия, сопряженные с явным неуважением к обществу,

[7] Вестник Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 5. С. 9-10.

[8] Вестник Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8. С. 32.

[9] Холодкова Н. В. Политическая практика функционирования современных террористических структур: сравнительный анализ «Аль-Каиды» и «Исламского государства» // Международные отношения. 2016. № 1. С. 74-79. DOI: 10.7256/2305-560X. 2016. 1. 17842.

совершенные впервые, если на виновного в этих действиях не было наложено административное наказание до возбуждения уголовного преследования. Квалифицированным хулиганством считалось, если хулиганские действия состояли из насилия или надругательства, или совершались неоднократно или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или отличались по своему содержанию исключительным цинизмом или дерзостью.

В рамках Уголовного кодекса РСФСР 1926 года конструкция статьи, предусматривающей наказание за хулиганство, периодически менялась. В 1935 году санкция ч. 2 ст. 74 (хулиганство) была увеличена до 5 лет лишения свободы. Этому способствовало Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 17 января 1935 года, в котором предлагалось наказывать как бандитов, так и особо опасных хулиганов, совершающих хотя бы единичные нападения, но связанные с убийством или вооруженным сопротивлением властям. В 1940 году ч. 1 ст. 74 было указано в новой редакции: «Хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах наказываются лишением свободы сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более серьезного наказания».

В период действия Уголовного кодекса 1926 года (вступившего в силу 1 января 1927 года) издается большое количество постановлений ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК, СНК СССР, СНК РСФСР, направленных на борьбу с лицами, препятствующими осуществлению деятельности партии и правительства. Расширяются репрессивные методы борьбы с контрреволюционными преступлениями, существенно дополняется и изменяется законодательство об ответственности за такие преступления[10].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года понятие контрреволюционных преступлений и их виды остаются теми же, что и в Уголовном кодексе 1922 года. Новым составом контрреволюционных преступлений стало использование религиозных предрассудков с целью свержения власти рабочих и крестьян или подстрекательства к сопротивлению ее законам и постановлениям. В период действия Уголовного кодекса 1926 года (вступившего в силу 1 января 1927 года) издается большое количество постановлений ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК, СНК СССР, СНК РСФСР, направленных на борьбу с лицами, препятствующими осуществлению деятельности партии и правительства. В частности, в 1927 году ЦИК СССР принял Положение о государственных преступлениях (контрреволюционные и особо опасные преступления против порядка управления в СССР), которое действовало до 1959 года.

Последующее развитие законодательства о государственных преступлениях отразило коренные изменения в экономической, социально-политической и культурной жизни страны. Произошли значительные изменения в структуре, динамике и содержании преступности. Резко сократилось количество преступлений, направленных на подрыв и ослабление Советского государства[11].

Изменился и сам характер преступлений против советского государства. Если раньше они отражали стремление свергнутых эксплуататорских классов в союзе с мировой буржуазией уничтожить советскую власть и восстановить капитализм, то теперь эти преступления отражают главным образом враждебную деятельность империалистических государств, а также отдельных советских граждан, подпавших под влияние буржуазной идеологии, осуществляемую с целью подрыва и ослабления Советского государства.

В связи с этим в Законе «Об уголовной ответственности за государственные преступления», принятом в 1958 году Верховным Советом СССР, рассматриваемые преступления были названы не контрреволюционными, а государственными преступлениями, которые, в свою очередь, были разделены на две группы: особо опасные государственные преступления и другие государственные преступления. Это название отражало изменения в характере преступлений, которые утратили значение инструмента в руках свергнутых эксплуататорских классов в борьбе против советской власти за восстановление капитализма, но не утратили высокой степени общественной опасности для советского государства.

К особо опасным государственным преступлениям относились: измена Родине; шпионаж; террористический акт; террористический акт против представителя иностранного государства; саботаж; диверсия; антисоветская пропаганда и агитация: пропаганда войны; организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а также участие в антисоветской организации; особо опасные государственные преступления против другого государства трудящихся.

В систему других государственных преступлений входили: нарушение национального и расового равенства; разглашение государственной тайны; утеря документов, содержащих государственную тайну; бандитизм; контрабанда; массовые беспорядки; уклонение от очередного призыва на действительную военную службу; уклонение от призыва по мобилизации; уклонение в военное время от выполнения обязанностей или уплаты налогов; незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР; на-

[10] Базаркина Д. Ю. Корни этнорелигиозного терроризма в Европейском Союзе и Латинской Америке: общее и особенное // Международные отношения. 2012. № 1. С. 54-59.

[11] Тищенко В. Н. К вопросу совершенствования профилактики преступности в современных условиях // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 1. С. 21-31. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.1.9709.

рушение правил международных полетов; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта; повреждение путей сообщения и транспортных средств; изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг; нарушение правил проведения валютных операций; несообщение о государственных преступлениях[12].

Вышеупомянутый Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был полностью включен в Кодекс 1960 года в качестве первой главы Особенной части. Глава «Государственные преступления» состояла из двух разделов: «Особо опасные государственные преступления» (ст. ст. 64-73) и «Другие государственные преступления» (ст.ст. 74-88).

Уголовно-правовое регулирование охраны общественной безопасности получило новый импульс в начале 1980-х годов, когда процесс развития отечественного законодательства был напрямую связан с активизацией процесса развития международного уголовного права. В настоящее время терроризм становится наиболее опасным преступлением, затрагивающим совместные интересы различных государств, и поэтому международное сообщество в первую очередь обращается к нему.

СССР присоединился к соответствующим международным документам довольно поздно, поэтому ответственность за терроризм и заведомо ложное сообщение об акте терроризма была установлена в уголовном законодательстве только в 1994 году.

В соответствии со ст. 213.3 Уголовного кодекса РСФСР терроризм определялся как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а также наступления иных тяжких последствий с целью нарушения общественной безопасности или оказания влияния на принятие решений органами власти». Квалифицированным типом были «те же действия, если они причинили значительный материальный ущерб или привели к другим серьезным последствиям, или были совершены организованной группой». Особо квалифицированным видом были признаны «действия, предусмотренные частями первой или двумя настоящей статьи, повлекшие смерть человека».

Законом от 9 октября 1992 года «О защите конституционных органов власти» в новой редакции изложена статья 79.1 Уголовного кодекса РСФСР («Воспрепятствование деятельности конституционного органа власти»). Эта статья предусматривала два состава преступления – «насильственные действия, направленные на воспрепятствование деятельности конституционной власти» и «невыполнение постановлений Верховного Совета в установленный срок». Эта статья фактически ввела понятие мятежа в Уголовный кодекс как попытку свержения законодательной власти[13].

Тем же Законом были внесены изменения в ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР. Статья называлась «Призывы к насильственному изменению конституционного строя». Часть 1 ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР предусматривала ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, захвату власти, а также массовое распространение материалов, содержащих такие призывы.

Следующим этапом реформы уголовного законодательства стало внесение ряда поправок, которые ориентируют сотрудника правоохранительных органов на привлечение к ответственности лиц, виновных в разжигании межнациональной розни. Например, 29 апреля 1993 года ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая ответственность за убийство, была дополнена таким квалифицирующим признаком, как убийство, «совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни», Федеральным законом от 27 августа 1993 года ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР была переименована: «Нарушение равных прав граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии». Уголовный закон был дополнен ст. 143.1 «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан».

Последним из преступлений, посягающих на общественную безопасность, которые были закреплены в Уголовном кодексе РСФСР, был состав организации незаконных вооруженных формирований. Норма об этом преступлении (ст. 77.2) была введена Федеральным законом от 28 апреля 1995 года. Согласно этой статье, организация вооруженных объединений, отрядов, дружин и иных вооруженных формирований, не предусмотренных федеральными законами, а также участие в таких формированиях наказывались лишением свободы на срок до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой. Умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, если они сопряжены с массовым насилием в отношении людей или повлекли другие тяжкие последствия, наказывались лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Особо квалифицированный вид – умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, если они повлекли гибель людей, – наказывался лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискаци-

[12] Хенман М. Угрозы региональной безопасности в 2016 году. Активизация некоторых террористических группировок. Журнал INTERSEC по вопросам международной безопасности Великобритания. 2015. Том 25. № 10. Ноябрь-декабрь. С. 6-7.

[13] Тесфай Н. Горячие точки Африки к югу от Сахары. Журнал INTERSEC по вопросам международной безопасности. Великобритания. 2015. Том 25. № 10. Ноябрь-декабрь. С. 155-156.

ей имущества или смертной казнью с конфискацией имущества.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года во многом отличается от Уголовного кодекса РСФСР. Итак, раздел. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Уголовного кодекса Российской Федерации содержит гораздо более обширную систему норм, чем аналогичная глава Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Отчасти это связано с тем, что в него включены некоторые нормы, которые ранее обеспечивали основные государственные интересы, например, об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208), бандитизм (ст. 209), массовые беспорядки (ст. 212) и т.д.

В то же время новый закон включает довольно большую группу преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, в том числе: организация преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244) и др.

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года ответственность за наиболее опасные преступления против государства установлена в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», расположенной в разделе X «Преступления против государственной власти». По своему содержанию эта глава существенно отличается от той, что содержится в Уголовном кодексе РСФСР[14].

Наряду с нормами об ответственности за ряд государственных преступлений, известных по Уголовному кодексу РСФСР (шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, разжигание национальной, расовой или религиозной вражды, разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну), Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года содержит запреты на совершение государственной измены (ст. 275); насильственный захват власти (ст. 278); вооруженный мятеж (ст. 279); саботаж (ст. 281). Следует отметить, что уголовная ответственность за диверсию была отменена Федеральным законом от 1 июля 1994 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». По-видимому, это было сделано под влиянием иллюзии подменяемости соответствующей нормы нормой об ответственности за терроризм, которая была включена в Уголовный кодекс РСФСР тем же Федеральным законом.

Установив уголовную ответственность за насильственное удержание власти, российский законодатель сделал беспрецедентный в отечественной истории шаг в направлении разработки механизма самоограничения власти. В то же время это решение свидетельствовало о признании разделения властей, которое фактически имело место в России.

В новом Уголовном кодексе России законодателю, по-видимому, удалось найти компромисс между потребностями усиления уголовно-правовой защиты основных интересов государства в условиях социального кризиса и одновременно сужением сфер, традиционно контролируемых государством[15].

За период действия Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году главы, посвященные преступлениям против общественной безопасности и основ конституционного строя и безопасности государства, претерпели ряд изменений. Были изменены диспозиции и санкции некоторых норм (в частности, ст.ст. 205, 280), были включены новые составы преступлений – ст.ст. 205.1, 205.2, 282.1, 282.2.

Меры по противодействию экстремизму воплощены в принятии Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона № 112-ФЗ от 25 июля 2002 года «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», который внес множество существенных изменений в другие нормативные правовые акты, в том числе в Уголовный кодекс Российской Федерации.

В частности, ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества «отечественного уголовного законодательства была дополнена ранее неизвестным понятием – «преступления экстремистской направленности», перечень которых был указан в диспозиции данной статьи. Это следующие преступления, подготовленные или совершенные по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы:

– воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ);

– воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ);

– хулиганство (ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ);

– вандализм (ст. 214 УК РФ);

– уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ);

– осквернение тел умерших и мест их захоронения (ст. 244 УК РФ);

[14] Дингли Дж. Тенденции терроризма в мире. INTERSEC UK. 2004. Том 14. № 5. Май. С. 10-11.

[15] Документальные доказательства наличия террористической деятельности в Европейском Союзе. Полис Профессионал Великобритания. 2012. № 302. 3 мая. С. 18-19.

– публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);

– возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Если исходить из понятия экстремизма, которое дано в Законе № 114-ФЗ, то получается, что такие преступления экстремистской направленности, как воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания; воспрепятствование собранию, митингу, демонстрации, шествию, пикетированию или участию в них; уничтожение или повреждение памятников истории и культуры; надругательство над телами умерших и местами их захоронения, не являются экстремизмом. Остальные преступления экстремистской направленности (хулиганство; вандализм; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; разжигание ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства) предусмотрены настоящим Законом и, таким образом, представляют собой пример чистого «криминального экстремизма».

Таким образом, существует довольно серьезное несоответствие между положениями Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Уголовным кодексом Российской Федерации. Фактически, для уточнения содержания экстремизма необходимо обратиться не только к Закону № 114-ФЗ, но и к Уголовному кодексу Российской Федерации, в то время как понятие экстремизма, содержащееся в ст. 1 Закона № 114-ФЗ, и перечень деяний, отнесенных в нем к экстремизму, имеют сильное несоответствие с Уголовным кодексом Российской Федерации.

В литературе выражена следующая оценка института преступлений экстремистской направленности: «Введя в правовое употребление новое понятие «преступления экстремистской направленности», Закон придал общеполитическое звучание деяниям, имеющим совершенно иную уголовно-правовую и криминологическую природу, принципиально иную с точки зрения объекта посягательства и несопоставимую с точки зрения объекта посягательства и несопоставимую с точки зрения общественной опасности.

Представляется, что проведенный ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства и процесса криминализации преступлений экстремистской направленности позволит глубже понять их правовую природу и поможет более глубоко изучить и раскрыть особенности уголовно-правовых характеристик и квалификации преступлений экстремистской направленности.

Библиография

1. Базаркина, Д. Ю. Корни этнорелигиозного терроризма в Европейском Союзе и Латинской Америке: общее и особенное // Международные отношения. 2012. № 1. С. 54-59.

2. Дингли, Дж. Тенденции терроризма в мире. INTERSEC UK. 2004. Том 14. № 5. Май. С. 10-11.

3. Документальные доказательства наличия террористической деятельности в Европейском Союзе. Полис Профессионал Великобритания. 2012. № 302. 3 мая. С. 18-19.

4. Тесфай, Н. Горячие точки Африки к югу от Сахары. Журнал INTERSEC по вопросам международной безопасности. Великобритания. 2015. Том 25. № 10. Ноябрь-декабрь. С. 155-156.

5. Тищенко, В. Н. К вопросу совершенствования профилактики преступности в современных условиях // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 1. С. 21-31. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.1.9709.

6. Хенман, М. Угрозы региональной безопасности в 2016 году. Активизация некоторых террористических группировок. Журнал INTERSEC по вопросам международной безопасности Великобритания. 2015. Том 25. № 10. Ноябрь-декабрь. С. 6-7.

7. Холодкова, Н. В. Политическая практика функционирования современных террористических структур: сравнительный анализ «Аль-Каиды» и «Исламского государства» // Международные отношения. 2016. № 1. С. 74-79. DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.17842.

История развития института фиктивного брака в России

History of the institution of fictitious marriage in Russia

Ратканова Марина Андреевна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Ratkanova Marina Andreevna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. Статья посвящена истории развития такого института семейного права как «фиктивный брак» в Российской Федерации. Автор раскрывает феномен зарождения института брака в Российской Федерации, его трансформацию и становление в современном виде. Кроме того, автор анализирует появление данного института в других странах мира, и сравнивает исторические рамки его становления в России и других странах.

Ключевые слова: брак, церковный брак, фиктивный брак, условия заключения брака, история развития.

Abstract. The article is devoted to the history of the development of such an institution of family law as «fictitious marriage» in the Russian Federation. The author reveals the phenomenon of the origin of such an institution in the Russian Federation, its transformation and formation in its modern form. In addition, the author analyzes the emergence of this institution in other countries of the world, and compares the historical framework of its formation in Russia and other countries.

Key words: marriage, church marriage, conditions of marriage, fictitious marriage, history of development.

Конституция[1] Российской Федерации провозглашает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Брак и семья как социальные институты общества зародились давно, и прошли в своем развитии несколько стадий. Начиная от стадии возникновения семьи в племенной период, когда общество делилось на ячейки по родовому признаку до появления моногамных узаконенных брачных союзов, которые стали следствием долгого развития экономических и социальных отношений.

Семейная сфера является важной частью общественной жизни люде и естественно, за такой длительный исторический период само понимание брака, порядок и условия его заключения претерпели серьезные изменения. Это касается всего мира и Российской Федерации как его части.

История развития института брака и брачных отношений в России достаточно разнообразна. Нормативно-правовая база, регулирующая эти общественные отношения, подвергалась изменениям на протяжении всей истории становления и развития семейного права.

В России до начала XX в. существовал только церковный брак и поэтому условия заключения брака регулировались церковным брачным законодательством. При смешанных браках одному супругу приходилось подчиняться правилам вероисповедания другого.

Еще в XI в., в Церковном Уставе Ярослава появились первые упоминания о браке, в нем содержался запрет выдавать замуж силой[2].

На этом Уставе процесс правового регулирования семейно-брачных отношений не остановился. Значительное реформирование брачно-семейная сфера претерпела при Петре I.

Как законодатель Петр I стремился обеспечить в первую очередь социально-политические и экономические интересы государства, умаляя роль церкви в вопросах регулирования семейных отношений. На протяжении всего XVIII в. издается довольно много царских указов и постановлений Синода, вносящих

[1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

[2] Згоржельская С. С., Колунтаев С. А., Сафонов В. Е., Слободянюк И. П., Хабибуллина Н. И. История отечественного государства и права. Учебное пособие для студентов факультета непрерывного образования (книга). – М., 2013. С. 316.

изменения в семейное право». Например, с 1805 года на Синод возлагалась функция по решению всех бракоразводных дел[3].

В этот период законодательно признавалась только церковная форма брака, заключенного посредством религиозного обряда венчания. Венчание рассматривалось законом не только как формальное, но и как материальное условие брака.

Помимо этого, законодательством того периода были определены иные условия вступления в брак:

1) добровольное согласие лиц, вступающих в брак;

2) возраст лиц, вступающих в брак: для лиц мужского пола – по достижении 18-ти лет, а для лиц женского пола – по достижении 16-ти лет от рождения;

3) возраст, по достижении которого лицо уже не могло вступить в брак (наступление 80-ти лет от рождения);

4) согласие родителей (опекунов/попечителей) лиц, вступающих в брак;

5) отсутствие родства и свойства у лиц, вступающих в брак.

В 1860-х годах Российскую Федерацию охватил беспрецедентный феномен заключения фиктивных браков. С социальной точки зрения этот феномен объяснялся просто. Это было время большого демократического подъема, на волне которого был поднят и женский вопрос. Девушки из дворянских семей или среды разночинцев, желающие учиться в университетах (в том числе за границей), но не имевшие на это согласие родителей, часто заключали фиктивные союзы. Модель поведения благородного мужчины в России обусловливалась стремлением взять на себя ответственность за женщину, которую общество лишало гражданских прав[4].

Одним из примеров заключения фиктивного брака в то время является брак между Марией Александровной Обручевой и Боковым Петром Ивановичем. Для того чтобы освободиться от опеки семьи и получить возможность посещать лекции в Медико-хирургической академии, Мария в 1861 году фиктивно вышла замуж за доктора Петра Ивановича Бокова, который имел прогрессивные взгляды на права и самореализацию женщин в семье и в обществе[5]. Боков П. И. являлся другом известного российского писателя Чернышевского Н. Г., а история их «фиктивного брака» с Марией легла в основу романа «Что делать?»[6].

Церковный брак в России был отменен в 1917 году статьей 1 Декрета «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния»[7]. Этим Декретом было введено понятие «гражданский брак». Таким образом, церковный брак был переведен в разряд частных дел граждан.

16 сентября 1918 года сессией ВЦИК РСФСР был принят «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»[8] (далее – Кодекс 1918 г.), регулирующий практически все вопросы семейных отношений, в том числе вопросы заключения брака. Особое внимание в этом Кодексе 1918 г. уделялось регулированию условий и порядка заключения брака.

Основным нормативно-правовым актом, регулировавшим институт брака в 1926-1960-е гг. являлся Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР[9], принятый Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. (далее – Кодекс 1926 г.). Этот Кодекс в отличие от предыдущего Кодекса 1918 г. концентрировал внимание и на других вопросах брачно-семейных отношений.

Важным нововведением Кодекса 1926 г. стало признание фактических брачных отношений. Фактическим браком признавалось сожительство, не оформленное в установленном порядке, иными словами – незарегистрированное в органах записи актов гражданского состояния. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 января 1954 г.[10] советским гражданам было разрешено вступать в брак с иностранцами.

Что касается вопросов фиктивного брака, то отношение к нему как к имущественной сделке воз-

---

[3] Берая И. О. Развитие института брака в России // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. 2015. С. 162-165.

[4] Афанасьева Ю. Ю. Фиктивный брак как культурный феномен в России XIX века // Вестник ТГПУ. 2018. С. 64-68.

[5] Российский Родословный Фонд. Мария Александровна Обручева. – URL: https://rgfond.ru/person/115764 (дата обращения: 01.08.2021).

[6] Н. Г. Чернышевский. Что делать? 1969. Режим доступа [Электронный ресурс]. – URL: https://ilibrary.ru/text/1694/index.html. (дата обращения 01.08.2021).

[7] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Режим доступа [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/456017706 (дата обращения 01.08.2021).

[8] Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (вместе с «Инструкцией об освидетельствовании душевно-больных»): Закон РСФСР от 16 сентября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 76-77. Ст. 818.

[9] О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке (вместе с Кодексом): Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1926. № 82. Ст. 612.

[10] Указ Президиума ВС РСФСР от 21.01.1954 «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 апреля 1947 года «О внесении изменений в Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР»// Режим доступа [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14397#PjdX8kS1Zs2pHuV5 (дата обращения 01.08.2021).

никло только к 30-м годам XX века. И это несмотря на то, что само понятие фиктивного брака было известно России еще с 60-х годов XIX в.

В 30-е года XX в. у граждан РСФСР стали возникать проблемы, связанные с пропиской в крупных городах, получением вида на жительство за границей, расширением жилой площади. И решались эти проблемы с помощью заключения фиктивных браков. В этот период такое явление еще не было так широко распространено.

Кодекс 1926 г., несмотря на вносимые в него существенные изменения, просуществовал достаточно долго, только 30 июля 1969 г. в РСФСР был утвержден новый Кодекс о браке и семье[11] (далее – Кодекс 1969 г.).

В новом кодексе четко указывалось, что только брак, зарегистрированный в установленном законом порядке государственными органами записи актов гражданского состояния или иными уполномоченными органами, порождал юридические последствия[12].

В 70-80-е гг. XX в. фиктивные браки продолжали заключаться советскими гражданами в основном, для получения прописки или расширения жилплощади, эти проблемы достигли более широких масштабов.

Разъяснения по вопросам фиктивности брака были даны Пленумом Верховного Суда СССР в Постановлении[13] от 28 ноября 1980 г. В п. 21 нормативного акта говорилось о том, что фиктивный брак, то есть брак, созданный без намерения создать семью, в судебном порядке мог быть признан недействительным. При чем такой брак признавался недействительным и в случае, если у обеих сторон не было намерения создать семью, и в случае, если такое намерение отсутствовало только у одной стороны.

Практика того времени показывает, что признать брак недействительным вследствие его фиктивности было достаточно сложно из-за доказывания. В суде было проблематично доказать, что как таковая семья не создана.

Более того, в ст. 43 Кодекса 1969 г. законодатель ввел правило, что «если к моменту рассмотрения дела отпали обстоятельства, препятствовавшие заключению брака, он может быть признан действительным с момента отпадения этих обстоятельств»[14].

В современном понимании брак представляет собой добровольный союз мужчины и женщины, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния, направленный на создание семьи и порождающий взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности[15].

Из этого определения следует, что фиктивный брак используется для иных целей. То есть фиктивным, признается брак, который официально зарегистрирован, но не имеет намерения создать семью.

На данный момент в Российской Федерации заключение фиктивного брака считается незаконным действием. Согласно ч. 1 ст. 27 Семейного кодекса Российской Федерации[16] заключение фиктивного брака является основанием для признания его недействительным и подлежит рассмотрению в рамках гражданского судопроизводства. В случае признания брака недействительным действует условие возвращения всех прав и обязанностей обоих супругов, имеющих место до заключения брака. В зарубежных странах отношение к фиктивному браку намного жестче, и его заключение может повлечь привлечение лиц к уголовной ответственности.

Таким образом, институт брака в России является сложным явлением и имеет длительную историю развития в рамках семейного права РФ. Несмотря на это сложно сказать о том, что институт брака достаточно изучен, в настоящее время многие отношения, складывающиеся в семье, вообще не регулируются правом или вопросы их регулирования содержат пробелы в законодательстве. Так как семейное право подвергается постоянным изменениям, появляются новые нормы семейного законодательства, а ранее действующие нормы прекращают свое существование, институт брака, в том числе фиктивного, продолжает свое развитие.

Библиография

1. Берая, И. О. Развитие института брака в России // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. Конф. 2015. С. 162-165.

2. Згоржельская, С. С., Колунтаев, С. А., Сафонов, В. Е., Слободянюк, И. П., Хабибуллина, Н. И. История отечественного государства и права. Учеб-

[11] Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР (вместе с «Кодексом о браке и семье РСФСР»): Закон РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.

[12] Рудык О. И. Эволюция института брака в советском семейном праве : дис. …кандид. юрид. наук, 2015. С. 117-118.

[13] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 ноября 1980 г. № 9 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. 1994.

[14] Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР (вместе с «Кодексом о браке и семье РСФСР»): Закон РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.

[15] Рузакова О. А. Семейное право. Учебник. – М., 2010. С. 172.

[16] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

ное пособие для студентов факультета непрерывного образования (книга). – М., 2013. С 316.

3. Н. Г. Чернышевский. Что делать? 1969. Режим доступа [Электронный ресурс]. – URL: https://ilibrary.ru/text/1694/index.html.

4. Российский Родословный Фонд. Мария Александровна Обручева. – URL: https://rgfond.ru/person/115764.

5. Рудык, О. И. Эволюция института брака в советском семейном праве : дис. …канд. юрид. наук, 2015. С. 117-118.

6. Рузакова, О. А. Семейное право. Учебник. – М., 2010. С. 172.

7. Шаповалова, В. И. Фиктивный брак в Российском и зарубежном законодательстве // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11. С. 402-406.

Проблемы отграничения кражи от мошенничества

Problems of delimiting theft from fraud

Рослякова Елена Сергеевна,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Roslyakova Elena Sergeevna,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. На основе конкретных примеров из судебной практики анализируются проблемы отграничения кражи от мошенничества.

Ключевые слова: кража, мошенничество, состав преступления, постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Abstract. On the basis of specific examples from judicial practice, the author analyzes the problems of delimiting theft from fraud.

Key words: theft, fraud, corpus delicti, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Одной из самых распространенных ошибок, влекущей неверную квалификацию хищения, является неточное представление о линиях разграничения между такими формами хищения как кража и мошенничество.

Общим для кражи и мошенничества является объект – это охраняемое законом право собственности, аналогичны и элементы их субъективные стороны – прямой умысел, корыстная цель. Основным отличием двух указанных составов преступления является объективная сторона.

Специфика любой формы хищения заключается в том, что изъятие имущества, которое является предметом хищения, осуществляется виновным лицом вопреки воле лица, в обладании которого оно находится. При совершении кражи изъятие имущества виновным лицом производится тайно, незаметно для владельца и без его ведома, помимо воли потерпевшего.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом».

Как мы видим, отличительной чертой состава преступления «Мошенничество» является именно способ его совершения, коим являются обман (сообщение заведомо ложной информации, целенаправленное введение в заблуждение потерпевшего или иного лица) либо злоупотребление доверием (использование особых доверительных отношений между виновным лицом и потерпевшим, сложившихся, например, ввиду родственных связей или дружеского или делового общения), а также наличие контакта между преступником и потерпевшим, результатом которого является передача имущества или прав на него виновному лицу. При мошенничестве потерпевший лично предает в собственность или владение мошеннику свое имущество. Ответственность за совершение мошенничества наступает в случае, если доказано что завладение чужим имуществом состоялось путём обмана (или злоупотребления доверием).

При совершении мошенничества, обман как способ хищения либо приобретения прав на чужое имущество, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений и фактов, либо в умолчании истинных фактов, либо в умышленных действиях, направленных на введение в заблуждение владельца имущества либо иного лица.

Современное российское уголовное право признает обманом как сознательное искажение истины (активный обман), так и умолчание об истине (пассивный обман). Намерено искажая факты действительности, виновный вводит потерпевшего в заблуждение относительно их истинности, а при умолчании сознательно пользуется заблуждением, возникшим независимо от виновного. Оба способа призваны склонить потерпевшего под влиянием заблуждения самостоятельно передать свое имущество мошеннику, при этом передача имущества только создает видимость добровольности, поскольку обусловлена обманом.

Содержание обмана в мошенничестве составляют разнообразные обстоятельства или факты, относительно которых виновное лицо либо вводит в заблуждение потерпевшего (при активном обмане), либо умалчивает относительно их наличия (при пассивном обмане, когда обладание определенной информацией удержало бы собственника от передачи имущества виновному лицу). При совершении мошенничества обман используется как относительно отдельных предметов (их существования, качества, количества, размера, стоимости и т.п.), так и личности виновного или других лиц, а также различных событий и действий. Зачастую содержание мошеннического обмана составляют ложные обещания, то есть когда виновное лицо, преследуя цель завладеть имуществом, обманывает потерпевшего относительно своих действительных намерений. Классическим примером такого обмана является неисполнение договорных обязательств. При этом, виновное лицо не только вводит потерпевшего в заблуждение относительно событий будущего, но и обманывает его относительно своих подлинных намерений (например, договаривается о приобретении имущества с отсрочкой платежа, не имея намерений производить за него оплату в будущем).

Примером такого мошенничества может являться приговор № 1-1/2020 1-79/2019 от 21 сентября 2020 года Орловского районного суда Ростовской области, в соответствии с которым Гладков С.А. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ, в том числе, по факту того, что Гладков С.А., имея преступный умысел, направленный на хищение путем обмана у главы крестьянско-фермерского хозяйства Ч.В. принадлежащей ему пшеницы, действуя с корыстной целью обращения похищенного имущества в пользу третьих лиц, в один из дней августа 2016 года, обманул Ч.В., с которым у него сложились доверительные отношения, убедив его сбыть принадлежащую ему пшеницу в адрес ООО «<данные изъяты>» ИНН №. При этом Гладков С.А. заверил Ч.В., что он якобы является представителем данного общества, поэтому договор поставки пшеницы будет заключен позже, после поставки пшеницы и определения ее класса на элеваторах Ростовской области. На самом деле Гладков С.А. не намеревался исполнять обязательства по оплате денежных средств за поставленную пшеницу, преследуя корыстную цель обращения похищенной пшеницы в пользу третьих лиц.

Ч.В., будучи введенным в заблуждение, в период с 31.08.2016 по 09.09.2016, используя для перевозки находящийся в его собственности транспорт, из складского помещения, расположенного по адресу: <адрес> отгрузил 473200 кг пшеницы 4-го класса стоимостью 9 рублей 50 копеек за 1 кг и 168440 кг пшеницы 3-го класса стоимостью 9 рублей 70 копеек за 1 кг на общую сумму 6129 268 рублей.

Указанный объем пшеницы Ч.В., будучи введенным Гладковым С.А. в заблуждение, в период с 31.08.2016 по 09.09.2016 собственным автотранспортом поставил на территорию портовых элеваторов следующих организаций: <данные изъяты> по адресу: <адрес>, и <данные изъяты>» по адресу: <адрес> а также в неустановленную в ходе предварительного следствия организацию, где водители транспортных средств, осуществляющих перевозку пшеницы по указанию обманутого Ч.В. получили от Гладкова С.А. частично заполненные бланки товарно-транспортных накладных формы № ООО «<данные изъяты> ООО «<данные изъяты> ООО <данные изъяты>», и не установленной в ходе предварительного следствия организации, в которых графы о грузоотправителе и грузополучателе были уже заполнены. При этом Гладков С.А., осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения имущественного вреда собственнику пшеницы, не имея намерения производить с ним расчет, попросил Ч.В., чтобы автомобили с поступающей от него пшеницей разгрузились на территории элеваторов именно по данным товарно-транспортным накладным.

Согласно товарно-транспортным накладным ООО «<данные изъяты>» грузоотправителем являлся ООО «<данные изъяты>», а грузополучателем ООО «<данные изъяты>» для ООО «<данные изъяты>».

По указанным выше товарно-транспортным накладным в период с 31.08.2016 по 09.09.2016 автомобили Ч.В. осуществили разгрузку принадлежащей ему пшеницы 3-го и 4-го класса общей массой 641 640 кг на общую сумму 6129 268 рублей в портовом элеваторе ООО «<данные изъяты>» по адресу: <адрес> для ООО <данные изъяты> у которого с ООО <данные изъяты> был заключен договор хранения пшеницы и ООО «<данные изъяты>» договор поставки сельскохозяйственной продукции.

Указанным выше способом Гладков С.А. путем обмана Ч.В. совершил хищение принадлежащей Ч.В. пшеницы 4-го класса массой 473 200 кг стоимостью 9 рублей 50 копеек за 1 кг и пшеницы 3-го класса массой 168 440 кг стоимостью 9 рублей 70 копеек за 1 кг, а всего 641640 кг пшеницы 3-го и 4-го класса на общую сумму 6129 268 рублей, что

является особо крупным размером, которую он с корыстной целью обратил в пользу третьих лиц[1].

Соответственно, основным отличительным признаком мошенничества как самостоятельного состава хищения является условно добровольный акт передачи имущества потерпевшим виновному лицу, которое для достижения преступной цели воздействует на сознание потерпевшего, склоняя последнего путем обмана или злоупотребления доверием к передаче имущества в пользу мошенника. Таким образом, виновное лицо завладевает имуществом или приобретает право на него путем обмана или злоупотребления доверием собственника или лица, в ведении которого либо под охраной которого находится имущество. А при совершении кражи какой-либо контакт между виновным лицом и потерпевшим относительно передачи имущества исключен, поскольку главной особенностью кражи является ее тайный характер.

Обман или злоупотребление доверием также могут быть использованы при совершении кражи, для облегчения завладения чужим имуществом, но никак не в качестве способа хищения. При совершении кражи, получение доступа к имуществу в результате обмана или злоупотребления доверием «является всего лишь условием, облегчающим в дальнейшем тайное его изъятие не только без какого-либо участия потерпевшего, но и вообще помимо его воли»[2]. Такой способ характерен для совершения краж одежды, полученной для примерки в магазинах, краж имущества лицами, которые согласились временно присмотреть за вещами на вокзале или помочь с переноской ручной клади, поскольку в данном случае нет добровольной передачи потерпевшим своего имущества виновному. Как кража квалифицируется хищение чужого имущества, доступ к которому виновный получил в связи с порученной работой либо выполнением служебных обязанностей.

Приговором Кировского районного суда г. Омска Омской области № 1-467/2014 от 11 сентября 2014 г. по делу № 1-467/2014 по ч. 1 ст. 158, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ осужден Терещенко Т.В. Преступления совершены при следующих обстоятельствах.

23.05.2014 в период времени с 14 часов 00 минут до 14 часов 30 минут, Терещенко Т.В., находясь в помещении магазина «CROPP» в СТЦ «Мега», расположенного по Б. Архитекторов, 35, взял с витрины двое шорт мужских, рубашку мужскую, двое брюк мужских, затем прошел в примерочную кабину, расположенную в помещении вышеуказанного магазина, где действуя умышленно, осознавая неправомерность своих преступных действий, с целью тайного хищения чужого имущества, из корыстных побуждений, воспользовавшись тем, что за его преступными действиями никто не наблюдает, снял антикражные устройства с вышеуказанных шорт мужских, рубашки мужской и одних брюк мужских, которые с целью скрыть свои преступные действия положил в карман вторых мужских брюк, после чего двое шорт мужских, рубашку мужскую и одни брюки мужские принадлежащие ООО «РЕ Трэйдинг», за которые намерения рассчитываться не имел, положил в находящийся при нем и принесенный с собой, полимерный пакет, затем вышел из примерочной кабины, прошел в торговый зал, где положил на витрину брюки, в карманах которых находились антикражные устройства. После чего Терещенко Т.В. прошел антикражные ворота, на произведя расчет за вышеуказанный находящийся у него в пакете товар, и вышел из магазина «CROPP», таким образом, тайно похитил: брюки мужские, артикул №, закупочной стоимостью 500 рублей 22 копейки; рубашку мужскую, артикул №, закупочной стоимостью 228 рублей 02 копейки; шорты мужские, артикул №, закупочной стоимостью 320 рублей 95 копеек; шорты мужские, артикул №, закупочной стоимостью 426 рублей 95 копеек, всего товара на общую сумму 1476 рублей 14 копеек, принадлежащего ООО «РЕ Трэйдинг».

После чего Терещенко Т.В. с места совершения преступления с похищенным имуществом скрылся и распорядился им по своему усмотрению, тем самым причинив ООО «РЕ Трэйдинг» имущественный вред на общую сумму 1476 рублей 14 копеек.

Кроме того, Терещенко Т.В. 23.05.2014 в период времени с 14 часов 50 минут до 15 часов 00 минут, находясь в помещении магазина «Gloria jens» в СТЦ «Мега» расположенного по Б. Архитекторов, 35, взял с витрины трое брюк мужских, затем прошел в примерочную кабину, расположенную в помещении вышеуказанного магазина, где действуя умышленно, осознавая неправомерность своих преступных действий, с целью хищения чужого имущества, из корыстных побуждений, воспользовавшись тем, что за его преступными действиями никто не наблюдает, снял антикражные устройства с двух вышеуказанных брюк, которые с целью скрыть свои преступные действия положил в карман третьих брюк, после чего Терещенко Т.В. одел на себя одни брюки мужские, принадлежащие ОАО «ГЛОРИЯ ДЖИНС», за которые намерения рассчитываться не имел, с которых предварительно снял антикражное устройство, а сверху одел принадлежащее ему трико. Затем Терещенко Т.В., продолжая свои преступные действия, взял вторые брюки мужские, принадлежащие ОАО «ГЛОРИЯ ДЖИНС», за которые намеренья рассчитываться не имел, с которых также снял антикражное устройство, и положил в находящийся при нем и принесенный с собой, полимерный пакет, после чего вышел из примерочной кабины, прошел в торговый зал, где положил на витрину брюки, в карманах которых находились антикражные устройства.

[1] https://sudact.ru/regular/doc/p68DXXI2mkv/?page=19&regular-court

[2] Российское уголовное право. Особенная часть. Том 1. Учебник. Издание 2-е. Борзенков Г. Н. – М.: Проспект, 2009.

Затем Терещенко Т.В. прошел антикражные ворота, вышел из магазина «Gloria jens», не произведя расчет за брюки, которые одел на себя и положил в принадлежащий ему пакет, после чего осознавая, что его преступные действия были замечены продавцом магазина «Gloria jens» ФИО15, с места совершения преступления попытался скрыться с похищенными им брюками мужскими артикул № закупочной стоимостью 1229 рублей, брюками мужскими артикул № закупочной стоимостью 819 рублей. Однако преступный умысел не был доведен Терещенко Т.В. до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку он был задержан ФИО6, а затем сотрудниками полиции. Своими преступными действиями Терещенко Т.В. мог причинить потерпевшему ОАО «ГЛОРИЯ ДЖИНС» материальный ущерб на общую сумму 2048 рублей[3].

На данном примере мы видим, что виновное лицо использовало обман, для того, чтобы совершить кражу (проследовало с товаром в примерочную, не имея намерений законным способом приобрести товар, а намереваясь его скрыть и снять приспособления, обеспечивающие сохранность товара в торговом зале, для того, чтобы в последующем облегчить совершение тайного хищения). Второй состав является классическим примером того, как тайное хищение перерождается в открытое.

Ответственность за мошенничество регулируется сразу семью статьями Уголовного Кодекса РФ – в зависимости от сферы совершения мошеннических действий. Дополнительно с классическим составом мошенничества выделяют мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; мошенничество в сфере кредитования; мошенничество при получении выплат; мошенничество с использованием электронных средств платежа; мошенничество в сфере страхования; мошенничество в сфере компьютерной информации. При этом ответственность за совершение кражи предусматривает лишь одна статья – ст. 158 УК РФ.

Не может квалифицироваться как мошенничество передача имущества, совершенная малолетним, душевно больным или лицом, не способным в полной мере контролировать свои действия, например, в результате сильного опьянения. Данный подход применяется, поскольку указанные лица не в состоянии правильно оценить совершаемые ими действия. В подобных случаях содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от характера конкретно совершенных действий, как кражу или как грабеж.

Мошенничество в отличие от других форм хищения подразумевает не только хищение, но и приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, тогда как кража может совершаться только в виде хищения имущества, соответственно, предмет состава преступления «Мошенничество» шире, чем предмет состава преступления «Кража».

Например, приговором Ясногорского районного суда Тульской области № 1-67/2020 от 22 сентября 2020 года по делу № 1-67/2020 по ч. 3 ст. 159 УК РФ осужден Гаврилов В.А., который совершил мошенничество, то есть приобретение права на чужое имущество путем обмана, совершенное в крупном размере.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах. В период времени, предшествующий 10 февраля 2014 года, у Гаврилова В.А., который заведомо знал, что собственники зданий, строений, сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, приобретают такие земельные участки по заниженной цене согласно ст. 36 Земельного кодекса РФ, возник корыстный преступный умысел, направленный на приобретение права на чужое имущество путем обмана, а именно земельный участок с кадастровым номером №, расположенный по адресу: <адрес>, участок №, находящийся в ведении муниципального образования <адрес>, по заниженной цене.

Реализуя свой корыстный преступный умысел, 10 февраля 2014 года Гаврилов В.А., которому был известен порядок оформления соответствующих документов, обратился в администрацию муниципального образования (далее – МО) <адрес> с заявлением о передаче ему в аренду сроком на 11 месяцев земельного участка, расположенного по адресу: <адрес>, участок №, площадью № кв. м. для ведения личного подсобного хозяйства. В соответствии с постановлением главы администрации МО <адрес> № от 26 февраля 2014 года указанный выше земельный участок с кадастровым номером № был передан Гаврилову В.А. в аренду сроком на 11 месяцев, в связи с чем 4 марта 2014 года между администрацией МО <адрес> в лице председателя комитета имущественных и земельных отношений, архитектуры и градостроительства Свидетель № 7 и Гавриловым В.А. был заключен договор аренды № земельного участка с кадастровым номером №.

Согласно п. 8.2.2. данного договора, Арендатор в случае возведения на участке в установленном порядке объекта недвижимости и регистрации на него права собственности, может выкупить данный участок в соответствии с правилами, установленными Земельным кодексом РФ по цене, установленной действующим законодательством на момент выкупа.

В период с 4 марта 2014 года по 12 апреля 2014 года, Гаврилов В.А., реализуя свой преступный умысел, из корыстных побуждений, в целях получения права на чужое имущество, путем обмана, осоз-

[3] https://sudact.ru/regular/doc/4xdWElzqp4Yw/

навая противоправный характер своих действий и неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения ущерба администрации МО <адрес>, подготовил Декларацию об объекте недвижимого имущества, согласно которой на земельном участке с кадастровым номером № находится деревянное одноэтажное строение, площадью 10 квадратных метров, принадлежащее Гаврилову В.А. При этом Декларация об объекте недвижимого имущества содержала заведомо ложные сведения относительно наличия указанного строения на земельном участке с кадастровым номером №.

После чего, 12 апреля 2014 года Гаврилов В.А., продолжая свои преступные действия, обратился в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, расположенное по адресу: <адрес>, для оформления государственной регистрации права на хозяйственное строение, расположенное по адресу: <адрес>, участок №, предоставив несоответствующие действительности сведения о наличии на вышеуказанном земельном участке объекта недвижимости, а именно: Декларацию об объекте недвижимого имущества от 12 апреля 2014 года, послужившую основанием для выдачи Свидетельства о государственной регистрации права, в соответствии с которой на земельном участке с кадастровым номером №, расположенном по адресу: <адрес>, участок №, имеется хозяйственное строение или сооружение, назначение – нежилое, площадью № кв. м., которое фактически на данном участке отсутствовало.

29 апреля 2014 года Гаврилов В.А. незаконно получил Свидетельство о государственной регистрации права собственности на хозяйственное строение, расположенное по вышеуказанному адресу.

После чего, продолжая реализовывать свой корыстный преступный умысел, 16 июня 2014 года Гаврилов В.А., действуя путем обмана, предоставил в администрацию муниципального образования <адрес> Свидетельство о государственной регистрации права на недвижимое имущество №-АД № от 29 апреля 2014 года и заявление от 16 июня 2014 года о предоставлении в собственность вышеуказанного земельного участка из земель населенных пунктов для ведения личного подсобного хозяйства, при этом на основании <адрес> № от 15.12.2011 года «О регулировании отдельных вопросов определения цены земельных участков на территории <адрес> и их оплаты» приобрел право на выкуп земельного участка по заниженной стоимости.

Глава администрации МО <адрес> А., не осведомленная о преступных намерениях Гаврилова В.А., будучи уверенная в правомерности представленного Свидетельства о государственной регистрации права на недвижимое имущество №-АД 105712 от 29 апреля 2014 года, вынесла Постановление № от ДД.ММ.ГГГГ «О предоставлении в собственность за плату земельного участка, расположенного по адресу: <адрес>, участок № Гаврилову В.А.».

Цена выкупа земельного участка, на основании <адрес> №-ЗТО от ДД.ММ.ГГГГ «О регулировании отдельных вопросов определения цены земельных участков на территории <адрес> и их оплаты», Постановления администрации <адрес> № от 28.12.2009 «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов <адрес>», абз. 4 п. 5 решения Собрания депутатов муниципального образования <адрес> № от 26.12.2013 «Об установлении земельного налога», составила №, что значительно ниже рыночной стоимости данного земельного участка.

После этого, Гаврилов В.А. 21 августа 2014 года оплатил цену выкупа земельного участка, расположенного по адресу: <адрес> по заниженной цене. 21 августа 2014 года между Гавриловым В.А. и администрацией МО <адрес> в лице и.о. председателя комитета имущественных и земельных отношений, архитектуры и градостроительства С., по адресу: <адрес>, был заключен договор купли-продажи земельного участка с кадастровым номером №, который ДД.ММ.ГГГГ был зарегистрирован Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, расположенного по адресу: <адрес>, в результате чего указанный земельный участок выбыл из распоряжения администрации МО <адрес>, в связи с чем администрации МО был причинен имущественный ущерб в крупном размере[4].

Субъект кражи и мошенничества различен. В отличие от кражи, для которой законодателем установлен пониженный возраст привлечения к уголовной ответственности, за совершение мошенничества лицо может быть привлечено лишь при достижении возраста шестнадцати лет.

Как мы видим, состав преступления мошенничество отличается от кражи по объективной и субъективной сторонам. Главный отличающий признак кражи – тайность ее совершения. При краже изъятие имущества должно быть осуществлено тайно как для собственника (владельца) имущества, так и иных посторонних лиц (за исключением соучастников виновного, а также лиц, от которых виновный не может ожидать противодействия изъятию). При совершении мошенничества контакт виновного лица с потерпевшим всегда присутствует (личный, вербальный и т.д.).

Отличие тайного хищения чужого имущества от хищения путем обмана или злоупотребления доверием прослеживается также в характеристике субъективной стороны действий потерпевшего при мошенничестве. Потерпевший добровольно и созна-

[4] https://sudact.ru/regular/doc/KqGAvhNYgR11/?page=18&regular-court.

тельно передает находящееся в его собственности либо в законном владении имущество преступнику, чего нет при краже как тайном похищении имущества.

Библиография

1. Кругликов, Л. Л., Соловьев, О. Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения. Вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности. – Ярославль : Изд-во Ярославского университета, 2003. С. 18.

2. Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / под общей редакцией А. И. Попова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 50.

4. Михлин, А. С. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. – М.: «Юристъ» 2004.

5. Российское уголовное право. Особенная часть. Том 1. Учебник. Издание 2-е. Борзенков Г. Н. – М.: Проспект, 2009.

6. Тишкевич, И. С., Тишкевич, С. И. Квалификация хищений имущества. – М.: 2005.

Субъективная сторона принуждения к даче показаний

The subjective side of coercion to testify

Сандалова Светлана Игоревна,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Sandalova Svetlana Igorevna,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В данной статье рассматривается субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, раскрывается понятие субъект преступления, характеризуются все субъекты преступления ст. 302 УК РФ, рассматриваются мотив преступления, его цель.

Ключевые слова: принуждение, должностное лицо, полномочия, показания, заключение, субъект, мотив.

Abstract. This article examines the subjective side of the crime under Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, reveals the concept of the subject of the crime, characterizes all the subjects of the crime of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, considers the motive of the crime, purpose.

Key words: coercion, official, authority, testimony, conclusion, subject, motive.

Преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ является преступлением с повышенной общественной опасностью, в связи с тем, что субъектом преступления выступает должностное лицо, обладающее властными полномочиями, или с его ведома или молчаливого согласия. Кроме того, повышенная общественная опасность заключается в сложности выявления и расследования в связи с высокой степенью латентности и противодействия со стороны лица, совершившего преступление.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ, характеризуется прямым умыслом: лицо осознаёт общественную опасность принуждения к даче показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий и желает этого.

Мотив преступления на квалификацию не влияет. Им может являться ложно понятые интересы службы, месть, карьеризм, стремление найти настоящего преступник и др.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, являются следователь или лицо, производящее дознание, а равно другое лицо с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

А. Следователь или лицо, производящее дознание – в соответствии с УПК РФ – дознаватель. Субъект преступления – специальный: «должностное лицо, следователь и дознаватель, независимо от ведомственной принадлежности, принявший дело к производству и ведёт его расследование. Следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом» (п. 41 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Указывая следователя в качестве субъекта преступления, законодатель называет участника уголовного судопроизводства, который уполномочен проводить предварительное следствие по уголовному делу. В то время как второй специальный субъект обозначается не как дознаватель, как лицо, уполномоченное проводить расследование, а как лицо, проводящее расследование. То есть законодатель использует два разных подхода к определению специального предмета. Для первого специального субъекта (следователя) используется обозначение лица как участника уголовного судопроизводства. А для второго предмета используется обозначение полномочий должностного лица. Чтобы определить преимущества и недостатки каждого подхода, необходимо соотнести понятия следователя и лица, проводящего предварительное расследование, дознавателя и лица, проводящего дознание.

Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (ч. 1 ст. 38 УПК РФ). Согласно п. 4 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», следователь – следователь, старший следователь, следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации, следователь-криминалист, старший следователь-криминалист. Дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 7 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон не содержит понятия лица, проводящего дознание. Но системный анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве дознания и лицах, имеющих право на его проведение, позволяет сделать вывод, что – это любое должностное лицо органов дознания по уголовному делу, при условии надлежащего оформления его полномочий. Термин «следователь» не нужно использовать для определения специального субъекта расследуемого преступления, поскольку понятие лица, проводящего дознание, шире и точно соответствует целям криминализации принуждения к даче показаний.

Субъектом преступления принуждения эксперта к даче заключения является следователь или дознаватель при проверке сообщения о преступлении, когда использует свое право назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) или иначе, когда судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК РФ).

Сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ (ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ). Также субъектами преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ могут выступать иные должностные лица, обладающие полномочиями следователя в определенных случаях, предусмотренных УПК РФ, – следователь-криминалист, руководитель следственного органа (ч. 2 ст. 39 УПК РФ) и руководитель следственной группы (п. 4 ч. 4 ст. 163 УПК РФ). Кроме того, субъектами преступления могут выступать должностные лица, обладающие полномочиями дознавателя – это начальник подразделения дознания (ч. 2 ст. 40.1. УПК РФ) и руководитель группы дознавателей (ч. 3 и п. 5 ч. 4 ст. 223.2 УПК РФ).

Следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (п. 40.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Руководитель следственного органа – это должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель (п. 38.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Начальник подразделения дознания – должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель (п. 17.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Правом на проведение процессуальных действий в ходе предварительного следствия наделен только следователь, ведущий уголовное дело. И как следователь, так и орган дознания по поручению следователя могут проводить следственные действия в рамках предварительного следствия.

Органы дознания в соответствии со ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации включают: органы внутренних дел, органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, органы принудительного исполнения, начальников органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы. Кроме того, к органам дознания также следует относить капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителей геолого-разведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации.

Таким образом, не только следователи, но и многие другие должностные лица органов дознания могут возбуждать уголовное дело и проводить следственные действия в рамках предварительного следствия. Поэтому представляется неправильным и противоречащим Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации указывать следователя в качестве особого субъекта преступления, предусмотренного ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с этим, специальный субъект принуждения к даче показаний должен быть определен в уголовном законодательстве через полномочия по проведению предварительного следствия и дознания и обозначен как лицо, проводящее дознание и предварительное следствие.

Если субъектом преступления выступает должностное лицо, не являющееся ни следователем, ни

дознавателем, либо не выполняет их функции, в этом случае уголовная ответственность наступает по соответствующей части ст. 286 УК РФ.

Б. Другое лицо с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

В данном случае субъект преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, может быть специальным субъектом (например, сотрудник оперативных служб) или общим субъектом, то есть физическим лицом, достигшим возраста 16 лет (например, общественный помощник следователя, студент-практикант).

Другое лицо будет выступать субъектом преступления лишь в том случае, если он выполняет объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание. В таком случае следователь или дознаватель знают о действиях другого лица либо преступление совершается в их присутствии и они не возражают, не пресекают незаконные действия другого лица.

Таким образом, субъективными признаками преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, являются:

– прямой умысел субъекта преступления;

– получение от потерпевшего тех показаний или заключения, которые требуются субъекту преступления – цель преступления;

– любой мотив преступления;

– субъект преступления – должностное лицо, обладающее полномочиями следователя или дознавателя в определенных случаях, предусмотренных УПК РФ либо другое лицо с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

Способы защиты репутации делового характера физических и юридических лиц

Methods of Protecting the Business Reputation of Individuals and Legal Entities

Снигирева Софья Евгеньевна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Snigireva Sofia Evgenievna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В данной научной статье рассматривается вопрос о понятии и сущности репутации делового характера в российском гражданском праве, а также основные способы и пределы защиты этой репутации делового характера физических и юридических лиц в рамках современного правового государства в Российской Федерации.

Ключевые слова: деловая репутация, гражданское право, пределы защиты, защита прав физических лиц, юридическое лицо.

Abstract. This scientific article examines the question of the concept and essence of business reputation in Russian civil law, as well as the main ways and limits of protecting this business reputation of individuals and legal entities within the framework of the modern rule of law in the Russian Federation.

Key words: business reputation, civil law, limits of protection, protection of the rights of individuals, legal entity.

Деловая репутация по смыслу закона не является собственностью, но, тем не менее, имеет весьма специфическую ценность. Таким образом, это один из факторов, оказывающих существенное влияние на курсовую стоимость акций акционерных обществ, участвующих на фондовом рынке.

Деловая репутация – это нематериальное благо, имеющее высокую ценность для любых хозяйствующих субъектов в конкурентной среде, поскольку положительная репутация юридического лица либо индивидуального предпринимателя привлекает клиентов и потенциальных контрагентов, что влечет за собой увеличение прибыли. И любое умаление репутации делового характера, путем распространения ложной информации о качестве товаров либо услуг, либо о надежности хозяйствующего субъекта при выполнении им своих обязательств по договору, приводит к убыткам[1].

В таких случаях, когда необходимо защитить деловую репутацию, сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с выбором способов ее защиты. Но, несмотря на немалый перечень способов защиты, предложенных законодателем, и актуальность правовых отношений, которые связаны с защитой репутации делового характера юридических лиц, в существующем механизме защиты имеются недостатки, которые необходимо устранить.

Статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ) указывает, что моральный вред может быть причинен только физическому лицу. Физические и моральные страдания не могут быть причинены юридическому лицу. Тем не менее, как отмечалось выше, статья 152 ГК РФ, предусматривающая защиту чести, достоинства и репутации делового характера, гласит, что правила о защите репутации делового характера гражданина применяются соответственно к защите репутации делового характера юридического лица. И среди этих правил есть не только возмещение ущерба, однако и компенсация морального ущерба. Исходя из этих положений, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 10 от 20 декабря 1994 года разъяснил, что правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи

[1] Булаевский Б. А. Гражданское право. Сроки. Исковая давность. Учебное пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2019. С. 80.

с распространением информации, порочащей деловую репутацию гражданина, применяются также в случаях распространения такой информации в отношении юридических лиц[2].

Способы защиты репутации делового характера можно разделить на две группы: общие и специальные. Общие способы защиты гражданских прав перечислены в статье 12 ГК РФ. Специальные способы гражданско-правовой защиты права юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на деловую репутацию перечислены в статье 152 ГК РФ, а именно они представляют собой:

1) опровержение распространенной информации;

2) опубликование ответа на распространенную информацию лицом, в отношении которого распространялась информация, порочащая деловую репутацию;

3) замену либо отзыв документа, являющегося источником распространения проблемной информации;

4) удаление информации, если опровержение не может быть доведено до сведения общественности из-за распространенности информации;

5) изъятие и уничтожение копий материальных носителей, содержащих информацию, порочащую деловую репутацию, без какой-либо компенсации, если невозможно удалить соответствующую информацию без уничтожения таких материальных носителей;

6) признание информации недостоверной;

7) возмещение ущерба;

8) компенсацию морального вреда.

Поскольку вышеперечисленные методы имеют свои особенности правоприменения, мы проанализируем некоторые из них более подробно. Опровержение – это первый особый способ защиты репутации делового характера. Опровержение – это способ защиты, направленный на принуждение лица, распространившего информацию, порочащую деловую репутацию, к распространению новой информации о несоответствии предыдущей действительности. В этом случае опровержение должно быть сделано таким же образом, что дает возможность информировать лиц, получивших информацию, при распространении ложной информации[3].

Эти меры, по мнению законодателя, помогут избежать негативных последствий, однако здесь стоит учитывать, что опровержение может способствовать возобновлению негативной информации в памяти граждан и это приведет к еще худшему положению пострадавшего. Также важно не путать публикацию опровержения как способ защиты права на деловую репутацию с публикацией ответа, т.е. текста, исходящего от лица, чьи права и законные интересы затронуты распространением определенной информации. Их разграничение не представляет существенных трудностей, однако путаница такого рода возникает в исковых заявлениях.

В то же время законодатель предусмотрел возможность публикации ответа в тех же средствах массовой информации вместе с опровержением, что может быть более эффективным, чем использование только опровержения в качестве метода защиты. Еще один способ защитить деловую репутацию – отозвать документ либо заменить его. Целью данного способа защиты является устранение документа, содержащего информацию, порочащую деловую репутацию, либо его замена. Таким образом, если опровержение и публикация ответа направлены на устранение последствий, вызванных распространением ложной информации, то данный метод защиты, а также изъятие и уничтожение копий материальных носителей, направлен на предотвращение негативных последствий, поэтому он более эффективен[4].

Одним из наиболее спорных способов защиты репутации делового характера является компенсация морального вреда. На основании пункта 9 статьи 152 ГК РФ данным способом защиты могут пользоваться только индивидуальные предприниматели, что ставит их в неравное положение с юридическими лицами, для которых аналогичный способ защиты не предусмотрен. Это неравенство приводит к тому, что юридическое лицо имеет право требовать от распространителя ложной информации только фактически понесенный им ущерб, в то время как индивидуальный предприниматель имеет право требовать компенсации сверх причиненного ему ущерба. Сложившаяся ситуация была исправлена Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24.02.2005 г., которое разрешило использовать положения о компенсации морального вреда в отношении юридических лиц. Это Постановление расширило права юридических лиц на защиту своей репутации делового характера, однако необходимо учитывать, что Постановление Пленума Верховного Суда не является источником права, и эти положения должны быть закреплены в ГК РФ путем внесения изменений.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель предусмотрел множество способов защиты репутации делового характера, однако не все из перечисленных способов защиты являются эффективными. Также в действующем законодательстве,

[2] Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. Т. 2. С. 560.

[3] Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2016. Т. 2. С. 528.

[4] Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. Т. 1. С. 528.

регулирующем защиту репутации делового характера, имеются недостатки, которые необходимо устранить путем внесения изменений.

Библиография

1. Аюшеева, И. З., Богданова, Е. Е., Булаевский, Б. А. Гражданское право. Учебник. В 2 томах. Том 1. – М.: Проспект, 2020.

2. Белов, В. А. Гражданское право. В 4 томах. Том 3. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. В 2 книгах. Книга 1. Формы отношений принадлежности вещей. Учебник. – М.: Юрайт, 2017.

3. Богданова, Е. Е., Богданов, Д. Е., Василевская, Л. Ю. Гражданское право. Учебник. В 2 томах. Том 2. – М.: Проспект, 2020.

4. Булаевский, Б. А. Гражданское право. Сроки. Исковая давность. Учебное пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2019.

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. Т. 2.

6. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. Т. 1.

7. Гражданское право. Учебник. В 2 томах. Том 2 / под ред. Степанова С. А. – М.: Проспект, 2019. 928 с.

8. Гражданское право. Учебник. В 3 томах. Том 1 / под ред. Сергеева А. П. – М.: Проспект, 2020. 1040 с.

Уклонение от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного при условном осуждении: понятие, признаки

Evasion of the Commitments Imposed by the Court on the Convicted Person under Suspended Sentence: Idea, Characteristics

Созонтова Юлия Дмитриевна,

обучающийся 3 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Sozontova Yuliya Dmitrievna,

3 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с реализацией ответственности за уклонение лиц, условно осужденных по приговору суда от исполнения возложенных на них обязанностей. Рассматриваются критерии признания уклонения простым и систематическим.

Ключевые слова: условное осуждение; исполнение возложенных обязанностей; уклонение, систематическое неисполнение.

Abstract. The article discusses theoretical and practical issues related to the implementation of responsibility for the evasion of persons concerned about the court sentence from the execution of duties assigned to them. The criteria for recognizing evasion by simple and systematic.

Key words: suspended sentence; discharge duties; evasion; systematically non-execution.

В законодательстве и судебной практике большинства современных стран широко используется институт условного осуждения, который, являясь эффективной уголовно-правовой мерой, способствует сокращению применения реальных наказаний и прежде всего лишения свободы[1].

Статья 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Условное осуждение» содержит положения о видах наказания, которые могут назначаться условно, об общих началах его назначения, об установлении испытательного срока, о возможности назначения дополнительного наказания, о возложении на осужденного дополнительных обязанностей и об осуществлении контроля за поведением условно осужденного.

В соответствии со ст. 73 УК РФ суд сначала обязан назначить виновному наказание, т.е. осудить его, и только затем решить вопрос о применении или неприменении условного осуждения. При применении условного осуждения, у осужденного в период всего испытательного срока сохраняется судимость, т.е. можно сказать, что условным является наказание, а осуждение – безусловно. Условным считается только основное наказание[2].

Условное осуждение заключается в том, что суд, вынося обвинительный приговор и, назначая осужденному конкретный вид и размер наказания, постановляет считать назначенное наказание условным, т.е. не приводит его в исполнение под условием выполнения осужденным определенных требований.

[1] Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. С. А. Балеев, Б. С. Волков, Л. Л. Кругликов и др.; 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. С. 274.

[2] Медведев Е. В. Понятие и сущность условного осуждения как инструмента уголовно-правового воздействия // Общество и право. № 2.: изд. ФГОУ ВПО Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 107-111.

Все обязанности, возлагаемые судом на условно осужденных, можно классифицировать следующим образом:

1) перечисленные в ст.73 УК РФ;

2) не перечисленные в данной статье УК РФ, а также в зависимости от того, какие права и свободы личности затрагиваются. Обязанности можно подразделить на следующие группы:

– меры, ограничивающие право выбора места жительства или работы. Например, менять место жительства;

– меры, ограничивающие сферу передвижения лица в пределах определенного места жительства. Например, запрет пребывания в определенных местах;

– меры, ограничивающие сферу антисоциального поведения подконтрольных лиц. Например, возложенные обязанности пройти курс противоалкогольного, наркотического лечения.

Эти обязанности должны способствовать исправлению условно осужденного и не противоречить действующему законодательству и нормам морали. Например, обязать осужденного в определенный срок устранить причиненный преступлением имущественный вред, уведомить об изменении места жительства или учебы и т.д.

Суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

Обязанности, возлагаемые на осужденного судом, должны быть нацелены на усиление воспитательного воздействия наказания и облегчения контроля за условно осужденными, справедливыми, рациональными и реально исполнимыми. Справедливо оставить за судом право возлагать на виновного индивидуальные обязанности. Таким образом, суд создаст базу для исправления условно осужденного, поручив достижение этой цели специализированному государственному органу[3].

Контроль за поведением условно осужденного осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом – уголовно-исполнительной инспекцией (УИИ), а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений.

Уголовно-исполнительные инспекции ведут персональный учет условно осужденных в течение испытательного срока, с участием сотрудников органов внутренних дел контролируют соблюдение ими общественного порядка и исполнение возложенных судом обязанностей. Условно осужденные, в свою очередь, обязаны являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию. При неявке без уважительных причин условно осужденный в соответствии с ч. 4 ст. 188 УИК РФ может быть подвергнут приводу.

Для эффективной реализации условного осуждения большое значение имеет правильное решение вопроса о его правовых последствиях, что в целом зависит от поведения лица в течение установленного судом испытательного срока, от характера его постпреступного (положительного или отрицательного) поведения.

При этом положительное (правомерное) поведение поощряется и стимулируется законом и влечет благоприятные последствия для осужденного, а отрицательное – запрещается, т.е. влечет для осужденного нежелательные правовые последствия. Нормы об условном осуждении, в которых указывается посткриминальное поведение, учитывая характер поведения осужденного, можно классифицировать:

– положительное поведение – правомерное поведение осужденного (ч. 1 ст. 74 УК РФ), т.е. если осужденный своим поведением доказал исправление, полностью или частично возместил вред, причиненный преступлением, это может повлечь отмену условного осуждения и снятие судимости, но условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока. Практика применения условного осуждения показывает, что большинство условно осужденных оправдывают оказанное им доверие;

– отрицательное поведение – уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей, от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением или совершение им нарушений общественного порядка (ч. 2 ст. 74 УК РФ), что может повлечь продление испытательного срока, но не более чем на один год; уклонение в течение продленного испытательного срока в связи с уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, систематическое уклонение от возмещения указанного вреда, что может повлечь отмену условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда (ч. 2.1 ст. 74 УК РФ).

Если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо скрылся от

[3] Кобец П. Н. Совершенствование механизма института условного осуждения в современной России / П. Н. Кобец // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – М.: ИГ Юрист. 2009. № 4. С. 41.

контроля, суд по представлению уполномоченного органа может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда (ч. 3 ст. 74 УК РФ), что также может повлечь отмену условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда..

Систематическим неисполнением возложенных обязанностей признается совершение запрещенных или невыполнения предписанных условно осужденному действий более двух раз в течение 1 года или продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей, возложенных судом. Систематическое нарушение общественного порядка – это совершение осужденным двух и более нарушений общественного порядка в течение одного года, за что он привлекался к административной ответственности. Уклонение условно осужденного от контроля значит, что он скрылся и его местонахождение в течение 30 дней не установлено (ч.ч. 5 и 6 ст. 190 УИК РФ)[4].

Наступление негативных правовых последствий, вследствие неэффективной реализацией условного осуждения – это результат или неправильного применения условного осуждения на стадии судебного производства, или его ненадлежащего исполнения.

Позитивные правовые последствия наступают в случае действенного контроля за осужденным на стадии исполнения.

Если же возможность исправления виновного без отбывания наказания не подтверждена реальными гарантиями, то наступление негативных последствий условного осуждения возможно независимо от деятельности государственных органов и общественности на стадии исполнения.

Таким образом, можно сделать вывод что: «простое» (однократное) или неоднократное уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на условно осужденного, являющееся основанием для вынесения представления о продлении испытательного срока и последующего письменного предупреждения осужденного о возможности отмены условного осуждения, может выражаться:

а) в совершении запрещенных действий, таких, как посещение определенных мест или смена постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа не более двух раз в течение одного года;

б) в неисполнении возложенных обязанностей, таких, как прохождение курса лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении продолжительностью не свыше 30 дней.

Анализ судебной практики показывает, что суды при удовлетворении ходатайств УИИ не всегда учитывают подлежащие проверке юридически значимые обстоятельства, свидетельствующие о совершении осужденным умышленных действий, образующих уклонение от исполнения возложенных обязанностей или их систематическое неисполнение.

Неоднозначно решается в судебной практике вопрос о «зачете» при признании систематичности допущенных условно осужденным действий нарушений, за которые ранее судом был продлен испытательный срок или вынесено письменное предупреждение об отмене условного осуждения.

Например, Хабаровский краевой суд удовлетворил апелляционную жалобу осужденного и отменил постановление Хабаровского районного суда Хабаровского края, которым было удовлетворено представление ФКУ УИИ УФСИН России по Хабаровскому краю об отмене условного осуждения, указав: в постановлении от 21.10.2017 суд повторно учел предупреждения об отмене условного осуждения от 20.02.2017, 20.03.2017 и 03.04.2017, поскольку они уже были учтены вступившим в законную силу постановлением суда от 04.05.2017 и поскольку уже были предметом оценки и исследования суда первой инстанции, вынесшего законное решение, повторно учитываться не могут. Кроме того, суд необоснованно учел предупреждения об отмене условного осуждения от 03.10.2017 и 16.10.2017, поскольку данные предупреждения вынесены за нарушения, допущенные после поступления материалов в суд, т.е. в представлении они не изложены и о данных нарушениях суду стало известно в процессе рассмотрения дела.

При указанных обстоятельствах суд необоснованно признал, что осужденный систематически уклонялся от исполнения обязанностей, возложенных судом[5].

Таким образом, суд апелляционной инстанции не посчитал возможным включить в объем неисполненных обязанностей, образующих систематичность, те нарушения, на которые УИИ уже отреагировала в виде ранее вынесенных письменных предупреждений об отмене условного осуждения и которые были учтены при принятии решения о продлении испытательного срока. Однако такую практику нельзя признать устоявшейся, есть и иные подходы к оценке систематичности.

При этом позднее получило закрепление в п. 11.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 № 21 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства об исполнении приговора»: «Судам следует иметь в виду, что исходя из положений части 3 статьи 74 УК РФ и части 5 статьи 190 УИК РФ при разрешении вопроса об отмене условного осуждения должны учитываться все... факты неисполнения возложенных на него обязанностей, в том числе и до объяв-

[4] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 03.02.2014). – М.: изд. «Эксмо». 2014.

[5] Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 19 декабря 2017 г. № 22-3917/2017.

ления условно осужденному предупреждения, либо продления ему испытательного срока, либо возложения на него дополнительных обязанностей».

Из этого следует, что в объем понятия «систематическое неисполнение» возложенных обязанностей должны быть включены и те нарушения (факты уклонения), которые ранее уже были положены в основу вынесенных предупреждений, и решения о продлении испытательного срока. Такое решение можно расценить и как двойной учет одного и того же проступка при реализации ответственности за его совершение, что не в полной мере отвечает содержанию принципа справедливости.

Библиография

1. Жевлаков, Э. Условная свобода // Уголовное право. 2002. № 3. С. 18.

2. Кобец, П. Н. Совершенствование механизма института условного осуждения в современной России / П. Н. Кобец // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – М.: ИГ Юрист. 2009. № 4. С. 41.

3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Науч. ред. А. С. Михлин. – М., 2008.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): В 2 т. / Под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 1. – М., 2015.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. Общая часть (постатейный) (том 1) / Отв. ред. В. М. Лебедев. – М., 2017.

6. Медведев, Е. В. Понятие и сущность условного осуждения как инструмента уголовно-правового воздействия // Общество и право. № 2.: изд. ФГОУ ВПО Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 107-111.

7. Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. – М., 1997.

8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. С. А. Балеев, Б. С. Волков, Л. Л. Кругликов и др.; 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009.

9. Энциклопедия уголовного права. Т. 9. Назначение наказания. – СПб., 2008.

10. Яковлева, Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве. – М., 2002.

Посессорный интердикт как средство защиты владения в римском праве

Possessional interdict as a means of protecting possession in Roman law

Тамлиани Диана Маизеровна,

обучающийся 2 курса по программе магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Tamliani Diana Maizerovna,

2 years Master's student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В работе представлен авторский анализ становления и развития посессорного интердикта как средства защиты владения в римском праве. Несмотря на длительный путь появления и формирования этого средства защиты владения в гражданском праве автор делает вывод о том, что система римских интердиктов легла в основу средневековых исков и современных исков для защиты права владения в Англии и Германии.

Ключевые слова: интердикт, средство защиты владения в римском праве, институт владения и владельческая защита, проблемы защиты владения.

Abstract. The paper presents the author's analysis of the formation and development of possessory interdict as a means of protecting ownership in Roman law. Despite the long history of the emergence and formation of this means of protection of ownership in civil law, the author concludes that the system of Roman interdicts formed the basis of medieval lawsuits and modern lawsuits for the protection of ownership in England and Germany.

Key words: interdict, a remedy for possession in Roman law, the institution of tenure and proprietary protection, problems of defending possession.

В любом современном и развитом обществе обладание вещью или иным имуществом (движимым или недвижимым) пользуется охраной от посягательства со стороны третьих лиц. Благодаря римскому праву в настоящее время человечеству известна охрана владения в его классическом понимании.

Впервые в Риме принцип охраны владения имуществом был провозглашен претором. На данный момент неизвестно, почему и зачем претор решил охранять владение, потому споры ученых не угасают до сих пор. Можно предположить, что римский претор, руководствуясь общей идеей охраны гражданского мира и правопорядка, в том смысле, что он был против частного самоуправства, впервые создал преторский посессорный (владельческий) интердикт. Сама по себе идея гражданского правопорядка в сфере вещных отношений должна была привести претора к обязанности охраны факта владения имуществом от различных покушений на самоуправство со стороны третьих лиц. Любые проявления самоуправства, и даже те, которые исходили от лиц, имеющих право на вещь, подрывали систему общественного порядка. Главной задачей претора было обеспечение данного порядка. Существует мнение, что по этой причине и возникли посессорные интердикты и, как можно заметить, довольно рано: они упоминаются уже у Плавта, то есть приблизительно за 200 лет до нашей эры. Но возникли они не сразу в том виде, в каком мы их встречаем сейчас. Долгое время практика преторов шла на ощупь, колебалась от случая к случаю, руководствуясь не столько ясным сознанием или общими принципами, сколько непосредственными запросами жизни общества. Пройдя множество этапов исторического развития, посессорные интердикты преобразовалась в нынешние иски о защите владения. Так как римские интердикты легли в основу защиты владения настоящего гражданского права, нам важно определить сущность интердиктов и их виды.

Изначально в римском праве владение воспринималось исключительно в качестве факта, состояния фактического господства лица над вещью. Данная категория была четко отграничена и не касалась вопросов права лица на вещь (jus possidendi)[1]. Впо-

[1] Покровский И. А. История римского права. – СПб, изд.-торг. дом «Летний сад», 1999.

следствии были выработаны и иные подходы. Так, к примеру, Р. Иеринг считал, что владение является видимостью собственности и ее выражением извне[2]. Другой аргумент сторонников данной теории заключается в том, что владение является правом, так как может быть обеспечено судебной защитой, а нарушение владения является нарушением прав (бывшего) владельца. В противовес данной позиции К. Г. Брунс считал, что сама по себе защита владения преследует исключительно самостоятельную цель в виде восстановления владения (самого фактического состояния), но не права лица. Анализируя зарубежные источники, стоит привести в пример положения Германского гражданского уложения. Согласно первому пункту § 884 ГГУ владение хотя и признается фактическим господством лица над вещью, однако, как следует далее из указанной нормы, «для приобретения владения достаточно соглашения прежнего владельца с приобретателем, если приобретатель в состоянии осуществлять господство над вещью». Таким образом, в немецком законодательстве появляется особая конструкция вещного договора, которую не учли разработчики отечественного Проекта, благодаря которой владение перестает быть просто фактическим состоянием, а приобретает правовую природу на основании соглашения сторон[3]. Несмотря на схожесть формулировок статьи 209 Проекта и § 884 ГГУ, подход российских разработчиков отличается.

Владельческая (посессорная) защита означает защиту владения как реального господства лица над вещью, вытекающего из фактического, физического отношения лица к предмету владения. Мы подразумеваем владение как вспомогательный институт вещного права, а не элемент субъективного вещного права. Стоит отметить, что владение хоть и является фактическим господством над вещью, при этом не может быть признан факт владения в истинном смысле, если отсутствует воля лица владеть вещью.

В цивилистической доктрине основания посессорной защиты принято разделять на две категории: относительные (защита владения имеет свое основание не в самом владении, а в чем-то еще) и абсолютные (основание защиты владения лежит в самом владении). К относительным теориям можно отнести: 1) защита в целом правопорядка от самоуправства частных лиц (Ф. Савиньи); 2) защита личности (И. Покровский); 3) защита владение как видимости собственности; 4) защита владение как начинающейся собственности; 5) защита владения как реальности собственности (Р. Иеринг). К абсолютным теориям можно отнести: 1) защита воли (К. Брунс); 2) защита фактического состояния вещей.

Например, в случае, если спящему кто-нибудь положил вещь в руку, это не будет являться владением. По тому же основанию нельзя признать владения, которые были приобретены недееспособными лицами, например, безумными, малолетними и т.п., ибо их воля юридически не признается. Данные лица «affectionem tenendi non habent». Поэтому римские юристы утверждали, что для факта наличия possessio обязательно нужны два элемента – corpus possessionis, фактическая власть над вещью, и animus possidendi, воля владеть. Таким образом, владение приобретается только в том случае, когда оба элемента соединяются в одном лице, при этом владение теряется, когда одного из элементов нет. То есть, говоря о владельческой (посессорной) защите, мы имеем в виду фактическое господство лица над вещью независимо от вопроса о праве на него (ius possidendi) и способах его приобретения (causa possessionis)[4].

Владение характеризовалось в римском праве самостоятельной защитой, причем она предоставлялась не путем судебного разбирательства, поскольку ему подлежали только споры о праве, а с помощью административных средств – преторских интердиктов. Для применения интердиктов, которые при защите владения получили название посессорных, необходимо было доказать два обстоятельства: факт владения и нарушение владения.

Отличительной чертой всех посессорных интердиктов являлось наличие запрета на споры о праве владение. Интересно то, что в процессе о защите владения процессуальный порядок был таким же, как и в исковом процессе, но при этом была облегчена внешняя форма и отброшены определенные формальности[5]. Интердикты были двух видов: interdicta retinendae possessionis (интердикты, которые направлены на удержание существующего владения) и interdicta recuperandae possessionis (интердикты, которые направлены на возврат утраченного владения). Интердикты разделялись в зависимости от нарушаемого владения или восстановлении утерянного владения. Существовало два вида интердикта retinendae possessionis. Для защиты владельца недвижимой вещи применялся интердикт uti possidetis (поскольку владеете), а для защиты владения движимой вещи применялся интердикт utrubi possidetis (кто из двоих владеет). Название этих интердиктов

[2] Иеринг Р. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении / Сочинение д-ра Рудольфа фон-Иеринга; Перевод с немецкого второго исправленного и дополненного издания. – М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1883.

[3] Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // СПС Консультант (дата обращение 17.02.2021).

[4] Василевская Л. Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения / Л. Ю. Василевская // Цивилист. 2011. № 1. С. 48-54.

[5] Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве: Монография / А. В. Коновалов. Изд. 2-е, доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

появились от начальных слов формулы, произнесенной чиновником.

Интердикт uti possidetis (поскольку владеете) применялся преторами в зависимости цели. Известно, что интердикт uti possidetis строился по двум конструкциям, в одной из которых было два варианта решения. Первая конструкция интердикта uti possidetis применялась в случае, когда собственник, который лишен владеть вещью, просил выдачи интердикта о передаче ему владения недвижимым имуществом, так как в процессе о праве собственности владелец вещи являлся ответчиком. В таком случае доказывание права собственности ложилось на невладеющего истца. В этой конструкции претор мог прийти к двум выводам: либо оставить вещь у владельца, либо приказать лицу, владеющему вещью, передать вещь противнику, если было выяснено, что владение приобретено vi, clam, precario (насильственно, тайно или посредством прекария).

Что касается второй конструкции интердикта uti possidetis, то она имела место в случае, когда одно лицо нарушает владение недвижимой вещью другого лица. В данной ситуации претор приказывал прекратить нарушение, кроме того возместить убытки.

Так же стоит отметить отличительные черты интердикта utrubi possidetis (кто из двоих владеет). Данный интердикт был создан для восстановления владения движимой вещью, давался одному из двух претендентов на владение при условии, что лицо было владельцем вещи большую часть последнего года и владение было приобретено правомерно. Современные ученые отмечают тот факт, что в период правления Юстиниана интердикты utrubi possidetis и uti possidetis слились в один, то есть правила интердикта uti possidetis начали распространяться на интердикт utrubi possidetis.

Интердикт recuperandae possessionis (интердикт, который направлен на возвращение утраченного владения) делился на два вида интердиктов: interdictum unde vi (интердикт для насильственно лишенного владения), interdictum de precario (интердикт для передавшего вещь в прекарий). Начнем с интердикта unde vi. Он принадлежал владельцу недвижимого имущества, которого насильственно изгнали с земельного участка. Насилие, как правило, должно было быть направлено непосредственно на владельца или его представителя. Насилие могло выражаться в изгнании владельца с недвижимого участка (dejectio), а также в угрозах владельцу, вследствие чего он оставил земельный участок, или в том, что третье лицо не пускало владельца на его собственный участок. Ответчиком по интердикту unde vi являлось лицо, которое виновно в насилии. В таком случае не имело значения, владело ли оно участком в момент спора или уже перестало им владеть. Известно, что в период правления Юстиниана было установлено, что в соответствии с интердиктом unde vi отвечал и тот, кто занял земельный участок в отсутствие владельца. Лицо, которое захватило участок по данному интердикту был обязан возместить «интерес» (т.е. вознаграждение за убытки). Вознаграждение за убытки включало в себя помимо возвращения права владения недвижимой вещью и плодов со времени нарушения (dejectio), также возвращение движимых вещей, которые находились непосредственно на участке во время нарушения (dejectio).

Interdictum de precario выдавался в случае, если лицо (precario accipiens) владело какой-либо вещью на основании precarium (прекария) и не отдало вещь по требованию precario dans (лица, передавшего вещь в прекарий). В данном случае лицо было обязано вернуть вещь и обязательно выплатить убытки. Отличительной чертой данного интердикта является то, что в нем имелась возможность сослаться на право[6].

Говоря о различных интердиктах, существовавших в Риме, стоит рассмотреть вопрос о влиянии указов претора на современные правовые нормы, то есть нашли ли свое отражение посессорные интердикты в правоприменительной практике современного гражданского права. Анализ научной литературы, посвященной данной сфере исследований, позволяет выявить определенную закономерность в выборе авторами документов, выступающих в качестве объекта изучения. Подавляющее большинство исследователей при рассмотрении вопросов о влиянии римского частного права на современные правовые институты используют Институции Гая, а также имеющие большую популярность в научных кругах Дигесты Юстиниана. Также в сочинениях на указанную тему часто упоминаются Институции Юстиниана.

Так, С. А. Муромцев, исследуя вопрос о владельческой защите в Древнем Риме, указывал: в каждом судебном споре о праве собственности (виндикация) возникал важный вопрос – у кого из тяжущихся, истца или ответчика, должна остаться вещь на время самого спора. Сначала претор мог разрешать этот вопрос в каждом отдельном случае по своему усмотрению, приказывая (интердикт), чтобы вещь осталась у той стороны, которая, в его глазах, представляла наибольшее ручательство в сохранности и исправном содержании вещи; такое обладание вещью на время процесса получило название владения (possesio). Кто получал владение, тот становился ответчиком, кто не получал его, тот занимал место истца, и, следовательно, на него ложилось бремя доказывания (onus pro-bandi). В Концепции развития гражданского законодательства говорилось об административной защите (п. 1.7). В проекте федерального закона № 47538-6, принятом во втором чтении, предусмотрена возможность обращения к уполномоченным государственным органам или органам местного

[6] Скловский К. И. Об идеологии защиты владения в современном гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В.Н. Литовкин, В.А. Рахмилович. – М., 2000. С. 113.

самоуправления, которые определены законом (п. 3 ст. 215 Проекта).

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что Кодекс Юстиниана наряду с другими элементами его кодификации оказал косвенное, но весьма значительное влияние гражданского законодательства, что выразилось как в терминологии и структуре Кодекса, так и в конкретных положениях, заимствованных законодателем из источников, прямо реципировавших нормы римского права.

Кроме того, стоит отметить отдельные правовые положения, содержащиеся в Дигестах Юстиниана, которые регулируют отношения в области посессорного права и нормы действующего законодательства, которые нашли в них отражение. Например, наследование по преторскому праву. Реформы, осуществленные в области наследования претором, начались еще в республиканский период («преторское» наследование упоминается в сочинениях Цицерона) и завершились в эпоху принципата. Претор создал особый интердикт – interdictum quorum bonorum для ввода во владение наследственным имуществом. Претор действовал в этих случаях iuris civilis adiuvandi gratia – в целях содействия применению, развитию цивильного права. Тем самым он служил, разумеется, интересам имущих слоев населения, ибо наследниками, хотя бы и по завещанию, чаще всего были лица, связанные с наследодателем, обладателем наследственного имущества, кровною или иною личною связью. Однако скоро оказалось, что интересы господствующих классов в области наследования сложны и разнообразны, и в частности не всегда оказывалось приемлемым правило, в силу которого в тех случаях, когда ближайший наследник не принимал наследства, оно, не переходя к дальнейшему по порядку призвания к наследованию, становилось выморочным и в древнейшем праве бесхозяйным, а, следовательно, могло быть присвоено любым лицом. Для устранения этой последней возможности претор стал давать в таких случаях honorum possessio следующему по порядку родственнику, то есть допускал в отличие от цивильного права так называемое successio graduum et ordinum. В этом случае претор действовал уже iuris civilis supplendi gratia – в целях восполнения цивильного права. Наконец, с распадением старой земледельческой семьи претор признал несоответствующим новым жизненным условиям сложившееся в древнейшие времена устранение эманципированных, то есть освобожденных от patria potestas детей, от наследования после отца, и honorum possessio стала предоставляться эманципированным детям. В таких и однородных случаях претор действовал уже iuris civilis corrigendi gratia – в целях исправления цивильного права, утверждая, таким образом, когнатическую кровную связь в качестве основы наследования по закону. На первых порах претор предоставлял honorum possessio после исследования в каждом отдельном случае обстоятельств дела (causae cognitio) и вынесения личного решения (decretum), вследствие чего полученная таким образом honorum possessio называлась honorum possessio decretalis. Но когда в практике сложились некоторые правила об условиях, при которых предоставляется honorum possessio, преторы стали вносить эти правила в эдикт, causae cognitio отпала, и для получения honorum possessio достаточно было доказать наличие условий, с которыми эдикт связывал ее предоставление. Сложившаяся таким образом honorum possessio edictalis была уже устойчивым институтом римского права.

Сделать bonorum possessor'a цивильным наследником претор не мог, он и называл его не наследником, а possessor'ом, обладателем наследственного имущества, но создавал для него положение по существу однородное с положением цивильного наследника, предоставляя ему иски последнего в качестве actiones in factum: honorum possessor и становился heredis loco (I. 3. 9. 2).

В то же время, отказывая цивильному наследнику в исках для получения наследства, претор оставлял за таким лицом одно лишь имя heres. Так наряду с цивильной системой наследования сложилась преторская система, которой суждено было, по существу, парализовать действие цивильной системы. Императорским законодательством до Юстиниана было закреплено наследование по jus honorum. Юстиниан изменил порядок призвания наследников по закону, провел дальнейшую разработку института необходимого наследования, унифицировал завещательные распоряжения (новеллы118 (543 г.), 127 (548 г.); 115 (542 г.).

Стоит отметить, что титулы о наследовании нашли свое отражение в нормах гражданского законодательства, а именно в разделе «Наследственное право» в третьей части Гражданского кодекса РФ. Говоря об интердикте honorum possessio, который предполагал передачу наследства следующему по порядку родственнику, отметим главу 63 ГК РФ, в которой раскрываются общие положения и конкретизирующие нормы порядка наследования по закону. В нормах действующего гражданского законодательства явно отражены правовые истоки римского частного права.

Таким образом, посредством интердиктов в римском праве была разработана сложная многозадачная система защиты фактических отношений по владению, которая затем легла в основу институтов владения и владельческой защиты современных правопорядков.

Библиография

1. Бевзенко, Р. С. Защита добросовестно приобретенного владения в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 10.

2. Василевская, Л. Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения / Л. Ю. Василевская // Цивилист. 2011. № 1. С. 48-54.

3. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VI, полутом 2. – М. : Статут, 2005. – 564 с.

4. Иеринг, Р. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении / Сочинение д-ра Рудольфа фон-Иеринга; Перевод с немецкого второго исправленного и дополненного издания. – М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1883. – 179 с.

5. Иеринг, Р. Теория владения / Пер. Е. В. Васьковского. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1895. – 48 с.

6. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд., стереот. – М.: Статут, 2020. – 351 с.

7. Покровский, И. А. История римского права. – СПб, изд.-торг. дом «Летний сад», 1999. – 430 с.

8. Покровский, И. А. Основные вопросы владения в новом германском уложении / Покровский И. А. – Киев : типография Императорского Университета св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1899. – 27 с.

9. Скловский, К. И. Об идеологии защиты владения в современном гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. – М., 2000. С. 113.

10. Суханов Е. А. К понятию вещного права / Е. А. Суханов // Гражданское право. 2004. № 1. С. 11.

11. Суханов, Е. А., Кофанов, Л. Л. Влияние Римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 7-17.

Преюдиция в государственных и третейских судах

Prejudice in state and arbitration courts

Фоминых Александр Владимирович,

обучающийся 4 курса по программе бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Шмырина Анастасия Сергеевна,

обучающийся 4 курса по программе бакалавриата Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Fominykh Alexander Vladimirovich,

4 years undergraduate student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Shmyrina Anastasia Sergeevna,

4 years undergraduate student
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы преюдициальности арбитражных и третейских решений. Анализируются два актуальных вопроса: преюдициальности решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в отношении третейского суда, применение института преюдиции в третейском разбирательстве.

Ключевые слова: преюдиция, третейский суд, арбитраж, государственный суд, АПК, ГПК, процессуальное законодательство.

Abstract. The article deals with the issues of prejudice of arbitration and arbitration awards. Two topical issues are analyzed: the prejudice of decisions of courts of general jurisdiction and arbitration courts in relation to an arbitration court, the use of the institution of prejudice in arbitration proceedings.

Key words: prejudice, arbitration court, arbitration, state court, APC, Code of Civil Procedure, procedural legislation.

Всем известно, что решения одних государственных судов являются преюдициальными для других, а вопрос о том, как соотносятся в этом плане решения третейских судов и решения государственных судов, является спорным в юридической науке. Поэтому целью данной статьи является изучение проблемы правоприменения правового института преюдиции в гражданском и арбитражном законодательстве.

Термин «преюдиция» латинского происхождения (от лат. praejudicialis) – «относящийся к предыдущему судебному решению».

В Российской Федерации, данный правовой институт регулируется ст. 61 и ч. 2 ст. 209 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК)[1], ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК)[2], а также ФЗ от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»[3].

Анализируя данные нормативные правовые акты, понятие преюдиции можно сформулировать следующим образом. Преюдиция как правовой институт подразумевает под собой освобождение

[1] Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 02.03.2021 [принят Государственной Думой 23.10.2002, одобрен Советом Федерации 30.10.2002]. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

[2] Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 18.12.2020 [принят Государственной Думой 14.06.2002, одобрен Советом Федерации 10.07.2002]. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

[3] Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 27.12.2018 [принят Государственной Думой 15.12.2015, одобрен Советом Федерации 25.12.2015]. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

от необходимости повторного доказывания обстоятельств и фактов, которые ранее были установлены и зафиксированы судом во вступившем в законную силу судебном решении.

Такое свойство решения по гражданским и арбитражным делам как преюдициальность заключается в том, что лица, участвующие в деле, и их правопреемники не вправе оспаривать в другом процессе факты и правоотношения, установленные решением суда[4].

В российской правовой науке уже давно существуют споры, касающиеся распространения преюдициальности на третейские суды. Одним из вопросов, которые поднимают ученые является следующее: могут ли обстоятельства, которые были установлены при производстве по делу и закреплены вступившим в законную силу актом государственного суда, не подлежать доказыванию в третейском разбирательстве?

Появление такого вопроса оправдано отсутствием надлежащего правового регулирования. В ФЗ от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» мы не находим никаких положений, содержащих основания освобождения от доказывания, в том числе вытекающих из вступившего в законную силу судебного решения[5]. Хотя вопрос преюдиции относительно государственных судов прямо урегулирован процессуальным законодательством Российской Федерации (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ).

В научной литературе высказывается позиция, согласно которой в отсутствие в национальном законодательстве об арбитраже нормативного закрепления, третейский суд не вправе игнорировать другие правовые источники, где содержится четкое правовое регулирование вопросов, связанных с преюдициальностью ранее вынесенного решения; поскольку одним из таких источников является национальный процессуальный кодекс, данное правило может быть применено по аналогии закона.

П. А. Ильичев, оспаривая данную точку зрения, указывал[6], что арбитраж является самостоятельной формой судебной защиты прав участников гражданского оборота, отличной от правосудия, осуществляемого государственными судами, и имеет специальное правовое регулирование процессуальных вопросов, в том числе связанных с освобождением от доказывания – в силу этого, отсутствие нормы о преюдициальности решений государственных судов является намеренным допущением законодателя.

Далее рассмотрим вопрос преюдициальности решений третейского суда для других третейских судов при производстве по делу. Прямого закрепления в законодательстве данное свойство решений третейских судов не получило. Согласно Рекомендации Ассоциации международного права о применении доктрин lis pendens и res judicata в отношении арбитража, утвержденные Резолюцией № 1/2006, принятой на 72-й Конференции Ассоциации в Торонто, Канада, преюдициальность арбитражных решений способствует эффективности и окончательности разрешения споров в международном коммерческом арбитраже. Так, согласно пунктам 1-3 Рекомендаций, существует четыре условия, соблюдение которых необходимо для того, чтобы арбитражное решение имело свойство преюдициальности для последующих арбитражных разбирательств. Такими условиями являются:

1. Окончательность и обязательность решения в стране происхождения.

2. Решение вынесено в связи с требованием о применении средства правовой защиты, что является предметом последующего арбитражного разбирательства.

3. Основание решения совпадает с основанием последующего арбитражного разбирательства.

4. Решение вынесено между одними теми же лицами.

Кроме того, существуют отдельные позиции судов, признающие преюдицию третейских судов для других третейских судов. Так, Верховный Суд РФ отмечал[7], что третейский суд в обоснование задолженности по основному обязательству сослался на другое решение третейского суда по делу о взыскании долга с векселедателя, по которому судом был выдан исполнительный лист. Таким образом, третейский суд самостоятельно не проверял наличие реального неисполненного обязательства, являющегося основным, по сути признав соответствующие обстоятельства преюдициальными и не требующими дополнительного доказывания

Наиболее дискуссионным в отечественной науке остается вопрос: имеют ли решения третейских судов преюдициальность для государственных судов? Существует множество точек зрения по этому вопросу.

---

[4] Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов / А. М. Безруков. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. 144 с. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

[5] Ануров В. Н. Преюдициальность в арбитражном разбирательстве / В. Н. Ануров. – Третейский суд. 2019. № 1/2 (117/118). С. 216. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

[6] Ильичев П. А. Проблемы преюдиции в третейском разбирательстве / П. А. Ильичев. – Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15 № 2 (111). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-preyuditsii-v-treteyskom-razbiratelstve (дата обращения: 07.04.2021).

[7] Российская Федерация. Арбитражные суды. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.12.2016 № 305-ЭС16-10852 по делу № А41-21198/2015. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

Сторонники преюдициальности решений третейских судов основывают свою позицию на свойстве обязательности решений третейских судов. О. А. Бенедская указывает[8], что третейское судопроизводство, являясь в своей основе институтом самоорганизации в системе гражданского общества, в то же время приобретает публичное значение в силу официально признаваемого качества обязательности его итоговых актов, принимаемых по вопросам права на условиях, не противоречащих фундаментальным принципам правосудия. Поэтому правовой эффект, оказываемый решениями третейского суда на государственные суды, должен включать в себя и преюдициальную силу, что соотносится с принципом добросовестности участников гражданского оборота, общностью основных начал и стандартов доказывания в гражданском судопроизводстве и третейском разбирательстве. Непризнание преюдициальности решения третейского суда в гражданском судопроизводстве ослабляет авторитет третейской процедуры и гарантии правовой определенности.

В начале 2000-х годов суды придерживались мнения о преюдициальности решений третейских судов. В 2000 и 2002 годах Федеральный арбитражный суд Московского округа[9] и Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа[10] были единогласны в том, что свойство преюдициальности судебного акта распространяется также и на решение третейского суда.

Противники преюдиции решений третейских судов указывают, что национальное законодательство, а именно АПК, ГПК не содержит данной нормы, а, следовательно, решение третейского суда не является основанием для освобождения от доказывания. Кроме того, многие сторонники этого направления ссылаются в своих работах на определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2136-О, где суд определил, что преюдициальными признаются обстоятельства, установленные судебными постановлениями судов общей юрисдикции, но не решениями третейских судов[11]. Это, в свою очередь, говорит о том, что третейские суды являются скорее альтернативной формой разрешения гражданско-правовых споров, в рамках которой не осуществляется правосудие. Но лица, участвующие в деле, могут в дальнейшем разбирательстве сослаться на принятое в отношении их решение третейского суда как на письменное доказательство, подтверждающее их позицию по делу.

С. М. Амбалова отмечает[12], что отсутствие в нормах процессуального законодательства указания на законную силу решения третейского суда связано именно с невозможностью его проверки, с запретом его пересмотра с целью поиска и ликвидации возможных ошибок, допущенных при рассмотрении дела. Как следствие это обстоятельство лишает решение третейского суда такого свойства законной силы как преюдициальность.

Е. Г. Стрельцова, оспаривая в своей статье позицию С. Л. Дягтерева относительно преюдициальности, не признает преюдициальности решений арбитража и связывает это с различием в статусах государственного суда и арбитража, с формами разрешения дела – гарантированной процессуальной у государственных судов и диспозитивной у арбитража. Она считает, что свойство преюдициальности решений арбитража может повлечь за собой бесконтрольное возникновение фактов, не проверенных единственным органом, который в РФ осуществляет правосудие – государственным судом.

Однако, мы не разделяем точку зрения Е. Г. Стрельцовой – государство признает обязательность исполнения решений третейских судов. Обязанность повторного доказывания фактов, установленных решениями третейских судов, при законодательно гарантированном исполнении этих решений, подрывает доверие к самой процедуре третейского разбирательства, лишает его одного из основных преимуществ перед государственным судом – а именно минимальности сроков рассмотрения споров. Преюдиция позволяет не тратить время судьям и арбитрам на повторное установление фактов, которые имели место в спорах сторон. Именно с этой точки зрения, нам кажется более привлекательной позиция В. В. Яркова, согласно которой, преюдициальным является не решение третейского суда, а сами факты, которые непосредственно получили свое отражение в судебном акте государственного арбитражного суда, которым было санкционировано исполнение арбитражного решения. И только тогда факты, отраженные в

[8] Бенедская О. А. Третейский суд как конституционная категория и ценность: к обоснованию доктрины / О. А. Бенедская. – Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 9-13. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

[9] Российская Федерация. Арбитражные суды. Постановление ФАС Московского округа от 22.08.2000 № КГ-А41/3631-00. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

[10] Российская Федерация. Арбитражные суды. Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 23.07.2002 № Ф04/2529-478/А70-2002. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

[11] Российская Федерация. Конституционный суд РФ. Определение от 25.09.2014 № 2014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Балашовой Светланы Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

[12] Амбалова С. М. Законная сила решения третейского суда / С. М. Амбалова. – Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 38-42. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

определении государственного арбитражного суда о приведении в исполнение арбитражного решения, приобретают преюдициальность через судебный акт государственного суда, а не сами непосредственно[13].

Таким образом, институт преюдициальности решений судов является важной составляющей гражданского и арбитражного процесса. Он позволяет не доказывать в новом деле участникам процесса обстоятельства, установленные решением суда по предыдущему делу между теми же лицами.

Однако, ввиду отсутствия надлежащего правового закрепления в законодательстве о третейском разбирательстве, вопросы преюдициальности решений государственный судов для арбитража и решений третейских судов для государственных судов нередко поднимались в обсуждениях многих ученых и правоприменителей.

С нашей точки зрения отсутствие в действующем законодательстве нормы, закрепляющей и разъясняющей свойство преюдициальности арбитражного решения для участников третейского разбирательства при рассмотрении другого дела при рассмотрении в государственных судах, а также в рамках арбитража (третейского разбирательства), является пробелом законодательства.

Отсутствие преюдиции фактов, установленных третейским судом, при законодательно гарантированном исполнении этих решений, подрывает доверие к самой процедуре третейского разбирательства, лишает его одного из основных преимуществ перед государственным судом – а именно минимальности сроков рассмотрения споров.

На наш взгляд, данную проблему можно решить путем внесения изменений в закон об арбитраже и процессуальные кодексы. В закон об арбитраже стоит внести следующее: при рассмотрении дела в третейском суде (арбитраже) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено судом.

В процессуальные кодексы стоит внести следующее: при рассмотрении дела в суде обстоятельства, установленные решением третейского суда (арбитража), приведенным в соответствии с Законом в исполнение судом, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено третейским судом (арбитражем).

Подобные изменения должны будут укрепить доверие граждан к процедуре третейского разбирательства, позволят сократить время на повторное выяснение обстоятельств, установленных предыдущим решением.

Библиография

1. Амбалова, С. М. Законная сила решения третейского суда / С. М. Амбалова. – Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 38-42. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

2. Ануров, В. Н. Преюдициальность в арбитражном разбирательстве / В. Н. Ануров. – Третейский суд. 2019. № 1/2 (117/118). С. 216. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

3. Безруков, А. М. Преюдициальная связь судебных актов / А. М. Безруков. – Москва. : Волтерс Клувер, 2007. 144 с. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

4. Бенедская, О. А. Третейский суд как конституционная категория и ценность: к обоснованию доктрины / О. А. Бенедская. – Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 9-13. – Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

5. Ильичев, П. А. Проблемы преюдиции в третейском разбирательстве / П. А. Ильичев. – Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15 № 2 (111). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-preyuditsii-v-treteyskom-razbiratelstve (дата обращения: 07.04.2021).

[13] Ярков В. В. Арбитражный суд и международный коммерческий арбитраж. Некоторые направления взаимодействия / В. В. Ярков. – Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2007. № 2. С. 121. Доступ из справочно-правовой системы КонстультантПлюс. – Текст : электронный.

Информация для авторов статей

Заявка представляется на бумажном или электронном носителях. Допускается также представлять заявку по электронной почте по адресу: law-society@msalkirov.ru.

Заявку на публикацию следует представлять по следующей форме:

1) фамилия, имя, отчество;
2) ученая степень, звание;
3) должность;
4) город, представляемая организация или учреждение;
5) тема статьи (или иной публикации);
6) домашний и служебный адрес (с указанием почтового индекса);
7) телефон, факс (с указанием кода города), e-mail.

1. Требования к объему представляемых материалов:

1) статья: 5-10 страниц формата А4 (до 20000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами);
2) тезисы, рецензия, иные материалы: до 2 страниц.

2. Оформление текста представляемых материалов:

Текст статьи должен быть подготовлен с применением текстового редактора Word и удовлетворять следующим требованиям:

1) поля – левое, правое, верхнее и нижнее – 2 см;
2) шрифт – Times New Roman;
3) размер символов – 14 пунктов;
4) абзацный отступ – 1,25 см;
5) интервал – полуторный;
6) номера страниц не проставляются.

3. Оформление сносок:

1) размер символов – 12 пунктов;
2) абзацный отступ – 1 см;
3) интервал – одинарный;
4) при ссылках на авторов в тексте следует указывать фамилию, инициалы автора, название публикации, источник – место, год, номер, страница;
5) при ссылках на правовые акты следует указывать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации, Постановление Правительства Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами, т.е. например: 12 декабря 2012 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование.

4. Оформление аннотации и ключевых слов к статье:

Аннотация и ключевые слова к статье представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть подготовлена в соответствии с общими требованиями, указанными в п. 2.

5. Материалы аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений.

6. Авторам рекомендуется проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.